

В номере:

Статья редактора

Георгий Каюров. *Наше поколение – 100 лет!*..... 3

Презентации и конкурсы

Анна Малдофа. *Автор года – III номинация* 5

Трагические даты

Игорь Фунт. *Пушкин в джинсах Levi's* 11

Проза

Владимир Уланов. *Бунт* 24

Владимир Шатров. *Флаги Демида* 44

Николай Винятинский. *Первый снег* 57

Ирина Коротченкова. *Лёнчик* 63

Лихие 90-е. Как это было

Вячеслав Кучурка. *От сумы и от...* 66

Гость номера

Александр Волков. *Русская Земля* 75

Поэзия

Нелли Зиновьева 78

Поэмы

Юрий Иванов. *Песнь о вещем Всеславе и Белой Руси* 80

Дебют

Татьяна Драгуцан 90

Литература для детей

Евгений Новичихин. *Осьминог* 92

Наталья Веселова. *Город подсолнухов* 94

Дневник путешественника

Екатерина Кожухарь. *Благословенная Оптина* 101

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Дмитрий Нечаенко,
Ольга Бедная, Анна Кашина, Иван Дуб, Маргарита Сосницкая, Александр Милях,
Виктор Хантя, Матвей Левензон, Иван Голубничий, Михаил Лупашко, Дмитрий
Градинар, Максим Замшев, Светлана Замлелова, Юрий Харламов, Анна Малдофа.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художники-иллюстраторы

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ, Елена ЛЕШКУ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

Илья АЛЕКСАНДРОВ, Светлана АЛЕКСАНДРОВА, «IVESA Grup»

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Георгий КАЮРОВ

Наше поколение – 100 лет! 1912-2012 годы

Дорогие читатели и авторы журнала «Наше поколение», позади ещё один год. Работа журнала приняла тот стабильный ритм, который стал последовательно отображать литературный процесс в литературной Молдове. Сформировался костяк авторов. Мы смогли расширить границы популярности нашего журнала. Литературный голос Молдовы зазвучал во всем мировом русскоязычном пространстве. Чего только стоил радиоэфир на «Радио Израиля», проведенный нашим постоянным автором Ефимом Гаммером! Слушая голос Ефима по Интернету, мне казалось, что имена наших авторов звучат на весь мир!

Для авторов из различных стран журнал стал привлекательной площадкой представить свои произведения. Молдавский читатель получил возможность знакомиться с произведениями современных авторов практически всего мира. На страницах журнала публиковались произведения авторов из США, Израиля, Болгарии, Украины, России, Италии, Германии, Франции, ЮАР, Узбекистана и других стран.

Большая армия авторов стоит за спиной журнала. В ее авангарде такие имена, как Владимир Крупин, Владимир Гусев, Иван Голубничий, Александр Милых, Максим Замшев, Светлана Замлелова, Николай Головкин, Михаил Попов, Николай Переяслов, Владимир Уланов и многие другие именитые писатели-современники.

Обязан коснуться проделанной работы всеми нами – писателями и читателями журнала «Наше поколение». Оглядываясь назад, сегодня не страшно смотреть в будущее. Что же нам удалось сделать за три года? Всего не перечислишь. Это около пяти сотен авторов и более двух тысяч произведений, опубликованных на страницах журнала. Это сотни творческих встреч по всей территории Молдовы. Десятки конкурсов и мастер-классов, радио- и телеэфиров. Это и регулярные ежегодные церемонии «Автор года», если первая стартовала с пятью номинациями, то в 2011 году их было уже десять! Это более двадцати авторов из Молдовы, которых вывел журнал за ее пределы, и их произведения публикуются в ведущих литературных изданиях мира. Журнал получил всемирную известность в среде литераторов и читателей. «Наше поколение» – это уже бренд в литературном

сообществе русского мирового пространства. Планов еще больше! И все-таки этого всего будет мало, если не сказать о нашем главном достижении!

Нам, всему редакционному коллективу во главе с редакционным советом, авторам, читателям, удалось сохранить русскую литературу в национальном достоянии Молдовы! Что же мне дает право на такое смелое утверждение? Думаю, тот запущенный процесс, который уже невозможно скрыть и остановить – мы разрушили «железный занавес», стерли границы местечковости, ханжеской кубловости в русской литературе Молдовы. Нам удалось сломать настроенные посредственными личностями идиотские границы, личностями, провозгласившими себя «живыми классиками» и узурпировавшими право решать, кто может писать, а кто нет, кто русский, а кто нет. К нам, в Молдову, пришли литераторы со всего мира, хлынула современная русская литература, а это стало давать новое дыхание литературному творчеству! И самое главное. Молдавский многонациональный читатель смог увидеть, что русский писатель, в какой бы стране он ни жил, – это подвижник, созидатель, творец!

Сегодня можно смело говорить о том, что журнал удерживает пальму первенства в русской литературе Молдовы. Редакция и авторы журнала смогли заглянуть в самые отдаленные уголки Молдовы и провести творческие встречи с лицеистами и читателями небольших селений и городков. Учителя русского языка и литературы из различных лицеев Молдовы используют журнал для преподавания современной русской литературы. И что важно! У редакции и учителей налажился двусторонний обмен! Только за истекший год благодаря своим публикациям многие учителя были аттестованы на различные категории.

Благодаря появлению журнала «Наше поколение» некоторые творческие группы взялись наконец за дело и начали выпускать собственные издания. В забурлившем литературном процессе зашевелились и околелитературные «лежебоки», пытающиеся своими локотками отбить свое залежалое местечко, но! Лед, как говорится, тронулся! Щепа сопротивляется, но мощным течением относится на околелитературную помойку.

Большую подвижническую работу проводят члены редакционного совета журнала. Мне приятно осознавать – какие мы все разные, и горжусь за наш журнал, что вокруг него объединились такие яркие личности, талантливые писатели и единомышленники в служении русской литературе. Литературная и общественная деятельность каждого в отдельности ярко освещает журнал и служит путеводной звездой для нашего детища – журнала «Наше поколение». Назвать их имена для меня великая честь – Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Юрий Харламов, Ольга Бедная, Анна Кашина, Иван Дуб, Маргарита Сосницкая, Александр Милях, Виктор Хантя, Матвей Левензон, Иван Голубничий, Дмитрий Градинар, Максим Замшев, Светлана Замлелова, Дмитрий Нечаенко, Анна Малдофа!

Развитие журнала проходит поступательно. Что еще раз подтверждает правильность разработанной стратегии редакционной коллегией. За что особо хочу поблагодарить и выразить свою признательность всем сотрудникам редакции, на плечах которых лежит повседневная, кропотливая работа по выпуску журнала – Вере Димитровой, Людмиле Додул, Ольге Додул, Дмитрию Мазепе, Вячеславу Задзику, Эдуарду Майденбергу, Юрию Геращенко, Виктору Ханте. Особая благодарность разработчикам нашего логотипа – Светлане Александровой и Илье Александрову.

С большим удовольствием называю имена наших сторонников, потому что в редакции лежат номера журнала «Наше поколение» выпуска 1912 года, и я могу прочитать имена тех авторов и редакторов, которые работали над журналом сто лет назад. Это ли не память, которой можно гордиться? Пройдут годы, столетия, и вот так же кто-то из молодых возьмет в руки наш журнал и прочтет имена подвижников русской литературы!

С гордостью говорю о наших партнерах интернет-изданиях «Великороссь», «Камертон» и типографская версия литературного журнала «Великороссь». Они стали

четвертой ступенью в реактивной скорости журнала «Наше поколение», предоставив возможность авторам из Молдовы печататься в России и таким образом задав русской литературе Молдовы новое звучание. С большой честью называю имена их лидеров – Светлана Замлелова, Николай Головкин, Иван Голубничий! С великим чувством признательности называю литературные издания и благодарю коллективы всех редакций за творческую поддержку авторов журнала «Наше поколение: «Море», «Знаци» (Болгария); «На любителя» (США); «Московский литератор», «Молодая гвардия», «Великороссь», «Мост», «Край городов», «Истоки», «Молодая гвардия», Содружество литературных проектов «Русское поле», в которое входит такое Интернет издание как – «Русская жизнь», Евразийский журнальный портал «Мегалит» (Россия), «Радио Израиль» (Израиль).

Большую благодарность от авторов и читателей выражаю нашим партнерам: представителю авиакомпании «Сибирь S7», Славянскому университету, компаниям – «DAAC Hermes», «Orange», «Moldpresa», «Niagara fitness club», «UNIBANK», «Griffin» и др.

Тесное сотрудничество с Главным управлением образования, молодежи и спорта города Кишинева позволило расширить возрастные границы читательской аудитории. Благодаря этому сотрудничеству уже в прошлом году появились две номинации «Учитель года» и «Лицей года». За такую поддержку особая благодарность Татьяне Ивановне Нагнибеда-Твердохлеб.

Не отстало от своих столичных коллег и Главное управление образования, молодежи и спорта города Бельц, с которыми в прошедшем году редакция провела первый поэтический конкурс «Поэтическая осень в Бельцах».

Наступивший 2012 год пройдет в программе 100-летнего юбилея названия журнала «Наше поколение». Будут новые творческие встречи, мастер-классы, конкурсы.

Журнал «Наше поколение» вступил в четвертый год! Всем нам желаю творческого процветания!

Анна МАЛДОФА

Автор года – III номинация

Двенадцатого декабря в Национальной библиотеке Республики Молдова в третий раз прошла церемония вручения премий «Автор года» по версии журнала «Наше поколение».

Анна Малдофа

С каждым годом разделить радость авторов и читателей журнала приходит всё больше поклонников изящной словесности. Так и в этот раз – читальный зал библиотеки был заполнен людьми разных возрастов и профессий, а главное – съехались авторы из одиннадцати районов республики!

С приветственным словом выступил главный редактор журнала, член Союза писателей России Георгий Каюров. Он подвел итоги трехлетнего выхода журнала и рассказал о том, что «Наше поколение» популярно не только в Молдове, но и в России, Украине, Германии, Израиле и других странах. Приятной новостью, особенно для авторов, стало то, что с 2012 года на журнал «Наше поколение» можно будет подписаться и на Украине. Также Георгий Каюров сообщил,

что за три года на страницах журнала были опубликованы произведения более четырехсот авторов. В этом году количество номинаций увеличилось до десяти. К уже существующим прибавились номинации «Партнер года», «Меценат», «Учитель года», «Университет года», а в следующем году добавятся еще две – «Библиотека года» и «СМИ года».

– При подведении итогов я постарался учесть мнения всех членов редакционного совета, которые пожелали высказаться в пользу того или иного автора-номинанта, достойного быть отмеченным премией «Автор года», – в завершение своей речи сказал Георгий Каюров, – но окончательное решение принималось как обычно – по принципу волонтаристского решения главного редактора. Поэтому прошу не обижаться тех, для которых в этом году премия пройдет мимо. Вина в этом полностью на мне.

Вся церемония – от начала и до конца – проходила с приятными сюрпризами. Очередным таким сюрпризом для присутствующих стали новые дипломы, вручаемые победителям. Теперь это не просто красивые папки, а позолоченные почетные знаки в деревянной оправе, на которых выгравированы имена победителей и название номинации.

Виктор Хантя

Торжественная часть награждений началась с партнеров журнала. Почетные знаки в номинации «Надежный партнер» были вручены: компаниям «DAAC Hermes», «Orange»

и Национальной библиотеке РМ. В номинации «Меценат» почетного знака удостоилось представительство компании «S7 Airlines» в Молдове. В номинации «Университет года» почетный знак получил Славянский университет.

Открыл праздничный концерт поэт Виктор Хантя, прочитав два новых стихотворения. Виктор – постоянный автор и участник мероприятий «Нашего поколения», и своим выступлением он продемонстрировал рост поэтического мастерства.

Затем наступил еще один волнительный

Алевтина Паскарюк – «Учитель года»

момент для номинантов и участников церемонии. На премию «Лицей года» было номинировано четыре учебных заведения – лицей

им. В. Левски и им. М.Коцюбинского (Кишинев), лицей из села Копчак, лицей им. Маяковского (Бельцы). Победителем стал лицей

Клавдия Арт – «Поэт-песенник»

им. М. Коцюбинского. Представляла лицей в этот вечер преподаватель русского языка и литературы, постоянный автор журнала – Алевтина Паскарюк. С приветственным словом обратилась генеральный директор Главного управления образования, молодежи и спорта города Кишинева Татьяна Ивановна Нагнибеда-Твердохлеб. И снова сюрприз ждал уже коллективы лицеев им. В. Левски и им. М.Коцюбинского. Совместным решением редакции журнала «Наше поколение» и Главного управления образования, молодежи и спорта г. Кишинева с этого года учреждена еще одна премия – «Учитель года». Первыми обладателями дипломов «Учитель года» стали преподаватели Никола Караиванов (лицей им. В. Левски) и Алевтина Паскарюк (лицей им. М. Коцюбинского).

Заслуженная артистка РМ Елена Тер и её танцевальный коллектив «Plai Natal» подарили зрителям ощущение настоящего праздника. Ребята исполнили молдавский народный танец, а Елена спела две яркие и зажигательные песни. Зрители остались в восторге от её выступления.

Георгий Каюров вместе с Еленой Тер вручили премию «Поэт-песенник» – это тоже новая номинация. Её получила Клавдия Арт из города Сороки. Кстати, песни, которые ис-

полняла на церемонии Елена Тер, написаны Клавдией Арт.

ведущей, я волновалась из-за мелких организационных моментов. Но все волнения

Елена Тер и танцевальный коллектив «Plai Natal»

Праздничный концерт продолжила лирика Татьяны Титушкиной и песни барда Стаса Мирзаева. После их выступлений счастливая минута наступила для журналиста Екатерины Кожухарь. Она получила премию в номинации «Очерк года». После этого Андрей Потёмкин поздравил всех присутствовавших с праздником, который организовал журнал для авторов и читателей, и подарил свое стихотворение.

Все зрители замерли в ожидании – ведь настало время вручить одну из главных премий – «Поэт года». Георгий Каюров и поэт Александр Милых вручили диплом и статуэтку поэту из города Бельцы Игорю Хомечко. Победитель прочитал свои стихи и передал микрофон maestro поэзии Александру Милыху, который в свою очередь продекламировал несколько стихотворений из своих подборок разных лет.

Весь вечер, стоя на сцене в качестве

отступили, когда я вышла на сцену читать стихи. Всё-таки это большое счастье – иметь возможность выступить перед такой благодарной публикой, которая собралась в Национальной библиотеке.

Самую важную премию в номинации «Проза года» Георгий Каюров вручал вместе с парламентским адвокатом Аурелией

Георгий Каюров, Аурелия Григориу, Николай Винятинский – «Прозаик года»

Григориу. Победителем стал Николай Винятинский из города Единцы.

Завершил церемонию Виктор Хантя, исполнив песню «Вечерняя застольная» Александра Розенбаума.

Каждый номинант получил почетный знак и фирменную статуэтку – это керамическая композиция: на мраморной подставке стоит раскрытый журнал, а из него вырастает символ вечной творческой мысли – цветок

Александр Милых

подсолнечника, увенчанный восемью лепестками, один из которых оторван. Цифра

восемь символизирует бесконечность творческой мысли, а оторванный лепесток – это одиночество творческой личности. Идея и исполнение статуэтки принадлежат скульптору Анатолию Силицкому и писателю Георгию Какурову. Замечательные дипломы – памятные знаки – изготовлены поистине золотыми руками Василия Наперковского.

Премия «Автор года» охватила всю Молдову, – ведь победителями ежегодно становятся не только жители столицы, но и авторы из других районов и городов нашей республики. Я провела эту церемонию в третий раз и с уверенностью могу сказать, что с каждым годом круг друзей «Нашего поколения» расширяется, и премии получают самые достойные и талантливые авторы журнала.

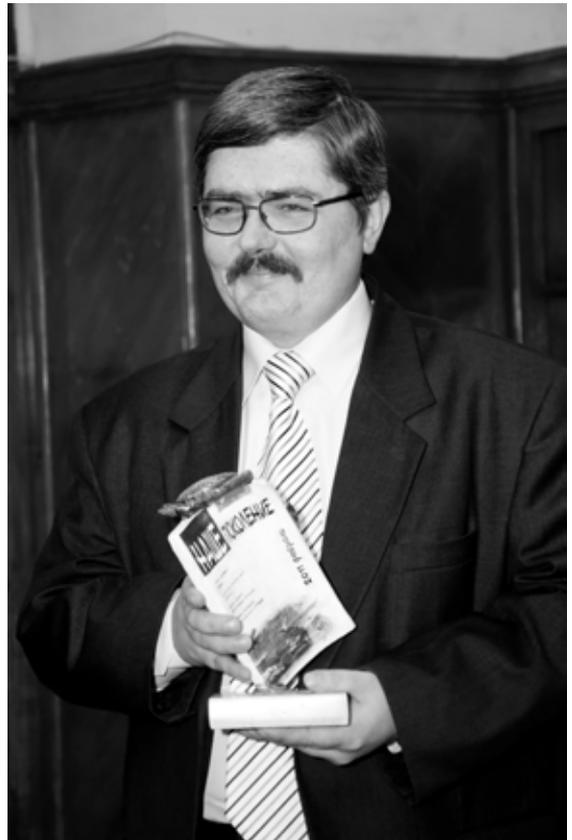
2012 год пройдет в программе 100-летия празднования названия «Наше поколение» 1912-2012 годы. В честь этого события будет проведена особенная церемония «Автор года». Поэтому я с нетерпением жду встречи со всеми читателями ровно через год!

Дипломы, которые получали все номинанты премии «Автор года»

Андрей Потёмкин

Игорь Хомечко – «Поэт года»

Татьяна Титушкина

Ольга Рушникова

Стас Мерзаяев

Екатерина Кожухарь – «Очерк года»

Никола Караванов

Участники и гости церемонии «Автор года»

Игорь ФУНТ

Пушкин в джинсах Levis, или «...поля, сад, крестьяне, книги, труды поэтические, семья, любовь. Религия, смерть...»¹

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПРЕСТУПНОЙ ДУЭЛИ

*Как громко мы молчим, как тихо спорим,
как медленно горим, как горько пьём,
как гибнем врозь, как верим каждой ссоре, –
безропотно стоим под проливным дождём.
Б.Марковский*

*«Теперь еду опять другим трактором.
Авось без приключений».
(Из письма П. к жене)*

В день Вознесения помянем...

«Почуяв мёртвого, храпят и бьются кони»

«Краткая, обычная человеческая жизнь вполне достаточна для свершения всех мыслимых дел и для полного наслаждения всеми страстями. А кто не успевает, тот не успеет никогда...» – мало того, Платонов, конечно, знал, что сын Пушкина – Саша, Александр Александрович, полковник русской армии – принимал участие в русско-турецкой войне, получил саблю с надписью «За храбрость», был награждён Георгиевским крестом, а к столетию своего великого отца произведён в генералы, и умер в возрасте 81 года, в самый первый день войны 1914-го, оставив солидное потомство – аж 13 детей; – а ведь батюшка его прожил бы не меньше, ей богу, но... Пушкин... Пушкин... Пушкин – это религия! – вторим мы пушкинисту Сергею Бонди, проклиная известную петербургскую немку-гадалку Кирхгоф, напророчившую молодому поэту (1819), не чуравшемуся суеверных примет, «согласных с чувствами души»: «Проживёшь долго, если на 37-м году жизни ничего не случится». Кстати, Александр Александрович и передал отцовские рукописи, доставшиеся ему по семейному разделу имущества, в Румянцевский музей (библиотека им. Ленина) по случаю торжеств в связи с открытием памятника Пушкину в Москве на Тверском бульваре (1880); правда, ревностно утаив, видимо, от любви к «отеческим гробам» дневник отца, к рассказу о котором мы ещё вернёмся.

...А люди с вольнолюбивыми фамилиями Ленский были уже рождены и разлетались по России, как посеяны были Пушкиным зёрна Петровской, европейской романтики – заветы свободы, взлелеявшие возможность совершенствования мира и конечного торжества добра в ущерб «обыкновенному уделу». И набоковский губернёр Ленский из «Других берегов», «человек разносторонний, сведущий, умеющий разъяснить решительно всё, что касалось школьных уроков», в то же время проявлявший совершенную «бездарность в области финансовой и государ-

ственной, то есть именно в той области, которую он избрал для изучения», уничтожительно был похож на преподавателя законовения Н.А. Ленского из Тенешивского училища, где учился сам Владимир Владимирович Набоков... (сделавший впоследствии сложнейший по стилистической задаче перевод «Евгения Онегина» (1964), работавший над ним около 30 лет, снабдив сей труд уникальными по своим лингвистическим, сравнительно-литературоведческим, историко-культурно-бытовым значениям комментариями – тысяча и одно примечание!).

Какое-то невыносимое, нереальное наполнение, насыщение столь короткой жизни, начиная с особенного происхождения – «потомок негров безобразный»; – потом Арина Родионовна; лицейская юность с мимолётным рифмованием в центре блистательно-беспечного дружеского круга будущих столпов отечества – «милого лицейского народца» – чуждого мертвящей зависти, кипевшего избытком молодых весёлых сил, грезящего о счастье и, – что простимо, – по возможности избегавшего тягости труда: «храбрый Данзас», преданный Дельвиг – Вальтер Скотт с истинно британским юмором, Горчаков (проживший дольше всех из лицейстов – до 83 лет), Кюхель – «чистейшее существо» и т.д. и т.п. «Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочёл, о чём мы и не слышали!» – восклицал Иван Пущин (сосланный впоследствии на пожизненную каторгу по делу декабристов); – затем чрезвычайно ранний литературный успех; ссылки, похожие на путешествия, возвышающие дух до «недостижимой высоты!» (Вяземский); неусыпный секретный полицейский надзор (с 1827); несбывшийся рискованный побег в Китай – «Поедем, я готов»...

Любимые женщины, блестящая женитьба – сама его жизнь становится невероятной художественной ценностью, цельностью – рукописи (уральские, болдинские, оренбургские, михайловские), статьи, черновые манускрипты (ли-

цейские, кишинёвские, масонские, отрешковские, арзрумские тетради – всего 18), белые автографы, речи, пред которыми бледнели профессорские изречения Вильмена и Гизо; полемические заметки, стихи, поэмы, злобнейшие эпиграммы-отзывы («беззубая собака, которая не кусает, а мажет слюнями» – о Каченевском), альбомные записи («уездной барышни альбом»), драматические произведения, романы, повести, путевые записки, исторические исследования (историком «Пугачёвского бунта», приготавливаясь к «Истории Петра», Пушкин и умер), анекдоты – table talk, критические статьи, заметки на полях (на книге Батюшкова, напр.) – пометы («тайны письма») и маргиналии на чужих книгах («ручки», «стяжи», «рози», «истягнуши», «стуга» – в «Слове о полку...»); переводы, дневник (2 части из 3 утеряны), письма (почти 800), деловые бумаги, да ещё и 2000 рисунков... Хм, ещё и Гоголь с пушкинскими сюжетами «Ревизора» и «Мёртвых душ»; ненавязчивое признание Толстого о промелькнувшем вдруг замысле «Анны Карениной» при чтении пушкинского отрывка «Гости съезжались на дачу...»; а заглавие главного романа Льва Николаевича, не исключено, взято из этих строк: «...Описывай, не мудрствуя лукаво, всё то, чему свидетель в жизни будешь: войну и мир...» («Борис Годунов»); подражание юного демониста Лермонтова, будущего сладострастного «поэта сверхчеловечества» (Мережковский), как знак принятой эстафеты русской аполлинической мысли; прядка пушкинских локонов – святыня на всю жизнь – срезанная слугой для 19-летнего Тургенева, не написавшего пока ни строчки; – сколько ещё? – да бесконечно! Не говоря об эпистолах фальсифицированных, исковерканных, по словам Л. Павлицева, а также о письмах и тетрадях, сожжённых под страхом приезда царского фельдъегеря, уничтоженных и до сих пор не найденных («Сожжённое письмо»), начиная с лицейских воспоминаний. (Хотя, несомненно, «чемпион» по невосполнимым утратам творческого наследия – Лермонтов.)

Время непростое (а бывают простые времена?), конфликтное, осыпающее камнями и кремнием жизненный путь молодых поэтов, дворян, русских людей, но... – юнкерские кутежи, великосветские балы, ослепительно красивые, утончённые женщины, благородные, умные друзья... Одновременно в высшей степени обладание чувством родины, её истории, культуры, вообще чувством народности; – конечно же, казни-высылки-изгнания, декабристы с их барской беспочвенностью («Любовь ли петь, где брызжет

кровь...»), кавказская война (куда ж без неё?) с лермонтовской симпатией к Востоку, не затухшее эхо Бородино («...Вотще лишь гневом дух пылал!..»), заморские приключения с бурной и крупной карточной игрой и дуэлями (несостоявшаяся стрельба П. с Толстым-Американцем)² – но ведь дуэли, впрочем, как и волокитство были тогда обыкновенны и в жизни, и в романах (правда, восемь из десятка кончались ничем): Онегин с Ленским, Печорин с Грушницким, Пьер Безухов с Долоховым, и далее – от «Вешних вод» до чеховской «Дуэли»; Грибоедову тоже на дуэли пуля прошла мизинец; Тургенев с Толстым чуть не пострелялись, в конце концов; Михаил Юрьевич, святая душа в святом порыве, хотел вызвать убийцу Пушкина (вслед за горячо любимым А.С. братом Львом); и далее, далее... – по-шиллеровски брошенные в гроб друга перчатки Вяземского и Жуковского – тайный знак неприятия «тяжкого млата» судьбы; пуля «бравого майора Мартынова», срезавшая верхушку с дерева русской поэзии, суровый голод Некрасова, каторга Достоевского, разжалованный в солдаты Полежаев, вынужденная эмиграция Герцена, туберкулёз Белинского, и далее... далее... Сама История, как кипящая страсть – «источник наслаждения и горя» (Висковатый) – наводит на мысль о неизбежности трагедии величайшего из великих, убрать, изъять которого из памяти-сознания народа стоило бы этому народу ещё большей трагедии, если не сказать перерождения, ведь даже в самые худые времена мы во многом спасались и спасаемся Пушкиным. И это не удивительно: образ Пушкина существует в нашем национальном духовном бытии уже сам по себе, как бы помимо даже стихов: «так иной раз истово чтущие Христа могут не знать и трёх строк Священного писания и спотыкаются сразу за первыми словами “Отче наш”...» (Н. Скатов).

Но дух – известно, что такое дух:

Жизнь, сила, чувство, зренье, голос, слух...

* * *

С моим названьем станут повторять твоё...

(Лермонтов)

«Назовут меня, сразу же назовут и тебя», – сформулировал Михаил Булгаков славу оболстителя-балагура, проходимца, имевшего три отечества – два имени, пустого светского льва поручика Дантеса, будто славу Понтия Пилата с Брутом, Лермонтова и Мартынова – скопца Смерядкова с Иваном Карамазовым... Какого «Гамлета», какого «Макбета» унёс он с собой в

могилу, и что было бы с русской литературой, если бы Пушкин прожил столько же, сколько Шекспир? – с горечью спрашивает потомков Л. Шестов и тут же отвечает, что каждый раз, когда приходится вспоминать об ужасном событии, нет возможности подавить рвущийся из груди невольный вздох: мы не можем простить судьбе и её орудию, Дантесу, их жестокости – Пушкина у нас нет, вместе с ним ушли навсегда в могилу бесценнейшие перлы художественного творчества. Но, – Пушкин у нас был, и от него осталось великое наследие, которое уже никакими силами не может быть вырвано. Это наследие – вся русская литература.

См. «Жил бы Пушкин долее...»

(И.Гречаник):

Выходя на дорогу, душа оглянулась:

Пень иль волк, или Пушкин мелькнул?..

* * *

Он истину мира сего

Принёс на ладони тебе...

(Ю. Кузнецов)

3 февраля 1837 года московский почт-директор А.Я. Булгаков, должностные обязанности которого в полной мере соответствовали его «любопытному» и общительному характеру, в письме к своей дочери О.А. Долгоруковой, находившейся в тот момент в Баден-Бадене, сообщает: «Несчастный отец поэта ни о чём не подозревает. Третьего дня я встретил его идущим пешком; мы побеседовали с минутку, и мне было так тяжело видеть этого несчастного спокойным и не подозревающим несчастья его ожидающего».

...И пред ним, со всех сторон

Тени, тени, тени –

Пушин, Кюхля и барон

Огненный Катенин.

...Кончен путь. Последний брег.

Чей-то крик: «Начните!»

И без чувств упал на снег

Пушкин, сочинитель.

М. Кузмин, 1927

«Мне остаётся одно: молить Бога не отнять у меня памяти, чтоб я его не забыл», – это было произнесено папой с раздражающей «ласковостию», по словам Баратынского, навестившего Сергея Львовича в ту самую минуту, как того уведомили о страшном происшествии, – «Он, как безумный, долго не хотел верить», – сообщает

Евгений Абрамович в письме к Вяземскому о том, как воспринял трагическое известие отец, узнавший о смерти Саши от своих близких знакомых, которые «уведомили» его о случившемся почти неделю спустя – между 3 и 5 февраля.

Именно к упомянутому почт-директору обратился Жуковский коротенькой и важной записочкой, рассчитывая на крайне неумеренное любопытство Булгакова (получившего послание от Ж. 25 февраля): «Вот тебе, милый Александр, письмо, которое передай от меня Сергею Львовичу». – И добавил: «Можешь его после вытребовать и прочитать в нём описание последних минут Пушкина». – Вне всякого сомнения, Булгаков тут же полностью скопировал оригинал; не приходится сомневаться и в том, что такую же возможность почт-директор предоставил также и другим лицам, пожелавшим иметь список со знаменитого письма, сослужив, в принципе, добрую службу потомкам и самому П. (Жуковский реабилитировал А.С. в глазах царя, превознося и возвеличивая государя, пренебрегая истиной, таким образом обеспечив материальное будущее семье поэта, защитив его творческое наследие от запрета и гонений), заставив лишь наморщить лбы дотошных учёных-пушкиноведов, потерявших (не по воле своей, а ввиду активного обмена копиями дуэльных писем между московским и петербургским почтампом) непосредственно оригинал: «Прости, мой бедный Сергей Львович! Я не думал, что мне придётся хоронить его, быть опекуном его сирот и издателем его сочинений, оставшихся по смерти. Лучше когда бы он мог оказать эту последнюю услугу мне... Прилагаю список с собственноручной записки Государя, который оригинал написанный карандашом хранится у меня; я получил её от него лично на другой день смерти Пушкина... Не знаю, прочтёшь ли ты что я написал; я имею привычку писать мелко, когда пишу скоро, а перечитывать нет время. Прости»³.

«Числюсь по России»

Черна роля заорана

И кулями засияна

Билым тилом взволочена

И кровию сполочена

Гей гей.

(Укр. нар. песня, записанная П.)

«Счастливые» подмосковные Захарово «с заборами в реке волнистой», голицынская библиотека в Вяземах, царскосельское «отечество», Кишинёв, говорящий по-французски, с попугаем

губ-ра Инзова, наученным П-м горланить матом (сродни Вяземскому, обученному П-м боксировать и картёжничать); Аккерманская крепость – неистовые споры о гробнице Овидия, оренбургская станица Берды – легенды о пушечных выстрелах с колокольни вора Пугача пятаками вместо картечи, десятидневный Екатеринослав («Братья-разбойники») с мазанкой на берегу Днепра, одесский театр – напротив казино, Тверь, Бахчисарай и дорожный Торжок, Болдино, Остафьево (с подписью П. на исподней доске стола в Карамзинской комнате); Могилёв (один день!), псковское Михайловское, сувенирный ныне Арбат и дом Волконской на Мойке, 12, близ Певческого моста – последняя его квартира, чтимая уже современниками как памятная святыня, – постепенно стали анфиладой мемориального пушкинского дома. Пушкин и годуновской Москвой распорядился со свободой и правом коренного москвича (чем очень гордился), с уверенностью наследника – ведь он «дома»! – с шекспировским размахом разбрасывая сцены по Кремлю и Красной площади, по монастырям и палатам: его предок расхаживает по Москве не только как вершитель российской истории, но и как искони московский житель. (Мыслимое ли дело – с марта 1799 по май 1811 года семейство Пушкиных меняло своё местожительство в Москве 11 раз! – просто Надежда Осиповна, матушка поэта, терпеть не могла засиживаться на одном месте, к тому же не умела вести хозяйство, что тяжело отзывалось на семейном бюджете и домашнем порядке.)

Конечно, Александр Сергеевич прекрасно знал проделки и «следствия невоздержанной жизни» своего прадеда-абиссинца «арапа Петра Великого» и деда Осипа Абрамовича, двоюродного брата и мота; с детства привык Саша к беспечному образу жизни своих родителей, отдававших земли в залог, и не считал их поведение чем-то ненормальным: куда бы Пушкины не переезжали, везде устраивались приёмы, давались балы, покупались роскошные платья в фешенебельном французском магазине для «La belle creole», как в свете называли блистательную Надежду Осиповну; а жителей Харитоньевского переулка в Москве очень смешил курчавый мальчик в потёртых штанишках из перелицованного и вылинявшего сукна, тайком пробиравшийся в отцовскую библиотеку по ночам, сочиняя там катрены.

Дети ходили в обносках; няня Арина, истинный ангел-хранитель семьи, кроила какую-то ветошь, а крепостной Никита мудрил из старых фраков детские одеяния. «Дом их представлял какой-то хаос: в одной комнате богатые мебели, в

другой – пустые стены, даже без стульев, многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всём, начиная от денег и до последнего стакана, – вспоминал близкий сосед Пушкиных и лицейский товарищ А.С. барон Корф. – Когда у них обедало два-три человека, то всегда присылали к нам за приборами». Радовало одно: при недостатке средств и при всей скупости Сергей Львович не жалел денег на образование детей; не зря школяры прилепили нелестный тогда собрикет «француз» из-за совершенного знания Сашкой французского языка с его утончённой «отравой», привитой гувернёром графом де Монфор.

Ощущая национальный характер исторических творений Петра Великого – пушкинского идола – А.С. подчёркивал, прежде всего, национально-русский патриотизм – будучи несомненным «отголоском своего поколения, со всеми его недостатками и добродетелями», будучи по непосредственным устремлениям и оценкам западником, высоко ценя западную культуру и веруя в её необходимость для России, глубоко сожалея также и о разделении церковью, отделившем Россию от остальной Европы и лишившем её участия в великих событиях европейской истории. Ужасаясь жестокости Петровских указов (противопоставляя их мудрости его законодательных мер), Пушкин остро сознавал, что вся русская культура XVIII-XIX века и все начатки науки и искусства в России имеют своим источником ту европеизацию, основу которой положил Пётр Великий, оставаясь в контексте пушкинских произведений подлинно русским, со своим исконным своеобразием, правителем. Пушкин как бы объединяет не развернувшихся пока в полную силу и не приготовившихся к непримиримому бою поборников запада и славянофилов, совмещая русскую «благодать» как призыв милости к «падшим рабам» и западную «свободу» как полноту наслаждения и раскованности, доставляемых искусством, тем самым снимая саму дилемму, лежащую в основе спора между «националистами» и сторонниками «общечеловечности»: либо преданность своему, исконному, родному, либо доступность чужим влияниям: «Я далёк от того, чтобы восхищаться всем, что вижу вокруг себя; как писатель, я огорчен.., многое мне претит, но клянусь вам моей честью – ни за что в мире я не хотел бы переменить родину или иметь иную историю, чем история наших предков, как её нам дал Бог». Начиная с середины 20-х годов, особенно в связи с собиранием исторических материалов для «Бориса

Годунова», Пушкин отчётливо осознавал всё значение православия для русского национального духа и для русской культуры как символа примирения. В образах летописца Пимена и патриарха в «Годунове» он обнаружил глубокую сердечную симпатию к традиционному типу православного благочестия, гениальную способность понять и художественно его воспроизвести.

«Бориса Годунова» П. начал в Одессе, в мае 1824 г. – в так называемой «второй масонской тетради» (в 1-й и 3-й были «Онегин», «Цыгане» и наброски «Арапа») – полной черновой рукописи которой не сохранилось (писарская копия части трагедии с поправками Пушкина выжила благодаря «жандармским тетрадям» – спасибо Бенкендорфу!) Вообще, количество рукописей, разошедшихся даже при жизни Пушкина, доходит до 400 (не считая писем) – история многих из них недвусмысленно пахнет «детективщиной». К примеру, тетрадь, приготовленная А.С. для выпуска самого первого собрания стихотворений (конец 1819 г.), – так называемая «тетрадь Всеволожского», полупроданная-полупроигранная, – вновь попала к П. только в 1826-м, и то за 500 рублей. (Изданные с тетради «Стихотворения Александра Пушкина» были, к сожалению, значительно изменённым вариантом рукописи, изначально переданной богатенькому питейно-кутёжно-картёжному другу по «Зелёной лампе» Никите Всевожскому – «...так исчезают заблуждения с измученной души моей».) Много позже тетрадь в своём первоначальном виде (что важно!) обнаружилась крайне неожиданно – в 1936 г. – никто из специалистов даже не предполагал о её существовании. Найдена была она в «непрочитанном» и нерасшифрованном пушкинистами месте – Белграде! – как она туда попала, можно строить только гипотезы. Так, по иронии судьбы первая намечающаяся в печать книга Пушкина увидела свет последней – в «Летописях Государственного литературного музея», публикация Б.В. Томашевского, 1936.

Да... кто ж спорит с ехидным вольтерианским провидением, столь близким своей нешуточной серьёзностью Пушкину: ведь даже в день дуэли, утром, А.С. получил приглашенный билет на похороны младшего Греча, умершего от скоротечной чахотки.

А вот ещё одна по-стендалевски полуироничная запутанная история.

Почти детективная история дневника Пушкина, описанная пушкиноведом С. Лифарём.

Итак, Александр Александрович, сын Пушкина, оставил дневник при себе. После кончины

А.А. рукопись перешла к его сестре – дочери Александра Сергеевича, Марии Александровне – по мужу Гартунг (ставшей прообразом Анны Карениной), а после её смерти, в глубокой старости (1919), дневник достался внуку Пушкина, сыну А.А. – Григорию, бывшему тогда доблестным командиром Красной Армии. В том же 1919 г. Григорий, не мудрствуя лукаво – и молодец, передал драгоценный манускрипт Румянцевскому музею – «В сафьяне, по краям окован, замкнут серебряным замком...» («Онегин») – тогда такие замочки на альбомах и дневниках были в моде; ключ от него П. носил при серебряных часах, на цепочке (часы впоследствии Жуковский передал П.В. Нащокину, «истинному другу» погибшего поэта). На внутренней стороне переплёта было написано: №2, и оканчивался дневник 1835 годом...

Значит, должны были где-то существовать №1 и №3, охватывающие период до 1835 г. и вплоть до рокового 1837-го (об этом также упоминают В.А. Жуковский, князь П.А. Вяземский, критик и драматург барон Е.Ф. Розен; а Баратынский, Н.В. Пютята и «хромой Тургенев», любивший вздремнуть во время пушкинских чтений, и вовсе лицезрели дневник воочию).

«Что касается до имеющегося неизвестного дневника (1100 страниц) и других рукописей деда, то я не имею права продавать их, так как, согласно воле моего покойного отца, дневник деда не может быть напечатан раньше, чем через сто лет после его смерти, то есть раньше 1937 года», – через советское торгпредство писала из Константинополя внучка Пушкина – дочь А.А., придумавшего, по её словам, такой необычайный коленкор с разрешением публикации, – Е.А. Розенмайер пушкинисту М.Л. Гофману, приехавшему в Париж в конце 1922 г. в качестве официального представителя Российской Академии наук.

Гофман рванул за манускриптом в Турцию.

Увы, поездка в Константинополь окончилась полной неудачей. Вместо самой внучки Пушкина Модесту Львовичу пришлось говорить с её мужем, офицером Розенмайером, который без колебаний заявил: «С неизданным дневником произошло недоразумение. Елена Александровна никогда не собиралась и не собирается передать рукопись своего деда». Это противоречило письму Пушкиной-Розенмайер Гофману, в котором она, после длительной переписки, наконец соглашалась уступить дневник и просила «поторопиться с приездом в Константинополь, так как они собирались уезжать в Африку» – она хотела вручить манускрипт лично Гофману как представителю Пушкинского Дома.

Никакие уговоры и доводы не действовали, муж внучки Пушкина был удивительно непоколебим. Когда же Гофман заметил ему, что неосторожно везти с собой такую драгоценность в Африку, Розенмайер лукаво ухмыльнулся: «Не беспокойтесь. Дневник находится в очень надёжном, безопасном месте».

Так, сокрушительным фиаско и закончились розыски.

Не лишним будет добавить, что из этой поездки М.Л. Гофман, известнейший пушкинист, филолог и преподаватель, в СССР не вернулся, и причину «невозврата» мы, наверно, опустим.

В 1935 г. поиски реликвии продолжил Сергей Лифарь, ведущий солист балета театра Парижской оперы, 12 лет уже проживавший в Париже: по «наводке» самой Е.А. Пушкиной-Розенмайер, вернувшейся к тому времени из Африки, Сергей Михайлович проехал от Константинополя до Гельсингфорса и нашёл-таки предполагаемого владельца дневника, но тот запросил за него просто астрономическую сумму. К тому времени, как столь огромные средства Лифарю были обещаны в долг, ему было отвечено, что драгоценный документ ушёл... в Лондон, к английским потомкам поэта.

– Лифарь, я знаю, что вы купили у французского правительства письма Пушкина. Ну так вот, я хочу, чтобы вы продали их обратно мне.

– Но позвольте, мэм, эти сокровища принадлежат России, а не семье. – На этом разговор, произошедший уже в 1956 г., в театре Ковен Гарден, был закончен.

– Мэм... – Сергей Михайлович чувствовал подвох и недоговорённость из уст этой леди, но про дневник так и не спросил, оборванный резким нежеланием дамы вступать в полемику.

Она быстро и величественно подошла к Лифарю в антракте балета «Ромео и Джульетта», который привёз Большой театр – Уланова тогда впервые танцевала в Лондоне – это была леди Мильдфорхевен, Надежда Михайловна, правнучка Пушкина, приходившаяся (по мужу) тёткой принцу Филиппу Эдинбургскому, супругу английской королевы Елизаветы.

Так создалось родство русского национально-го поэта с английским королевским домом. Возможно, дневник до сих пор у них.

Елена Пушкина-Розенмайер, попавшая, не исключено, в корыстолюбивый водоворот деяний своего жадного до денег мужа, к тому же произведшая на Лифаря впечатление женщины не совсем уравновешенной, умерла в 1943 году, в Ницце, в большой нужде и нищете – смерть внуч-

ки Пушкина прошла никем не отмеченной.

Помяни, мя, Господи, егда́ приидеши во Царствие Твоем⁴

*Кто близ небес, тот не сражён земным.
(Лерм.)*

«...Если общество ещё не совершенно распалось, если люди не дышат полною непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная литургия, напоминающая человеку о святой небесной любви к брату»⁵. – И Гоголь не начертал бы этих строк без «совета» А.С. – «...ничего не писал я без его совета. Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему». – Недаром его называли Богом русской поэзии – только предельно сконцентрированная сила библейских формул может навести на понимание значения П. в русской жизни – гений есть труд! – «борение до кровавого пота» (2-й Завет) – «Слово есть Бог», по Евангелию, а Пушкин, прежде всего, – и есть это богоборимое слово; а по глубокому определению Белинского – поэт формы, действительно «оформивший» русский мир; русский человек должен говорить языком русским – языком Пушкина, «ударившего об наковальню русского языка», и оскорбление, нанесённое этому языку, «поэт принимает за оскорбление, лично ему нанесённое, то есть как бы отождествляя себя именно с русским языком» (Вяземский). Пушкинская эпоха самая культурная в жизни России (Блок), пушкинский язык равен нации, народу, равен школе мировой духовности, своеобразной всемирной энциклопедии, вместившей Овидия, Горация, Гёте и Шекспира («Я как будто смотрю в бездну при чтении Шекспира!»), Шенье и Байрона, Саади, Гафиза, Джавина, Монтескье, Альфьери и Руссо, и далее... метафизически богоборческий, «святой» лермонтовский бунт, далее... Достоевский, Бердяев, Шестов, завершившие пожелание П. о «русском метафизическом языке».

«С общечеловеческим элементом, к которому стал жадно склонен русский народ, он, мы уверены, наиболее познакомится через Пушкина. ...Эту-то способность, – писал Достоевский о всемирной отзывчивости Пушкина, – главнейшую способность нашей национальности он именно разделяет с народом нашим, и тем главнейше, он и народный поэт. Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаённую глубину этого духа и всю тоску его призвания...»; хотя нельзя не отметить

веской, значительной горечи русской философской мысли (отец Сергей Булгаков, «чужой среди своих, свой среди чужих, а в сущности нигде не свой...», друг Бердяева, Флоренского, Шестова, Гершензона) о том, как же так П. не заметил, хотя бы через своих друзей – Гоголя («вошёл я к старцу одним, вышел – другим») и славянофила Киреевского – изумительнейшего явления Оптиной пустыни с её старцами? Как он мог не знать о «самом великом подвижнике благочестия последних времён» преподобном Серафиме, своём великом современнике? Как не встретились два солнца России?! – в этом есть роковой и значительный, хотя и отрицательный, факт в жизни Пушкина, странным образом не коснувшейся символического опыта Данте (не успел!!! – кричу я); – личная его церковность не была достаточно серьёзна и ответственна (что уж говорить о порочащих духовенство высказываниях), вернее, она всё-таки оставалась барски-поверхностной, с непреодоленным язычеством сословия и эпохи: «...У нас убийство может быть гнусным расчётом: оно избавляет от дуэли и подвергается одному наказанию, а не смертной казни». – Больно слышать в письме к жене – особенно в свете собственной судьбы – совершенно языческое, хотя и свойственное его кругу суждение о дуэли (письмо от 18.05.1836, из Москвы) из уст человека, являющего собой образ верующего христианина, способного прозревать глубину вещей, постигая действительность, обретая в прошлом России канонический лик летописца и слепца, прозревшего на мощах царевича Дмитрия, «усыновлённого тенью» Грозного, постигшего всю единственность и единообразие Библии и Евангелия... располагавшего за дуэль с Дантесом поплатиться лишь новой ссылкой в Михайловское.

Крестя, он призывал благословление Христова на семью свою при жизни (во многих письмах) и перед смертью. Вослед ушедшему священнику А.С. чуть было не застрелился от мучавших его невыносимых болей, борясь, страдая, крестясь... заставив содрогнуться даже привычного к подобным сценам доктора Арндта – Пушкин умилялся перед детской простотой молитвы своей жены, он знал Бога и «божие веленье», подтверждая тем самым собственное своё страшное таинство совмещения величайшего ничтожества с пифийным наитием «божественного глагола», «двух планов» жизни безо всякой связи между ними: «Доколь не требует поэта к священной жертве Аполлон... И меж детей ничтожных мира, быть

может, всех ничтожней он».

*В сиянье, в радостном покое,
У трона Вечного Отца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца...
(Высечено на надгробном памятнике П.)⁶*

«...Я долго смотрел один ему в лицо после смерти. Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нём в эту первую минуту смерти... Это было не сон и не покой. Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу. Это не было также выражение поэтическое. Нет, какая-то глубокая удивительная мысль на нём разливалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворённое знание... В эту минуту, можно сказать, я видел самую смерть, божественно тайную смерть без покрывала» (В.А. Жуковский – С.Л. Пушкину). – Простая наивная вера в Бога и Его милосердие, столь свойственная светлой детскости пушкинского духа, озарившая его своим миром... Приняв церковное напутствие, он благословляет семью, прощается с друзьями и безропотно и бесстрашно отстрадывает последние часы. «Я буду любить Пушкина, пока я жив; но когда придёт смерть, боюсь, что это примирение...» (Д. Мережковский).

Пушкин лежал в гробу во фраке, за который ещё не было заплачено портному...

«Пушкин обладает в большей степени, чем какой-либо другой поэт, привилегией лишь кажущейся смерти. Пуля, которая его сразила, дала ему бессмертие на земле и на небе. С несравненным изяществом его произведения, непередаваемые благодаря их единственности, легко распространяются по всему миру, победят множество людей, всё более и более относящихся к его гению как привилегии избранных. У Пушкина, большого барина и человека из народа, эти два качества сочетаются и дополняют одно другое, образуя феномен, способный победить земные разногласия. Он царит над благодарными душами, к какому бы лагерю они ни принадлежали», – писал французский академик Жан Кокто за год до смерти. Когда академик умер, в гроб ему положили горсточку земли с Чёрной Речки – с того места, где был убит Пушкин (землю привёз из Ленинграда Сергей Лифарь).

Кто близ небес, тот не сражён земным...

Не входить от часа до трёх!

– То, мой батюшка, он ещё сызмала к истории охотник.

– Митрофан по мне.

Летом 1830 года, когда Пушкин жил на Чёрной речке, на одной из соседних дач вечером собралось довольно большое карточное общество – все гости расположились вокруг зелёного стола, и один из них начал метать банк. Игроки совершенно погрузились в свои ставки и расчёты, так что внимание их ничем нельзя было отвлечь от стола, на котором решалась участь многочисленных понтёров.

В это время в калитку палисадника, в который распахнутыми ставнями и рамами смотрели открытые окна и балконные двери дачи, вошёл молодой человек очень высоко роста, закутанный в широкий плащ. Увидя играющую компанию, он незаметно для занятых своим делом игроков, не снимая ни шляпы, ни плаща, вошёл в комнату и остановился за спиной одного из понтёров.

Такая нецеремонность в обращении не покажется удивительною, ежели сообщить, что молодой человек этот был князь, отставной штабс-капитан, поэт, переводчик и музыкант Сергей Григорьевич Голицын (автор текстов романсов Глинки) – хороший приятель Пушкина и прочих лиц, бывших в компании. Должно заметить, что дня за два до описываемого вечера Голицын находился в том же обществе, которое сошлось ныне на даче у Чёрной речки, и выиграл тысячу рублей именно у банкомёта, державшего теперь банк, и что выигрыш этот остался за банкомётом в долгу.

Голицын известен был в обществе любезностию и остроумием и «вопросы решал», как бы сейчас сказали, талантливо и блестяще, имея к тому же шутовское греческое прозвище Фирс – «премилый Serge Galitz Firce» – называли его дамы. Князь подошёл к столу, простоял никем не замеченный несколько минут и, наконец взявши со стола какую-то запомненную и увиденную цепким взглядом карту, бросил её, закричав: «Ва-банк!!» – Все подняли глаза и обнаружили со смехом и изумлением неожиданного гостя в его странном костюме. Банкомёт, озадаченный ставкою Голицына, встал и, отведя его немного в сторону, спросил:

– Да ты на какие деньги играешь? На эти или на те? – Под «этими» он разумел ставку нынешнего вечера, а под «теми» свой долг.

Голицын ему ответил:

– Это всё равно: и на эти и на те, и на те, те, те.

Игра продолжилась, но Пушкин, услышав ответ Голицына, не усидел за сукном и, ненадолго оторвавшись от карт, наскоро начертил следующие стихи, очень забавляясь этим «те, те, те»,

сам частенько просящий у «жидов-кредиторов» отсрочки долгов:

*Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в эти,
Те, те, те и те, те, те.*

*...О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы эти,
Те, те, те и те, те, те.*

Пушкин, конечно же, адресовал эти строки шутнику Голицыну, много позже князь поведал про тот забавный случай Михаилу Логинову, известному в 50-е годы государственному деятелю, библиографу, а Михаил Николаевич, в свою очередь, увековечил этот рассказ-анекдот в «Библиографических записках» (1858).

* * *

Александр Сергеевич требовал, по словам его шурина С.Н. Гончарова, чтобы никто не входил в его кабинет от часа до трёх: это время он проводил за письменным столом или, ходя по комнате, обдумывал свои творения и встречал далеко не гостеприимно того, кто стучался в его дверь.

Но однажды наверху (пушкинский кабинет был над комнатой Гончарова) раздались звуки нестройных и крикливых голосов – стало быть, Пушкин был не один... – как он допустил нарушения привычки, которой так строго держался?

Когда все собрались к обеду, Пушкин сказал шурина:

– Жаль, что ты не пришёл, у меня был вантрилок.

*...Ты слух внимательный дивил:
Как два охотника кричали,
Собаки лаяли, визжали,
Как мужем вдруг пробуждена
Шумела сонная жена.*

Так писал восхищённый непередаваемым талантом артиста-чревовещателя, «вентролога», слепой поэт Иван Козлов в стихотворении, посвящённом Александру Ваттемару, коллекционеру, человеку чрезвычайно образованному, с широким кругом интересов в области культуры, уникальному актёру-мимисту, «говорящему за десятерых, действующему за десятерых», по отзывам А.В. Никитенко – хорошего знакомого А.П. Керн (об этом, в скобках, далее):

(Упомянув замечательного поэта и переводчика Ивана Козлова («Вечерний звон»), вспомнился презабавный случай, описанный Анной Керн, онегинской Татьяной, прекрасной пушкинской музой (в клочья изорвавшей подлинник стихотворения «Я ехал к вам, живые сны...»), племянницей владелицы Тригорского П.А. Осиповой. Как-то, во время пребывания Анны в Тригорском, она пела романс на стихи Козлова «Ночь весенняя дышала...». Пушкин, с упоением слушая музыку и глядя на красавицу Керн, одновременно строчил в это время Плетнёву письмо-«смс»: «Скажи слепцу Козлову, что здесь есть одна прелесть, которая поёт его ночь. Как жаль, что он её не увидит! Дай бог ему её слышать!»)

Но продолжим.

Этот вот удивительный человек – «вентролог» – и посетил А.С. в неурочное время, заставив поэта в неумённом впечатлении и возбуждении от увиденного и услышанного машинально открыть Евангелие, лежавшее перед ним, – по воспоминанию Гончарова, – и, случайно напав на слова: «Что ты есть имя? Он же рече: легион: яко беси мнози внидоша в он»⁷ (от Луки, гл. VII, ст. 30), подняв голову и устремив вперёд взор, иногда вскакивая и потирая руки – «смешивая вдохновение с восторгом», как он любил говорить, – принялся писать, останавливаясь, от времени до времени задумываясь и часто вымарывая написанное.

Всё было окончено через час: «Слушай», – пробежав стихотворение глазами, Пушкин прочитал его шурина, затем выдвинул ящик стола, у которого сидел, и бросил в него испещрённую чернилами бумагу, не разрешив Гончарову писать восхитительно получившиеся строки – он этого никогда и никому не позволял (разве только от «эпикурейца» Нащокина не скрывал), – слова Евангелия были взяты эпитафией, а стихи относились к вантрилоку.

Вечером, когда семейство разошлось, шурин украдкой вернулся в гостиную с надеждой, что обнаружит стихотворение в столе и переписшет его... – ящик был пуст, а стихотворение не найдено до сих пор.

* * *

Пушкина всегда раздражала мелочная скупость отца-«шалбера» – Сергей Львович, военный, впоследствии статский советник, знакомец Фонвизина, Батюшкова, Карамзина, на любую просьбу отговаривался недостатком средств, к тому же был в постоянном безмолвном рабстве у своей жены. Когда он провожал сына в ново-

открытый Царскосельский лицей (1811, «И мы пришли. И встретил нас Куницын...»), тётушка Анна Львовна при прощании подарила племяннику «на орехи» 100 рублей, из которых отец вручил Сашке только 3 р., взяв себе остальные. В лицей, благодаря авторитетному ходатайству друга семьи А.И. Тургенева, двенадцатилетнего Пушкина привёз дядя Василий Львович, отставной гвардии поручик – «C'est un Poete!!!» – преостроумнейший и занимательнейший человек – («Дроби жизни» о В.Л.Пушкине).

* * *

В полицейском списке московских картёжных игроков значились: №1 граф Фёдор Толстой (американец) – тонкий игрок и планист. №23 Нащокин – отставной гвардии офицер, игрок и буян. №36 Пушкин – известный в Москве банкомёт. «Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму... Псковские ящики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня: у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать; от бешенства я играю и проигрываю». Вяземскому: «Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ю главу «Онегина», я проигрываю в штос – четвёртую: не забавно?»

По городу ходила эпитаграмма:

*Глава «Онегина» вторая
Съезжала скромно на тузе.*

Понтируя А.М. Загряжскому, Пушкин проиграл все бывшие у него в наличии деньги. Он предложил в виде ставки только что оконченную им пятую главу «Евгения Онегина». Ставка была принята, так как рукопись представляла собою тоже деньги, и очень большие, – Пушкин проиграл. Следующей ставкой была пара пистолетов, но здесь счастье перешло на сторону поэта: он отыграл и пистолеты, и рукопись.

Отсюда возникает вопрос: а не поставил ли П. на кон и 6-ю главу «Онегина» – дуэль Евгения с Ленским – рукописным текстом которой до сих пор не владеют учёные? – и, вы понимаете, вообще можно сокрушённо сказать, что наука не обладает всеми рукописями больших произведений Пушкина, что трагически лишает мир возможности составить исчерпывающую картину творческого процесса от момента зарождения произведения до окончательного текста, пошедшего в цензуру и в типографию.

* * *

«Коли хочешь быть умён – учись, коли хо-

чешь быть в раю – молись, коли хочешь быть в аду – женись», – любил повторять Пушкин. Венчался он 18 февраля 1831 года, у Старого Вознесения, на Никитской, причём в нащокинском фраке, стараясь казаться ироничнее и скупее. В день свадьбы мать невесты послала сказать счастливому жениху, что у неё нет денег на карету, и поэтому свадьбу надобно отложить. Пушкин послал деньги. (Это не говоря о 25 тысячах, отданных самим П. на приданое во имя скорейшего исполнения бракосочетания!)

В минуты венчания нечаянно свалились с аналоя крест и Евангелие, когда молодые шли вокруг, – Пушкин побледнел, с его-то отношением к разным тайным знакам! Потом у него погасла свечка. «Плохая примета», – прошептал Пушкин. Во время обряда обручальное кольцо жениха упало на ковёр, кроме того, его шафер раньше передал венец, а не шафер невесты. Суеверному Пушкину было всего этого более чем достаточно, чтобы с тревогой ждать грядущих неудач и несчастий... Да... задумываюсь я, ведь и «прижизненных страстей логика может быть свята» (Розанов):

– На кой чёрт ты женился? – спрашивал Брюллов Пушкина, когда гостевал у того в 1836-м («Жена моя – искусство, я никогда не женюсь», – говаривал сам Б.)

Пушкин отвечал:

– Я хотел ехать за границу, в Польшу – меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что мне делать, – и женился...

После таких откровений он обычно задумывался на миг и язвительно добавлял напоследок: «Je ne suis qu'un hypocrite!» (Я просто хитёр! – фр.) – полностью сбивая с толку собеседника. А мне бы хотелось завершить этот table-talk, как прозывал застольные рассказы Пушкин, его любимым изречением – в период сватовства и женитьбы – из Шатобриана: «Если бы я мог ещё верить в счастье, я бы искал его в единообразии житейских привычек».

* * *

Коснувшись Брюллова, хочу присовокупить, что в минуты отдыха Карл Павлович (прототип гоголевского Черткова) частенько просил своих учеников почитать Пушкина, по ходу повествования делая замечания не всегда справедливые по отношению к П., но неизменно повышающие собственную авторскую экзальтацию, сквозь призму «гения», канонизированного при жизни, преломлявшего порой реальные жизненные факты.

После трагической гибели Пушкина Брюллов

очень сокрушался о ранней кончине великого поэта, крайне упрекая себя в том, что не отдал рисунка, о котором тот так просил его – это была акварель потешных Смирнских полицейских во главе со спящим посреди улицы полицмейстером, расслабленно-безалаберно, карикатурно охранявших «бал у австрийского посланника». Пушкину так приглянулась работа, что, насмеявшись до слёз, он стал просить художника подарить ему «это сокровище»... Но Брюллов отказал, сославшись, что потешные стражи уже принадлежат княгине Салтыковой. Безутешный Пушкин стал на колени, умоляя отдать рисунок.

Брюллов не отдал, пообещав написать другой. Это было за пару дней до преступной дуэли. (Изустные, неподтверждённые воспоминания А.Н.Мокрицкого, ближайшего ученика Брюллова.)

* * *

В конце 1836 г. французский лингвист Эйхгоф готовился читать в Сорбонне лекции по литературе и обратился к жившему в Париже Н.И. Тургеневу (заочно осуждённому в России к смертной казни за дело декабристов) с просьбой достать ему «Слово о полку Игореве». Николай Иванович в свою очередь обратился с этой просьбой к брату в Петербург. В ответ Александр Иванович, закадычный друг Жуковского, писал брату Николаю 13 декабря 1836 г.: «Заходил к Пушкину справиться о песне о полку Игореве, коей он приготавливает критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы богемский, немецкий и польский; и в конце написал и своё мнение о сих переводах. У него случилось два экз. этой книжки. Он хочет сделать критическое издание сей песни, в роде Шлёцера «Нестора» (перевод Языкова – авт.), и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочёл несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: всё основано на знании наречий славянских и языка русского». Смею добавить, что при работе над «Словом» Пушкину с головой пришлось окунуться в «обветшалые» ломоносовские времена в поисках «правильных» толкований множественных переводов (Жуковский, Пожарский, Грамматин, Вельтман, Малиновский), адресуясь к трудам Тредьяковского.

* * *

Из воспоминаний балетмейстера и величайшего танцовщика Сергея Лифаря.

В марте 1937 г. в Париже открылась Выставка (параллельно с московской, в Гос. историческом музее) «Пушкин и его эпоха», организованная Лифарём, идея которой обогащала и расширяла рамки самой Выставки, делая из неё грандиозную манифестацию русского искусства начала XIX века: худ. Боровиковский, Кипренский, Брюллов («Графиня Самойлова с негрятёнком» – во всю стену), Соколов, Орловский, Венецианов, Рейтерн («Жуковский на диване»), Бруни, Тропинин (миниатюры портретов Пушкина, вывезенные за границу ближайшим другом С.А. Соболевским); Вуальер (портреты родителей П.) и др. На призыв Сергея Михайловича откликнулось более 100 коллекционеров, предоставивших ему подчас драгоценнейшие экземпляры документов, рисунков, рукописей, первых изданий Пушкина и современных ему альманахов, а также великолепный фарфор, столовое серебро, мебель карельской берёзы, ковры, шали и пр., пр. Потомок декабриста В.Л. Давыдова предоставил «Сибирский альбом» – это единственный в своём роде альбом с тщательно выполненными рисунками (Давыдов и Поджио), дающий наглядное представление об обстановке и условиях, в которых жили и работали сосланные в Сибирь декабристы. Родственники французского посла в Петербурге Баранта – (кстати, одного из немногих высших чинов, не убоявшись царского гнева присутствовавшего совместно с графом Фикельмоном на отпевании П. в Конюшенной церкви), – одолжившего сто лет назад дуэльные пистолеты секунданту Дантеса барону Даршьяку, также предоставили эти пистолеты Лифарю.

«Золотую книгу» Выставки украсили имена Алданова, Бердяева, Евреинова, Гиппиус, Вертинского, Керенского, Мережковского, братьев Мозжухиных, Б. Зайцева, Плещеева, И. Шмелёва, М. Фокина, Рощиной-Инсаровой, Ремизова, Н. Теффи, Ходасевича, М. Цветаевой и многих, многих других. По Выставке мерно прохаживались, беседуя, потомки Дантеса, «...замешанного во всех событиях и происках Второй империи» (Вересаев), Керн, Дениса Давыдова, Плетнёва, Пущина, Дельвига, Щербинина, Воронцова; герцог и герцогиня Кентские, вел. Князь Андрей, вел. Князь Гавриил, барон Ротшильд, принцесса де Полиньяк, князь Ф. Юсупов; князь Церетели с М. Кузнецовой-Маснэ – оба так плодотворно служившие русскому оперному искусству и театру за границей.

Посетил Выставку и Ф.И. Шаляпин в сопровождении своего импресарио Кашука – Шаляпин останавливался перед каждой реликвией, витриной, картиной, автографом П. – всматривался, восхищался; он был в прекрасном расположении духа, много смеялся, шутил, и его настроение передавалось окружавшей и следовавшей за ним, впрочем, как всегда, толпе посетителей Выставки. ...И вдруг настрой Шаляпина сменился – он притих. Я.Н. Горбов, впоследствии известный русский журналист и публицист, рассказывал о том глубоком впечатлении, которое произвёл Шаляпин, когда он вполголоса запел мелодию на слова Пушкина – едва уловимое «пианиссимо» акафиста Пушкину все присутствующие слушали с напряжённым вниманием.

В апреле, после закрытия Выставки, когда Лифарь работал с дирижёром Гобером над партитурой своего балета «Александр Великий», в артистическую уборную ворвался, распахнув дверь, в сияющей улыбке, огромный Шаляпин. Горячо поздоровавшись, Фёдора Ивановича сразу пригласили спуститься в кабинет директора театра Ж. Руше, но певец отклонил приглашение и сказал, что заехал сюда только для того, чтобы увидеться и поблагодарить за Пушкинскую Выставку. Расставаясь, в тесном кольце оперных и балетных артистов, Шаляпин крепко-накрепко по-отцовски ещё раз обнял Сергея Михайловича, очень взволнованного, – чувствовавшего в этом дружеском объятии что-то прощальное...

См. «Лико, ребята, – какой выродок!» о Ф.И.Шаляпине:

Пора прощаться и нам.

Ad majorem gloriam⁸

«Женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро!» – карточные, издательские и поместные долги, семейные «меркантильные обстоятельства»: «О, бедность! Затвердил я наконец урок твой горький!»; малое число людей, понимавших и одобрявших его творчество; ревность («...болезнь так точно, как чума»), ежеминутно терзавшая восприимчивую пламенную душу; светский заколдованный круг петербургского двора, преследовавший придворного камер-юнкера-царедворца пяти с небольшим вершков росту оскорбительными сплетнями и эпиграммами («Пушкин камер-юнкер, раззолоченный как клюнкер»), жена (мадонна иль венера?), по лучезарной красоте которой тайно вздыхала чуть ли не половина юного Петербурга; подозрительность (вплоть до «офицеришки» государя Ник. I); аллегии равновеликих обстоя-

тельств: волокитство и комеражи – одомашненность; беспутство молодости – отец семейства; таинство брака – вздохи по неизбывному; Пушкин с Наташей – Эсмеральда и Феб; «аполлиническое» уживается с мрачными безднами трагического «дионисизма» – распалённая лава страсти легко разрывает тонкую кору призрачного аполлинизма, выплёскиваясь вконец извержением; дойдя до роковой черты барьера, – вспылчивый до исступления, в минуту опасности являясь льдом! – он стал перед жребием: убить или быть убитым. Драматический рок судьбы освободил его от земного плена и, взяв плату за ожидание великими предсмертными страданиями, заменил утраченную им свободу обителью Вечной красоты, наполнив, озарив катарсис смерти величественным смыслом Божьего Промысла.

«Сверкающие влюблённости, страсть к игре, дуэли, веселье и слёзы, – Пушкина влекли к себе попеременно то жажда работы, то искушение удовольствиями. Беспорядочное существование и постоянно крайний риск. Произведения, наполненные чувством меры и большой чистоты. Если бы он писал так, как жил, то был бы большим поэтом-романтиком, несравненным в своём вдохновении. Если бы он жил так, как писал, то он был бы человеком уравновешенным, чувствительным и счастливым. Он не был ни тем, ни другим. Он был Пушкиным. На заре русской литературы, пророческой и взволнованной, стояло это молодое существо в ореоле радости» (Анри Труайя, член Французской Академии, 1962).

«Из 60 000 моих долгов половина – долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушью государя», – писал уставший Пушкин жандармскому шефу Бенкендорфу. Помните, как испуганный бурно вспыхнувшим пламенем ревности и настоящим безумием страсти, так же как непосильными долгами – особенно в последние годы жизни, Пушкин, погибая в дворцовых великосветских оковах, хочет вырваться в глушь? – «О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню!» – Но эти порывы остаются бессильны, к сожалению, и он спасается в творчестве, находя убежище «пророка» в поэте, – вещун... не в состоянии прорвать окружающую его цепь заимодавцев, выдающий «на три аршина под землёю».

Этим моментом я и хотел воспользоваться, по-лермонтовски вылив «усмирительный елей» на бунтующие пушкинские волны, – куда конь с копытом, туда и рак с клешней, – и постараться

упростить, приземлить, что ли, повествование, забыв на миг о трагедийном конце, – представив аллегорически, как Александр Сергеевич скидывает фрак, натягивает гипотетические джинсы, плюнув на грибоедовских «тузов, живущих и умирающих в Москве», и сматывается в деревню: «Эван, эвое, дайте чаши!» – день-два отдыха – и, под расслабленное шумом зимнего леса настроение, я подготовил (выудив из архива) пару другую смешных и забавных, как лыко в строку, с налётом горечи и грусти историй – где «кружок бутылок тесен», и ванна из шампанского лишь присказка... – историй про пушкинское долговое головотяпство, замешанное на распущенности русского барства, заём-перезаём денег у сомнительных людей в счёт чего-то написанного «потом», про длиннющие «фармазонские» ногти – символ гениальности; марциальную привычку наступать всем кряду на ноги (специально?!) во время начавшегося спектакля, стрельбу в постели голышом, «любственные болезни», страсть к женским ножкам маленького размера, Бендерскую секту с ужасами оскпления, про карточное шулерство, африканский темперамент в стихийном желании разобраться с недругами пистолетной пальбой, про опускавшиеся руки в бессилии создать тёплый семейный очаг – полную чашу... Как карамазовский чёрт хочет обернуться в толстую семипудовую купчиху, так задумалось и мне перевоплотить Александра Сергеевича в простого рубаху-парня – но, знаете ли, что-то внезапно расхотелось опрощать начатый очерк джинсовой повседневностью, пусть и с налётом мнимой читательской привлекательности; показалось это уж совсем пустым, невозможным даже и намёком на гипотетичность, и... вычеркнул – как вымарывал П. всякие «слиюны» (по Горчакову) да «матершину французскую и отечественную» из «Бориса» – правда, жалел потом об этом – дабы не превратить чистый жемчуг в поддельные «восковые бусы» (по Катенину), – да я бы и не смог...

А название решил оставить – вдруг сындевятиклассник оторвётся от весело палящих друг в друга огнёмётами супергероев – из пресловутой «Call of Duty» – и, привлечённый броским названием статьи, откроет для себя что-то потрясающе новое. «Засыпать с чувством, что за день я сделал какую-нибудь потрясающую вещь – вот что меня интересует. – И может быть, заденут у современных детей «Ромеоовскую» струнку, привязанную к самым глубинным нашим первоосновам, истокам, «вечным спутникам» – Пушкину, Пришвину, Толстому, Достоевскому, – слова

недавно ушедшего в безмерное Море «пожирательницы людей» кумира поколения «next» (да и моего совкового поколения «before» тоже), создавшего философию гениальной хайтек-«простоты» Стива Джобса: – Мне безразлично, господа, буду ли я самым богатым человеком на кладбище».

Ну, что ж? – убит! («Онегин»)

P.S.

Хотелось бы добавить в заключение словцо... О Пушкине можно думать и писать бесконечно, находя бесчисленные материалы и интерпретируя их по своему разумению или, в крайнем слу-

чае, по недоразумению «сюжетных ожиданий», как выразился сам А.С., – недоразумению, не всегда становящемуся «распутанным» (Лернер); ясно одно, «je le fais en toute sureté de conscience au nom et de la part du défunt»⁹: уж как не надейся ты своей полбы – никак не изъять и не вырвать из нас этого треклятого «бедства»: Золотого Века русской литературы, неиссякаемого и длящегося до сих пор, да-да! – до сих пор, благодаря решительному неприятию Пушкиным дешёвого фронтёрства и, к печальной жалости, неоскудевающей «бездны соединения зол, мучений и страданий».

...о, старец – Море. (Лерм.)

Примечание

¹ Из приписки к стихотворению «Пора, мой друг, пора».

² Вообще, в пренеприятных столкновениях, со стрельбой и без неё, П. участвовал неоднократно: с В.А.Сологубом, Н.Г.Репниным, с московским знакомцем С.С.Хлюстиным, полковником Старовым в Кишинёве и т.д. «Я был один. Врага я видел в каждом...» – Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики. В то время как в него целили, казалось, что он, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлял злую эпиграмму на стрелца и на промах. (Кстати, и через 30 лет после дуэли с П. п-к Старов корил себя за «капитальную глупость», которую он сделал в своей жизни, стрелявшись с гением.)

³ Из завершающей, не очень известной широкой публике части письма Жуковского к С.Л.Пушкину, легшего в основу статьи Ж. «Последние минуты Пушкина»; копия этого письма была найдена в «парижских тетрадях» (с материалами о дуэли и смерти П.) известного собирателя и знатока национальных русских ценностей Александра Яковлевича Полонского.

⁴ Воззвание благоразумного разбойника, возопившего ко Христу на кресте (Евангелие от Луки, 23, 42).

⁵ Из «Размышлений о божественной литургии» (1845), не вошедших в академическое Полное собрание сочинений Гоголя.

⁶ Эпитафия на смерть первенца декабристов Волконских. М.Н.Волконская (утаённая любовь П.) – связующее звено между Пушкиным и декабристами.

⁷ Эпиграф к утерянному стихотворению: «Имя ваше – легион, так как вас несколько. 16 июня ст. стилия 1834. С-Петербург. А.Пушкин».

⁸ К вящей славе (лат.).

⁹ (Фр.): «Я со спокойной совестью говорю от имени покойного» (из воспоминаний близкого друга П. «Фальстафа»-Соболевского).

Владимир УЛАНОВ

Продолжение. Начало в №9 (2011)-1 (2012).

Бунт

Исторический роман в двух книгах

Книга I

*Смелые люди часто
трудное делают лёгким.*

(Латинское изречение)

Часть III

В ПЕРСИДСКИЕ ПРЕДЕЛЫ

1

Уже вторую неделю Разин стоял на Тереке. Казацкое войско удобно расположилось в небольшой низинке на берегу реки. Разинцы наслаждались передышкой, удили рыбу, охотились в горах на диких коз и всякую живность, смолили лодки, чинили оружие и одежду. Несмотря на то что стояло знойное лето, здесь, на Тереке, было нежарко: с гор и реки тянуло прохладой.

С походом в персидские пределы он не торопился: по всему было видно, что атаман чего-то ждет. Первое время, когда его войско расположилось лагерем на Тереке, казаки думали, что атаман вот-вот распорядится двинуться в поход, но такого распоряжения не последовало, и среди них даже прошел слух, будто он боится идти на персов. Узнав про это от своих есаулов, Разин долго хохотал, затем сказал:

– Всеу свое время, ребята!

А когда на Терек пришли атаманы: Протокин, Каторжный, Баба с запорожскими казаками, – все поняли, что атаман не спешит с походом неспроста, оказывается, поджидал он здесь своих товарищей. День и ночь шли люди в разинское войско. Приходили они и поодиночке, и ватагами, оборванные и голодные – все находили у Разина прием, доброе слово, получали одежду и оружие.

В это утро Степан проснулся как обычно рано. Быстро одевшись, вышел из своего шатра. Любил атаман эти тихие утренние часы, когда все вокруг еще спало, а восток только-только начинал алеть перед восходом солнца. Не спеша подошел к реке и, найдя тихое место – небольшую заводь, присел над прозрачной водой, взгляделся в свое отражение. Он увидел исхудавшего, с всклокоченной бородой человека. На высоком лбу в переносье залегла упрямая складка над большими темными смеющимися глазами.

Степан подмигнул сам себе, медленно опустил руки в свое отражение. Лик его заколебался, запрыгал, разбился на части. Разин зачерпнул в ладони воды, плеснул в лицо. Она освежила, вселила бодрость. Атаман скинул с себя кафтан, затем рубаху. Стал, громко фыркая и удовлетворенно постанывая, плескать холодную воду в лицо и на мощную грудь. Наконец вдоволь наплескавшись, Степан утерся платком, накинул на плечи кафтан, взобрался на гранитный камень, удобно уселся на выступе, задумался, вглядываясь в бурное течение Терека, прислушиваясь к шуму неукротимой реки. В такие минуты Степану хорошо думалось и мечталось. Сердце атамана защемило непонятной тревожной тоской перед неизведанным будущим. Разин не боялся того, что ждет его впереди. Не боялся и будущих яростных битв и лишений, а может быть, и самой смерти. Ко всему он был готов. Суровая казацкая жизнь приучила его к этому. Его беспокоило другое: сможет ли он свершить задуманное дело, сможет ли до конца удержать людей около себя? Жизненный опыт атамана подсказывал, что казацкое счастье изменчиво, что люди с ним, пока в руках у него удача. А чтобы была удача, ему надо крепко думать. В правоте своего дела – заступничестве за бедных и обездоленных – Разин не сомневался, знал, что настоящий казак должен так поступать – извести всех бояр и воевод. Но одно точило как червь его душу: как быть с царем, как совместить злых бояр и воевод с добрым государем, которому они преданно служат? Бывая неоднократно в Москве со станицей и приглядываясь к столице, Разин понял, что бояре, воеводы, дьяки – все едино, все они вроде бы выполняют волю царя, все делают от его имени. Неужели царь не знает о плохом положении народа, неужели он враг ему? Ведь как это просто: если люди в государстве хорошо живут, то и государство крепкое. А за что царь радеть должен прежде всего? О слугах своих, а слуги уж государя не подведут. Обо всем этом Степан много и часто думал. Его очень волновало, неужто царь не знает о нищете и унижении своего народа, а если знает, тогда, выходит, он заодно с боярами и воеводами? Нет, не может он идти против своего народа, против слуг своих, ведь это равносильно сидеть на суку и помаленьку его подрубить. Степан был почти убежден, что все-таки царь многого не ведаёт и ему правду жизни никто не докладывает. Однако где-то глубоко в душе было сомнение в этом, и никак не мог он объяснить себе, что все-таки государь обо всем знает: тогда, выходит, он тоже враг им. Это в его сознании никак не укладывалось. Вот бы с царем поговорить и рассказать обо всем. Может, тогда государь прозрел бы и зажили бы люди ладно, да и много ли им надо: работу, хлеб, да чтобы не унижали.

Вот и сейчас, сидя на камне, атаман думал о том же. Посидев еще немного, Степан быстро встал, пошел вниз по течению реки, думая, как же об этом рассказать людям? Ему самому еще многое непонятно было. Большинство идущих с ним всерьез верит, что и он, и все они – слуги государя. Они верят в доброго царя, Алексея Михайловича. А он-то, Степан, уж знает его доброту, которая стоила жизни его старшему брату. Но людям всего не объяснишь, а только отпугнешь их. Да и пусть верят, что являются они слугами государя, хотя царь их об этом не просил. Раз народ верит в это, значит, такова его воля. Как часто люди горько ошибаются, думая о том, что царь не знает о беззакониях. Степан улыбнулся этой мысли, лоя себя на том, что он тоже лелеет надежду, будто поговорив с царем, откроет ему глаза на жизнь, и тот сделает нужные выводы. Видно, во всем надобно крепко разобраться, – решил для себя Разин.

– Степан Тимофеич! Степан Тимофеич! – радостно кричал казак, дергая задумавшегося Разина за рукав кафтана.

– Что? – очнувшись от дум, спросил Степан.

– Серега Кривой со своим отрядом идет! – радостно сообщил казак, зная, что атаман давно поджидает его.

– Наконец-то! – воскликнул Разин. – Далеко ли он от лагеря?

– Да уж на подходе, батько!

– Ладно, подымай казаков. Пусть готовятся к встрече, – и поспешил в свой шатер.

Когда казаки Сереги Кривого, оборванные, голодные, уставшие, многие раненые, подходили к лагерю разинцев, сам атаман и его есаулы, разодетые в дорогие кафтаны и при оружии, стояли у шатра Разина. Поп Феодосий, Иван Черноярец, Фрол Минаев, Яков Гаврилов и другие ближние есаулы вглядывались в подходящего атамана Серегу Кривого, который, в свою очередь, ощупав их единственным глазом и остановив свой колючий взгляд на Степане, направился прямо к нему. Широко раскинув руки, Разин быстро шел навстречу Сереге. Атаманы крепко обнялись. Степан крест-накрест расцеловал потное, заросшее лицо Кривого.

– Вина! – коротко приказал Разин.

Иван Черноярец принес две кружки водки и подал их атаманам. Глухо звякнули жестяные кружки, после забористой водки оба крякнули, обнялись и снова расцеловались.

– Любо! Любо! – несло со всех сторон.

– Ребята! – обратился ко всем Степан. – Вот и дождался я своего брата! Пусть же его казаки будут вам братьями! Так встречайте же их как братьев своих!

– Любо! Любо! Слава нашим атаманам!

Все разом смешалось. Разинцы повели пришедших казаков в свои палатки и шалаши, стали потчевать их снедью, вином, делиться одеждой и оружием. Отыскались и общие знакомые. Фрол Минаев сразу же заметил среди пришлых Гришку Афонина, что жил от него через курень. Как только Разин кончил речь и казаки двух атаманов побратались, Минаев кинулся к Афонину, ухватил его за кафтан, потянул к себе. Увидев Фрола, Гришка очень обрадовался, закричал, обнял есаула:

– Фролка! – потом отступил на шаг и, оглядев его с ног до головы, с восхищением молвил: – Да ты разодет, словно боярин! Ну и ну, я вижу, вы тут живете, словно богачи!

– За нашим атаманом пойдешь, и сам таким будешь, – ответил, подбоченясь, есаул.

– Это ты верно, Фрол, говоришь, – сказал Григорий, еще раз завистливо оглядев наряд есаула.

– Пойдем, Гриша, ко мне в шатер, побеседовать надо.

– Пойдем, коли вином угостишь.

– Вина жалеть – гостей не видать, – ответил Фрол и быстро зашагал к своему шатру.

После третьей чарки, преодолев неудобство, он наконец спросил у Григория:

– Как там женка Авдотья моя поживает?

– Тьфу ты, черт! – стукнув себя по лбу ладонью, воскликнул Афонин. – Чуть было не забыл. Женка тебе кисет с табаком послала и велела кланяться и целовать.

И захмелевший гость потянулся к губам есаула. Фрол, поморщившись, отстранил Григория, взял подарок, понюхал его, и на него повеяло родным домом. Он вспомнил кроткую, покладистую Авдотью, ее белую нежную шею, румяные щеки, большие серые круглые глаза в темных ресницах.

– Как там Авдотья-то? – повторил вопрос есаул, настороженно глядя на Григория.

– Авдошка-то твоя? Да ничего, живет, ребят растит. Твой старший Мишка уже по хозяйству ей помогает.

Фрол, с трудом пересилив себя, все же задал вопрос прямо:

– А кто к ней из казаков в курень захаживает?

Округлив глаза, Афонин переспросил непонимающе:

– Как захаживает?

– Ну... как их, которые шашни водят.

Григорий, наконец поняв, о чем речь, захохотал. Он хохотал долго, до слез, потом с трудом вымолвил:

– Это твоя-то Авдошка? Шашни?! – еле выговорил, вновь заливаясь смехом. – Кто же тебе такое ляпнул?

– Афанасий Козлов, – в смятении ответил Фрол.

– И дурень же ты! Кто врет, тому камень в рот! Нашел кому верить. И на кого наплел?!

Фрол замялся... Говорить или не говорить? Наконец решился:

– Будто Фролка Разин к моей Авдошке захаживал.

– Тьфу ты! И ты поверил?! То ли Фролку ты не знаешь? Он девок-то боится, а хочешь, чтобы он к бабе подкатился?

Минаев подумал: «И действительно, как я мог поверить этой болтовне?! Ну и ну, вот так друг детства! Надо бы к Козлову приглядеться, видно, не зря он наговаривает на атамана. Что-то тут не так!»

* * *

Степан Разин сразу же повел дорогого гостя к себе в шатер, где уже были накрыты столы, на которых в серебряных, оловянных блюдах дожидались: жареная рыба, вареное мясо, дичь, стояли яндовы, кувшины с вином и водкой.

После нескольких чарок рассказал Серега Кривой, как добирался он до Разина, как с боями прошел мимо Царицына и Астрахани, как нарвались они на ратных людей воеводы Григория Аксентьева, как побили их, как стрельцы разбежались или перешли к казакам.

Слушал Разин Серегу Кривого, радовался, что многие атаманы идут его путем и не боятся выступить против бояр, воевод да начальных людей.

Захмелевший Степан хлопал по плечу Серегу, ласково приговаривая:

– Вот молодец ты, Серега! Будешь моим первым есаулом. Кривой молчал, много пил, но не хмелел, а только бледнел, дерзко глядел на домовитого казака единственным глазом.

Глядя же на Серегу Кривого, Разин думал: «Вот пьет, как за ухо льет!»

Видел Степан, что самолюбив Кривой и что не терпит он чьего бы то ни было первенства. Это еще сильнее разжигало атамана:

– Будешь мне верно служить, я тебя не обижу – добра много будешь иметь и славу.

Кривой сверлил Разина взглядом. В душе он был недоволен первенством Степана, но разумом понимал, что есть у этого казака какая-то притягательная сила, знал, что идет за ним народ, по всей Руси слагают уже про него песни, складывают сказы как о народном защитнике. И поэтому не противился первенству Разина, но другого атамана он бы не потерпел. А подвыпивший Степан все похвально своими удачами в походе, пытаясь разжечь у Сереги недовольство, желая поглядеть, как поведет себя казак. Хоть и зол был Серега Кривой, страшен в гневе, не любил болтовни, но Разин ему чем-то полюбился. Протянув свою чарку, Кривой молвил:

– Коли делаешь честь мне, атаман, быть твоим первым есаулом, я согласен и служить тебе буду с верностью.

Лицо у Разина посветлело, он крепко обнял своенравного казака, расцеловал в губы:

– Было бы поболее у меня таких атаманов, как ты, мог бы я сразу идти на Москву!

– А что, мыслишь идти туда? – сразу же спросил Кривой.

– Мыслю, брат мой. Мыслю! Но только не сейчас, мало еще нас.

Серега Кривой покачал головой и с уважением посмотрел на Разина: «Пожалуй, этот казак поведет на Москву, и, видно, дело за ним не станет».

– Так что, Серега, идем пока в персидские пределы. Потрясем там богатеньких, барахлишком обведемся, а там поглядим, что делать.

– Я с тобой, Степан! Веди в поход! – с жаром ответил Серега Кривой, преданно глядя на Разина.

2

Астраханский воевода Иван Семенович Прозоровский уединился в небольшой палате с царским посланником – дьяком Лохматовым, человеком приземистым, с короткими светлыми волосами, с продолговатым, серого цвета лицом, со впалыми щеками и желтоватыми глазами. Движения у московского дьяка были, однако, легкими, пружинистыми и осторожными: он чем-то напоминал воеводе Прозоровскому его домашнего кота. Разговор был у них нелегкий. Царь и посольский приказ требовали объяснений от воеводы за невыполнение наказа по поимке злодея Стеньки Разина. Трудно было объяснить московскому дьяку, что схватить вора не так-то просто.

– Я сначала тоже думал, что мне несложно будет справиться со злодеем. А вышло не так, – вздыхая, сказал Прозоровский.

– Что же, Иван Семенович, вам все-таки помешало изловить вора? Говорят, будто Стенька хочет

двинуть войско свое на Москву, а некоторые утверждают, что он уже идет туда, – молвил московский дьяк, внимательно глядя на воеводу.

Тот на минуту задумался, потеревил свою седеющую бороду, затем заговорил:

– Даже стыдно признаться, но Стенька Разин всех обхитрил. Обманул нас, когда шел по Волге, обманул, когда сидел на Яике, и ушел в море.

Затем, с усмешкой поглядев на дьяка, добавил:

– А то, что говорят, будто Стенька идет на Москву, так это брешут людишки: кто от страху, а кто и для страху. Он, по-моему, где-то в море гуляет.

Дверь в палату приоткрылась. В нее заглянул князь Львов. Этот воевода был человек высокого роста, с темно-русскими волнистыми волосами, доходящими почти до плеч. Густая кудрявая борода с проседью кольцами лежала на груди. Голубые с поволокой, чуть грустные глаза не вязались с суровым лицом воеводы.

Увидев князя, Прозоровский кликнул:

– Заходи, Петр Семенович, заходи! Поговорим с дьяком из посольского приказа, что приехал к нам от государя нашего Алексея Михайловича и князя Юрия Алексеевича Долгорукого.

Князь Львов смело вошел в палату, устроился на сидельнице напротив дьяка, направив на него свой насмешливый взгляд.

– Вот дьяк говорит, будто Стенька на Москву двинул, – сказал Прозоровский, обращаясь к Львову.

По лицу князя пробежала едва заметная, тонкая, насмешливая улыбка, но Львов постарался сдерживать себя и серьезно ответил:

– Можешь, дьяк, передать Долгорукому, что Стенька на Москву не идет, а гуляет у персидских берегов.

– Откуда тебе, князь, это ведомо? – с удивлением спросил Прозоровский.

– Вчера схватили неизвестного человека, что трепал языком людям на базаре. Вот его наши истцы приволокли в губную избу, а там его дьяк Игнатий допросил с пристрастием. Долго тот человек молчал. А как стали пытать, каленым железом жечь пятки, заговорил. Оказался он казацким изветчиком, что послан к нам в город Разинным, чтобы людишек подбивать для похода за море.

– Что же ты, Семен Иванович, сразу-то не сказал, – сердито багровея в лице, сказал воевода.

– Ты не серчай на меня, Иван Семенович, я тут ни при чем. Изветчик-то долго ничего не говорил, пока огнем жечь не стали. Вот я и пришел тебе все рассказать.

– Казнить его надо, завтра же, – сверкнув глазами, жестко сказал Прозоровский.

– Нечего уже казнить, – ответил князь Львов.

– Это почему же? – настороженно спросил астраханский воевода.

– Не выдержал пыток разинский изветчик, кончился только что.

– Что же вы еще узнали от этого вора, коли развязали ему язык?

– Оказывается, воровской атаман со своей ватагой по персидским берегам гуляет и шарпает там богатеньких людишек. Будто большие богатства прибрал атаман со своими казаками.

– Знать, вести поиск вора нам невозможно, так как в шаховы земли лезть никак нельзя. Ну да ладно. Может, шах сам приберет его к рукам. Надо об этом сегодня же отписать в Москву грамоту, и завтра дьяк повезет ее в посольский приказ.

– Это верно. Надо об этом обязательно отписать государю, – угодливо поддакнул князь Львов.

– Вот что, пока я все дела обговорю с дьяком, сходи да позови Игнатия. Пусть он приведет мне наших торговых людей – Никиту Мусорина и Торжка Павлова. Надо мне с ними поговорить, так как они скоро отплывают в Шемахию по торговым делам.

Князь Львов неспеша встал и, пружинисто шагая, гордо неся посаженную на могучие плечи крупную голову, вышел из палаты.

В прежнее время он был одним из видных московских воевод. Человек крепкого телосложения, сильной воли, храбрый и способный военачальник. Служить бы Семену Ивановичу Львову да служить московским воеводой до конца дней своих, но со смертью царицы на смену приближенных Милославских, коим он был родственником, пришел невесть какой захудалый род. Милославские стали удаляться на различные почетные должности – подальше от царского двора. Видно, молодая царица из рода Нарышкиных сильно завладела царем, а с ней и многочисленные бедные родственники. Может, находился бы еще князь Львов при дворе царя и до сей поры, но вышла у него оплошка по службе в отношениях с Нарышкиными. Не стерпел он высокомерия новоиспеченного воеводы Мишки Нарышкина, брата царицы Натальи Кирилловны, ударил князь выскочку после очередного оскорбления, за что сам был бит батогами, как простой мужик, и выслан в Астрахань воеводой. С тех пор затаил Семен Иванович обиду на Алексея Михайловича, царя Всея Руси, за то, что тот подчинился молодой бабе и забыл про своих верных и давних слуг.

Только Семен Иванович вышел из палаты астраханского воеводы, дабы разыскать дьяка Игнатия,

как нос к носу по выходе столкнулся с ним. Князь передал просьбу Прозоровского о приглашении торговых людей к воеводе и ушел в свои хоромы, что стояли недалеко от приказной палаты.

Торговые люди – Никита Мусорин и Торжка Павлов – несмело переступили порог приказной палаты. Князь Прозоровский оторвался от множества грамот, увидев званных людей, отложил дела в сторону, погладил степенно бороду и, хитровато прищурившись, осмотрел вошедших. Купцы низко поклонились в пояс астраханскому воеводе и в голос произнесли:

– Здравствуйте, батюшка наш Иван Семенович, светлый князь, боярин и воевода!

Затем, смиренно опустив головы, стали ждать слова Прозоровского. Воевода со словом не спешил. О чем-то долго раздумывал, потом встал, не спеша прошелся по палате, потирая сухие руки.

Никита Мусорин напряженно следил из-под густых бровей за воеводой, не зная, к чему приведет сегодняшняя беседа. Понимал, что многие поручения от сильных царства иногда очень плохо кончаются для исполнителей. Идя за море с товарами, они и так уже рисковали своей безопасностью от лихих людей, а иногда и от правителей стран, куда шли.

Пройдясь несколько раз по палате, Иван Семенович Прозоровский наконец сказал:

– Гости мои! Вы вскоре отплываете за море – в кызылбашские пределы, там вы будете вести торг. Наш государь Всея Руси Алексей Михайлович и мы, астраханские воеводы, просим вас исполнить одну нашу просьбу, когда придете в персидское царство. Надо будет собрать молву о Стеньке Разине, о его движении у персидских берегов, так как сообщают нам извечки и верные люди, что Стенька где-то там ворует. Надо бы, ребята, узнать, где эти люди, и сообщить нашим друзьям, персидским начальникам, а если будет такая возможность, и шаху, что в воровстве казаков мы неповинны, что воруют они не по нашему ведомо и что наш государь Алексей Михайлович, как и прежде, верен дружбе нашему брату Аббасу, шахову величеству, и чтобы этим воровским людям пристани никто не давал и побивали бы их везде, и смертью уморяли беспощадно.

Купцы вновь поклонились в пояс воеводе, затем Торжка Павлов спросил:

– Милостивый государь, князь, боярин-воевода Иван Семенович, можем ли мы тогда плату за товары не давать с выхода из Астрахани и по возвращении?

– Можете, гости, но не все еще я вам сказал. Давно уже у нас, в Персидском царстве, в городе Ряше, живет Токмал Чопан. Надо бы вам тайно связаться с тем человеком, который сообщит вам все о воре и сведет с нужными персидскими начальниками, а лучше бы с Будар-ханом для передачи грамоты в верные руки.

После сказанного князь сел в кожаное кресло, украшенное медными бляхами.

Гости еще раз поклонились в пояс и почти разом произнесли:

– Выполним, Иван Семенович, твой наказ, как велишь. Проследим за воров Стенькой с прилежанием и грамоту твою передадим в верные руки.

3

Царь Алексей Михайлович сегодня впервые поссорился с царицей Натальей Кирилловной. И ссора-то произошла из-за родственников усопшей жены – Милославских. Хотела молодая царица, чтобы он их подальше усладил от двора. «Да разве можно это сразу сделать? Ведь многие Милославские – знатные бояре, воеводы, нужные государству люди, – с горечью думал царь. – Эх, эти бабы... – вздохнул он. – И что этих родственников мир не берет? Каждый норовит править государством».

Вновь вздохнул царь, нахмурился, сжал кулак, пристукнул по столу орехового дерева. Так и застал его Юрий Алексеевич Долгорукий, войдя в палату. Боярин низко поклонился и начал свой доклад:

– Милостивый государь Алексей Михайлович, вели говорить.

Царь поднял голову, тряхнул густыми черными с проседью волосами и нехотя произнес:

– Что там у тебя, боярин, говори?

Долгорукий потоптался некоторое время, как бы раздумывая, с чего начать.

– Ну, – произнес царь, указывая движением руки на рядом стоящее кресло. Боярин как будто этого и ждал. Он быстро сел, куда ему указали, в волнении затарабил пальцами по костяным ручкам кресла, все еще не зная, как вести разговор. Царь поморщился, в досаде потер лоб, оттого что разговора не получается.

Наконец Долгорукий осмелился:

– Известный нам вор Стенька Разин находится у персидских берегов, грабит подданных шаха, чем навлекает его гнев на нас. Сообщают верные люди из Астрахани, что вор гуляет по шаховым пределам, безнаказанно грабит богатых жомов, уводит в полон женщин, убивает воинов шаха.

Царь сдвинул в переносье брови, нахмурился, побагровел лицом, стукнул в ярости пухлым кулаком по столу, крикнул:

– Когда, боярин, я перестану слышать в твоих докладах имя проклятого вора Стеньки!

Юрий Алексеевич смешался, замолчал. Царь резко встал с места, хотел еще что-то сказать, но, тяжело дыша, сел и уже спокойно спросил:

– Что думаешь делать, Юрий Алексеевич?

Боярин знал вспыльчивость царя и заранее предвидел, что это произойдет, для этого случая у него уже был заготовлен ответ.

– Я думаю, надо послать грамоту шаху.

– Кого намерен, князь, послать к нему? – спросил Алексей Михайлович.

Долгорукий с ответом не спешил, облизал полные губы, задумался, потом сказал давно уже обдуманный ответ:

– Полковника Пальмара. Он человек ловкий, опытный в придворных делах, знает кое-кого из шаховского двора. Думаю, что он с честью справит наши дела у Аббаса. Вот грамота, что я заготовил послать с полковником, – князь протянул свиток бумаги царю.

Алексей развернул послание, стал внимательно читать: «В прошлом во 7175-м году по нашему царского величества указу к вам, брату нашему великому государю Аббасу, шахову величеству, с нашими царского величества любительными грамоты, которые надеемся до вас, брата нашего Аббаса, шахова величества, дошли.

Ведомо нам, великому государю, что объявились в понизовых местах воровские люди, беглецы из разных мест. И по нашему царского величества указу посланы на них наши царского величества ратные люди, велено тех воровских людей побивать и разорять. И ныне после бою и разорения остальные воровские люди от устья Волги реки на Хвалынское море побежали от наших ратных людей укрыться. А наши, царского величества ратные люди, за ними вслед неотступно промысел чинят – и чтобы тех воров искоренить и нигде б их не было.

И вам бы, брату нашему Аббасу, шахову величеству, своей персидской области околь моря Хвалынского велеть остерегание учинить и таким воровским людям пристанище бы никто не давал и с ними не дружил, а побивали бы их везде и смертно уморяли без пощады.

А по нашему царского величества указу в Астрахани и на Тереке и иных тамошних городах воеводы наши и служилые люди накрепко подстерегают, чтоб от воровских своевольных людей между государств наших никакие противности и ссоры братственной любви нашей не было. И для промыслу над теми ворами поехал к вам, брату нашему Аббасу, шахову величеству, верного службе годного и хваленого рыцарства полковник рыцарь Пальмар, который может вскоре чин служилый у вас завести и от злых людей славно и честно государство ваше оборонить. С тем мы, великий государь, наше царское величество, вас брата нашего Аббаса, шахова величества, его святой обороне в сохранение передаем со множественным здравием и счастьем непременно.

Писан в государства нашего дворе в царствующем великом граде Москва лета от создания миру 7176-го месяца мая 3-го дни».

Царь отложил свиток бумаги, долго молчал, потом сказал:

– Послание, князь, написано правильно. Главное, чтобы из-за воровских людишек не было порухи в любви и братстве между Россией и Персией, чтобы враги наши, турецкий султан и крымский хан, не радовались над нашими противностями.

– В послании об этом говорится, – напомнил Долгорукий.

– Говорится-то говорится, а как Аббас? Поверит ли в это? Никак нельзя нам сейчас ссориться с Персией. Из-за казацкого набега терять дружбу с шахом. Ты же знаешь, князь, сколь было отправлено нами посольств к шаху, сколь дарено подарков, я даже свою лучшую соболью шубу подарил ему.

– Это верно, государь наш Алексей Михайлович, ты говоришь, плохо нам будет без Персии с турками сладить. Ведь персидское войско стоит у рубежей Турции и связывает турок. Только бы не подумал шах, что мы играем с ним.

После последних слов князя царь живо поднял голову, переспросил:

– Как это играем?

– А так. Одной рукой направляем его против Турции, а другую – протягиваем к его кавказским владениям, посылая на них казаков.

– Ты вот что, князь, – прервал Долгорукого царь, – разошли всем послам грамоты. Пусть везде при всех королевских дворах твердят в один голос о нашей великой любви и дружбе с шахом.

Князь заулыбался.

– Чего улыбаешься? – нахмурившись, спросил царь.

– Сделал, государь, я это.

– Однако ты расторопен, князь, – похвалил его царь и, строго глянув темными глазами на Долгорукого, укорил:

– Вот только вора до сих пор изловить не можешь.

Князь потупился, но нашелся что ответить:

– Государь наш Алексей Михайлович, пошто коришь этим вором? Нет моей вины, что обманул он всех воевод и ушел в персидские пределы. Хитер и умен оказался вор в ратном деле.

– Ладно, князь, – махнул рукой царь, давая тем самым понять, что разговор о государственных делах прекращен. Хотелось ему сейчас поговорить, посоветоваться с ним о других мучивших его вопросах.

Долгорукий понял, что царь хочет о чем-то другом поговорить, но на разговор сам не лез, а выжидал, что скажет Алексей Михайлович.

– Не знаю, Юрий Алексеевич, что мне делать, – с трудом начал царь. Видно, нужно было немало усилий ему, чтобы начать этот разговор. – Что делать, не знаю, – повторил снова царь.

Наступила длинная пауза. Князь молча ждал, он предполагал, о чем поведет разговор Алексей Михайлович.

– Беспокоят меня, Юрий Алексеевич, распри между Милославскими и Нарышкиными. Жаль мне Милославских, душой к ним прирос, а за Нарышкиных зело Наталья Кирилловна хлопочет, даже сердчает, если ее родственников обхожу придворной службой. Вчера требовала своего брата воеводою поставить. Я ей говорю: мало быть воеводой, надо ратное дело разумать, а она – в слезы, мол, жалешь для меня что-нибудь приятственное сделать. Извела баба.

Долгорукий слушал царя с большой серьезностью, а сам думал: «Да, царица – женщина темперамента доброго, доброжелательного, только не прилежна и не искусна в делах и ума легкого. Такую бабу в государственных делах слушаться – ума тронуться можно».

– Надо, Алексей Михайлович, советы царицы принимать на свое разумение, чтобы государству не в ущерб было, – уже вслух гибко посоветовал князь.

– Так я и разумею, – со вздохом ответил царь.

4

Душная, жаркая ночь подходила к концу. С моря потянул прохладный ветерок, и от его свежести как будто встрепенулся мир. Запели неведомые птицы, зашелестела, зашумела листва на деревьях. Небо быстро бледнело на востоке и вот начало зориться. Из бледного оно постепенно становилось золотисто-розовым. Из-за моря, как бы нехотя, стало восходить солнце. По волнам золотом брызнули и заиграли первые лучи. Они пробежали по крепостным стенам, минаретам города, легли на плоские крыши домов, густо теснившихся вокруг крепостных стен Баку. Было тихо. Город еще спал. Вдруг раздался странный человеческий протяжный крик.

– Что это? – вырвалось у недоумевающих казаков, подошедших уже вплотную к городу.

– Это, ребята, ихний поп с кричальницы зовет всех на молитву, – ответил кто-то из бывалых казаков.

– А что же это он так базлает? Вдарил бы в колокол!

– А у них не положено колоколов. Они без них обходятся.

Разин слушал переговаривающихся казаков, видел все происходящее вокруг, а сам размышлял: «Много мы уж покружили по побережью. Дали жару персидским богатеям. Будут они нас помнить долго. А сколько своих русских освободили, томившихся в рабстве?!»

Присматриваясь к лицам казаков, атаман видел в них решительность и любопытство. Интересно было им узнать, что же там – за стенами восточного города.

Степан подумал, что там сейчас своя жизнь – неведомая, иная. Еще немного, и она будет нарушена стрельбой, визгом лошадей, лязгом железа.

Поймав себя на этих мыслях, Разин улыбнулся, подумал: «Что это со мной делается?»

Атаман выдернул саблю, лезвие ее сверкнуло на солнце как призыв к бою. Казаки напряглись, ждали.

– Ребята! – прогремел густой бас Разина. – Предупреждаю, простых людишек, женок с детишками не трогать, иначе... – глаза Степана потемнели, сверкнули недобрым огнем. Сабля, сделав круг, свистнула, разрезая упругий воздух, и никто из казаков не сомневался, что так и будет.

– Вперед на посады! На город не лезть пока! – и атаман вздыбил коня, наметом ринулся к городу. Все последовали за ним. Загудела земля от топота копыт, визгливо заржали кони, с гиканьем и свистом устремились разинцы на посады города.

Жители выбегали из своих приземистых домов, испуганно смотрели на неведомых людей, мчавшихся в бешеной скачке, и в страхе бежали опять в дома, суетились, не зная, как быть. Иные убежали к стенам города.

Прошло еще немного времени, и от утреннего безмятежного спокойствия не осталось и следа. Вмиг все смешалось, завертелось в дикой, все разрушающей борьбе: крики, тяжелое дыхание схватившихся врагов, страшный лязг сабель, выстрелы из пищалей и пистолей – все слилось в единый ужасающий шум.

Пожилый казак, заметив бегущую молодую женщину с ребенком на руках, побежал за ней, схватил ее за длинное пестрое платье. Персиянка рванулась, пытаясь уйти от преследователя, но тот

крепко ухватил добычу, не отпускал. Женщина с испугом обхватила руками ребенка, прижала к груди, пытаясь заслонить его от беды.

Афанасий Козлов схватил ее одной рукой крепче за платье, а другой пытался вырвать младенца. Наконец ему это удалось, он отбросил малыша, который упал на труп персидского воина, чем спасся от сильного ушиба. Ребенок заплакал. Мать с криком ринулась к своему малышу. Афанасий ухватил пленницу в бедра, крикнув: «Цыц, баба!»

Женщина отчаянно сопротивлялась, вырывалась из цепких рук казака, жалобно лопотала что-то на своем языке. Козлов замахнулся на женщину, пытаясь ее образумить, но в это время спину его как обожгло. Он в недоумении обернулся и увидел Разина.

– Женок с детишками забижаешь?! – не закричал, а страшно прошептал атаман. – Я те покажу, как простых людей трогать!..

Степан крепко сжал рукоять сабли, вены на руке напряглись, на виске выступила синяя жилка, а глаза были суровы и безжалостны. Козлов в страхе смотрел на атамана. Как замороженный, не мог оторваться от глаз Разина, разумом понимая, что, может быть, пришел конец.

– Батько! Погодь! Стой, не надо! – закричал Фрол Минаев, подскочив к атаману, пытаясь помешать, но было уже поздно. Сверкнула сталь, рассекая воздух. Козлов изловчился, отпрыгнул в сторону, еле успев увернуться от сабельного удара. Сабля, описав круг в воздухе, вновь нависла над головой провинившегося казака, но Фрол сильной рукой схватил руку атамана:

– Погодь, батько! Погодь! Я сам с ним объяснюсь. Мне все равно с ним нужно кое о чем поговорить.

– Уйди! – взревел в бешенстве Степан, но Фрол уже захватил Разина сзади за руки, не давая больше достать Козлова саблей.

– Уйди! – кричал атаман.

Вокруг собрались казаки. Козлов спрятался за их спины – от греха подальше. Атаман все еще неистовствовал, но уже словом, а не саблей:

– Сколько раз я вам говорил: не трогать простых людишек! Увижу еще кого – убью!

Наконец он успокоился и, вроде забыв все, что произошло, приказал:

– Пленных, скот и барахло – к морю, в струги. А насчет бабенок... Возьмем шахов гарем, каждому дам по красивой жене.

Стоящие рядом казаки засмеялись, кто-то крикнул:

– Пока мы этот гарем возьмем, все его бабы разбегутся, и нам ничего не достанется.

– Достанется, – резко ответил атаман. И поспешил к стругам распорядиться, чтобы легкие фальконеты подтащили к стенам города. Казаки сновали взад и вперед: кто вел пленников, кто тащил дорогие товары. Каждый старался не упустить свою добычу.

Вот двое казаков крыли друг друга матерными словами, не поделив между собой ковры и золоченую посуду, хотя вокруг были кучи всякого добра.

Увидев это, атаман нахмурился, сжал плотно губы, потемнел лицом. Он медленно подошел к спорящим, с минуту послушал их ругань, плюнул в досаде и, тяжело вздохнув, сказал:

– Эх, вы, казаки!

Те, увидев перед собой атамана, вздрогнули, засуетились. Но Разин, не сказав ни слова, пошел к берегу моря. И от всего этого сделалось ему так горько и одиноко... Степан понимал, что есть в его войске люди, которые идут за ним не ради того, что он задумал, а чтобы нажиться, скопить добро, притом сделать это любым путем, не гнушаясь ничем, даже грабежом слабых. Подойдя к стругам, увидел, что многие лодки до отказа уже набиты добычей и пленниками.

– Иван, – позвал атаман Черноярца, который распорядился погрузкой. – Пусть ребята снимут несколько пушек на берег.

– Зачем, Степан Тимофеич?

– Попробуем приступом взять город.

– Что-то меня сомнение берет, глянь: сколь тяжелых пушек на стенах.

– Возьмем город, это точно! – в полной уверенности поддержал подошедший Леско Черкашин.

– Снеси яйцо, а потом и кудахтай, – ответил на горячую речь первый есаул.

– Попробуем, может, что и выйдет, – не очень уверенно проговорил Разин, поглядывая на высокие стены Баку.

– Кликни ко мне есаулов, – попросил Степан Леску и затем обратился к Черноярцу:

– Животы и ясырь отправь на Жилой остров. Оставь нам самые ловкие струги, чтобы, в случае чего, можно было быстро уйти.

– Справим все, как велишь, атаман, – весело ответил есаул и захопотал у лодок, готовых к отплытию, а Степан, подойдя к собравшимся казакам, спросил:

– Идем на город?

– Идем, атаман! Чего глядеть на басурманов!

– Собирайте матерых казаков, пойдем на стены города! – велел Разин.

Есаулы помчались исполнять волю атамана.

В это время на стенах города собрался народ. Это были воины и знатные люди.

Разин быстро отдавал распоряжения готовым к бою есаулам. По выстрелу из легкой пушечки разинцы пошли на приступ Баку.

Вот уже они подступили под самые стены города. Стали по лестницам карабкаться на крепостные стены. Ударил тяжелые крепостные пушки. Сперва ахнула одна, потом вторая, третья, и поднялся грохот, от которого казаки глохли, и дрожала земля. Наступающие остановились, кое-кто даже пятился назад, испугавшись грозного оружия. Иные стали поглядывать на берег, где чернели спасительные струги.

Матерые казаки во главе с Разиным несколько раз ожесточенно бросались на стены, но персы спихивали лестницы и непрерывно стреляли из ружей, нанося большой урон рядам казаков. Поняв, что город взять невозможно, Разин распорядился отступить к стругам. Казаки сразу же заспешили к лодкам.

Крепостные стены Баку были окутаны сизо-черным дымом, гулко и грозно продолжали ухать тяжелые пушки, наводя страх на разинцев. Преследовать казаков персы не решились, вероятно, боясь засады.

Отплывали казаки от Баку на Жилой остров в стругах, доверху груженных добром. Они захватили много скота, пленных, особенно женщин, на которых поглядывали неравнодушно, весело подмигивая друг другу и зубоскаля. Шутили в адрес незадачливой молодежи.

– Как, Андрей, побил малость тезиков? – спросил Леско Черкашин молодого казака.

– А как же! Бил! – выпятив грудь, соглашался Андрей.

– Видал я, как ты их бил: бабенок ихних в основном хватал.

Казаки негромко гоготнули.

– Сколь бабенок нахватал? – не унимался Леско.

Парень заерзал на скамейке, стесняясь ответить.

– Сказывай, чего молчишь?

– Трех, – пробубнил Андрей, заливаясь краской.

– Вот это аппетит! – многозначительно произнес Леско. – Смотри, паря, много нагробешь, домой не унесешь.

Казаки разразились громким хохотом.

Вот уже город слился с горизонтом, оставаясь где-то далеко за бескрайней водной чертой. Кружили белые чайки, широко распластав крылья, крича тоскливо и пронзительно.

Казаки с шутками приутихли, притомились. Кто был не на веслах, задремал.

На атамановом струге послышалась песня. Могучий красивый голос Ефима выводил:

*На славной Волге-реке,
На верхнем изголовье,
На Бузане острове,
На крутом красном берегу,
На желтых рассыпных песках,
А стояли беседы, что беседы дубовые,
Исподернуты бархатом.
Во беседочках тут сидели атаманы казачьи:
Ермак Тимофеич, Самбур Андреич, Андрей Степаньч.
Они думушку думали за единое,
Как про дело ратное,
Про добычу казачью...*

Одинокий, но сильный голос Ефима и его песня еще раз напоминали атаману и его сподвижникам о нелегкой и опасной их участи.

Солнце нещадно палило, даже трава и листья на деревьях повяли, иногда пробегал откуда-то ветерок, но и тот был горячий, нисколько не освежал, лишь шевелил сухую траву да листья на кустах.

Утирая пот со лба и шеи, Василий Ус пристально всматривался в бескрайнюю равнину, как будто что-то там искал или кого-то ждал.

Есаул Иван – кряжистый казак с простым русским лицом, хитроватыми голубыми глазами, с кудлатой рыжеватой бородкой, бывший крестьянин из-под Калуги, уже многие годы был тесно связан с Усом. Прекрасно знавший своего атамана, он чувствовал, что Василий это делает просто для вида, а

сам о чем-то думает и думает крепко. Есаул видел, как напряжено его лицо, как упрям взгляд и нетерпеливы руки: они были в движении, не находили себе покоя.

– Надоел мне воевода Ромодановский, больше не могу! – наконец выдал из себя атаман.

– Давай уходить будем. Нас здесь ничто не держит, – посоветовал Иван.

– Легко сказать. Ты думаешь, что воевода такой уж глупый, даст тебе так просто уйти.

– Это верно, не даст, – вздохнул есаул.

– Он все зазывает меня к себе в шатер выпить да закусить, да уж больно шибко зовет, – с усмешкой в голосе сообщил Василий.

– Не ешь, атаман, пирогов с московитами, неровен час – отравят.

– Все может быть.

– То-то, Василий, – опять вздохнул Иван.

Казак сидел друг против друга прямо на траве, разговаривали и хотели уже уйти в шатер, как подъехал к ним на лошади стрелец и сообщил:

– Тебя, атаман, зовет к себе князь-воевода.

– Зачем, не знаешь?

– Нет! – крикнул стрелец, круто развернул жеребца и галопом ускакал.

– Опять заскучал без меня Ромодановский. Видно, что-то надумал сказать. Придется идти. Скажи казакам, пусть маленько приутихнут и не задирают стрельцов, а то Ромодановский что-то почуял.

– Пора, пора нам, Василий, уходить от воеводы, а то, как начнется драка с Дорошенко, так он нас на верную смерть посылать будет, чтобы извести, – высказался Иван.

– Пока нет подходящего момента, – сказал Ус и направился к шатру, по дороге обдумывая: «Зачем это воевода меня зовет? Видно, корить будет за вольное поведение казаков. А они и впрямь в последнее время вели себя дерзко: надо или не надо, а задирали стрельцов. Почуяли, что он от Ромодановского уходить будет. Надо бы воеводу успокоить. Пусть ничего не думает. Иначе, князь – человек крутой – может изменить его планы».

Ромодановский, упитанный человек, с седой бородой и длинными прямыми волосами, был осторожный, опытный в военном деле воевода. Из-под широких седых бровей поблескивали умные серые глаза. Воевода сидел за столом в углу шатра и что-то быстро писал, беззвучно шевеля губами. Оторвавшись на миг от грамоты, взглянул на вошедшего и снова стал писать.

Ус долго стоял перед князем, и в душе его нарастал гнев, кровь ударила в лицо. Хотелось крикнуть этому толстому неповоротливому воеводе в лицо: «Сволочь!» Но атаман приложил все свои силы, чтобы сдержаться, не показывая вида, кашлянул, напомнив о себе.

Князь наконец оторвался от работы, скривил в усмешке свои тонкие губы:

– Что, атаман, невесел?

– Почему, князь, так думаешь?

– Уж больно вид у тебя измученный.

– Заботы, воевода.

– То-то и видно, как одолели тебя да твоих казаков заботы – заирать наших стрельцов да начальных людей.

– Что ты, воевода? Они зря не будут заирать стрельцов. Видно, те сами хороши, раз они им спуску не дают. Но я, князь, поговорю со своими ребятами строго, а кто виновен – накажу.

Воевода поморщился от обещания Уса, заранее зная, что наказывать он никого не будет.

А пригласил воевода атамана затем, чтобы прощупать его мыслишки, проверить дошедшие до него слухи. Поглядев в упор на Уса, князь Ромодановский вдруг спросил:

– Правду ли говорят, будто ты от меня уходить собрался? Василий выдержал взгляд воеводы, не моргнув, ответил:

– Что ты, князь, разве можно так ответить на твою доброту и заботу.

Воевода в душе засомневался, когда увидел, как ведет себя Ус. Подумал: «Может, болтают зря. Но на всякий случай недаром я отдал распоряжение, чтобы стрельцы окружили лагерь Уса и не дали ему уйти, если вздумает. Сколь волка ни корми – он все в лес смотрит. Надо бы, как только с запорожцами завяжется и будет большой бой, послать их на верную смерть. Пусть сгинут – и дело с концом!»

– Ладно, атаман, иди с богом да казакам накажи, чтобы больше не задирали стрельцов.

– Постараюсь, батюшка князь-воевода, – ответил Ус и, не поклонясь, вышел из шатра.

Не успел атаман войти в свой казацкий лагерь, как к нему подбежал его первый есаул Василий Хороший и в тревоге сообщил:

– Стрельцы начали окружать нас со всех сторон. Мы уже думали, что князь велел тебя схватить. Что делать, атаман, будем?

Ус мучительно раздумывал. И вдруг пришла простая и ясная мысль: надо уходить сейчас, немедленно, иначе будет поздно.

– Скажи казакам, Иван, пусть собираются в путь.
 – А они все готовы. Мы сразу же всполошились, как ты ушел. Твой гнедой уже под седлом.
 – Ну и хорошо. Вели всем сотникам вести казаков вон туда, – Ус показал в сторону леса и добавил:
 – За ним дорога. Идти будем без остановок день и ночь: Ромодановский обязательно пошлет погоню. И еще – сильно не суетитесь. Уходить будем враз, сигнал – выстрел из пищалей.

Прошло немного времени, но стрельцы за это время почти взяли в кольцо лагерь Уса. Со всех сторон были установлены пушки, оставался лишь небольшой проход в сторону леса, где на пути протекала довольно широкая речка.

И вот вразной треснули три пищальных выстрела. В стане усовцев вмиг все поднялись на ноги. Уже через несколько минут все были в седлах и по сотням помчались к реке. Стрельцы еще не успели что-либо понять и тем более предпринять, а усовцы уже переправлялись через речку и галопом шли к лесу.

Стрелецкое начальство, сообразив, в чем дело, забегало, засуетилось, не зная, что делать. Наконец послали сотника к воеводе сообщить о случившемся.

Воевода Ромодановский, узнав о том, что казаки взбунтовались и уходят, в гневе накричал на сотника и приказал:

– Догнать воров! Немедля в погоню!

Как только казаки вышли на дорогу, Ус остановил коня. Остановилось и его небольшое войско.

– Казаки! – крикнул атаман. – Вот мы и опять на свободе! Нет лучше вольной волюшки!

– Любо, батько! – закричали усовцы, и сотни шапок взлетели вверх.

– Рано еще радоваться, ребята! Рано! Ромодановский, наверно, уже послал за нами погоню, поэтому уходить надо быстро: пока не доберемся до больших лесов. А там нас уже не сыщешь. А теперь – вперед!

Ус стегнул плетью коня и первым поскакал во главе своего отряда.

Дорога была ровной и почти прямой, редко взбегала на небольшие холмы. Упругий теплый ветер, лаская лицо, трепал волосы, и было приятно скакать по широкой равнине. Ус вздохнул могучей грудью, окинул взглядом горизонт, подумал: «Как хорошо быть на воле, когда нет никаких воевод, когда ты сам над собой хозяин!»

6

Море шумело. Волны отчаянно набрасывались на прибрежные скалы Жилого острова и, разбиваясь о них, поднимали столбы водяных брызг. Разгулялось Хвалынское море. Пучились темные волны, набегая пенистой чередой на скалистые берега, торопливо откатывались назад и потом вновь яростно бились о камни.

Степан Тимофеевич стоял на берегу, устремив пристальный взгляд в бескрайнюю, беспокойную водную ширь. Неугомонные волны вновь и вновь ударялись о скалы, и их брызги обдавали атамана, попадали на лицо, но Разин не обращал на это внимания. Он не отрывал своего взгляда от горизонта.

Сегодня казаки гуляли после большой добычи баракла и ясыря. А Степану хотелось побыть одному. Надоело атаману гулять, куражиться, видеть преданные глаза, слышать угодливые слова: любое его желание сразу же исполнялось, любая прихоть была желанна казакам.

Разодетый в парчу, зарбаф, опоясанный красным шелком, атаман стоял на берегу, задумчиво глядел вдаль и думал: «Балует меня удача. Видно, счастье мое не закатилось, а дело, которое задумал, исполнимо. Все-таки хорошо гулять на просторе. С тех пор как вышел я из Качалинского городка, удача меня не оставляла».

Степан уже привык к этому, и ему казалось, что иначе и быть не могло. Он был почти уверен, что так будет всегда, но внутренний голос твердил ему упорно и назойливо: не гордись, атаман, удача казака переменчива. По лицу атамана пробежала тень, густые брови сошлись в переносье, в душе нарастала смутная тревога. Нет, не неудач боялся он, ни черта, ни дьявола, а боялся неверия людей в его дело, того, что они могут от него отшатнуться. Поэтому настроением казаков, мнением своего войска о себе очень дорожил. Он даже ревновал своих есаулов к войску, хотя не мог сам себе в этом признаться, когда чувствовал, что все начинали кого-то из атаманов ценить больше. Однако это неудовольствие он умел подавлять в себе, не давал перейти в ненависть к лучшим есаулам, так как понимал, что распри ни к чему хорошему не приведут, знал, что многие задумки атаманов из-за этого рушились. Беспокоило Разина все растущее уважение к его ближнему есаулу Сергею Кривому. Видел атаман, что этот сильный казак любим войском, что люди не только чтят его, но и побаиваются, чувствовал Разин силу Кривого над людьми, и от этого поднималась в душе Степана неприязнь к бывалому атаману.

– Вот ты где, Степан Тимофеич, – вдруг раздался за спиной густой бас Сергеи.

Разина произвольно передернуло, каждая мышца его тела напряглась от нежелания говорить с

есаулом сейчас. Атаман с сожалением подумал: «Не надо было тебе, Серега, приходиться. Ох, не надо было. Ну да ладно, не обижайся!»

А Серега Кривой, уже изрядно захмелевший, встал рядом со Степаном, поглядев на взволнованное море, сказал:

– Море-то какое, а?! Бушует!

Разин молчал, бешеная злоба все росла и росла в нем.

Серега тяжелой рукой хлопнул по плечу Степана, сказал:

– Пойдем, атаман, выпьем! Али баба ты, чтобы одному тосковать?

И этого было достаточно, чтобы необузданная натура Разина взорвалась, вырвалась всем своим звериным гневом наружу.

Степан резко сбросил с плеча Серегину руку, в упор поглядел на есаула, синие вены на висках вздулись, лицо потемнело, в черных глазах запрыгали злые огоньки.

Хотя Серега был и неробкого десятка, у него по спине прошел мороз. Матерый казак и вида не подал, заметив перемену в атамане.

Из глотки Разина вырвалось подобие рыка. Он хватанул своего первого есаула за грудки, да так, что кафтан на Сереге затрещал по швам.

– Это я-то баба, – прошептал в лицо Сереге Степан, весь побелев, – убью, сволочь!

Серега спокойно железной хваткой перехватил руку Разина, резко отбросил его от себя.

Степан выхватил из ножен саблю, молча, походкой барса пошел на есаула.

Кривой был безоружен и крутил головой, пытаясь найти хотя бы что-то, чтобы отбить нападение атамана. Шагах в трех от него лежала увесистая палка. Серега метнулся к спасительному оружию, взял его и ловко вышиб саблю из рук Разина, затем схватил Степана в охапку, подмял под себя, зажал, как в железных клещах, больно придавил к земле. Разин долго возился под есаулом, рычал, матерился, пытаясь вырваться, наконец сказал:

– Отпусти, чертяка!

– А будешь еще саблей махать?

– Отпусти, – сердито, но уже без злобы, повторил Степан.

– Ладно, – сказал Серега, освобождая из своих объятий Разина.

Тот, побряхывая, встал на ноги, с удивлением оглядел Кривого, покачал головой и серьезно сказал:

– Ты что, из железа сделан, что ли?

Серега молча присел на камень, вытащил из кармана сулейку с водкой, отпил несколько глотков и предложил Степану. Тот тоже присел рядом с есаулом, не отрываясь, допил содержимое из сосуда. Перевел дух, заговорил:

– Чуть было не решил тебя.

Тот улыбнулся уголком рта, ничего не ответив самолюбивому атаману.

Между тем на острове шла гульба. Сегодня Разин разрешил казакам отдохнуть, повеселиться. Было всего вдоволь – еды, вина и ясыря. Казаки в честь пира оделись во все лучшее, достали дорогое оружие. Смирившихся и покладистых персиянок держали около себя, а озлобленных и непокорных до поры не трогали. Хоть и гуляли казаки, но дозор держали исправно на высоких местах и у лодок.

Разинцы веселились группами в несколько человек, всей сотней или развлекались с пленницами. Часто слышались женские вскрики, плач вперемешку с непонятной речью или приглушенный шепот в кустах или шатре: «Замолчь, баба! Надрываешься зря!» Были и такие казаки, которые высказывали из своего шатра с исцарапанным лицом, проклиная бесовских баб и весь их черномазый род. Тут уж зубоскалы, особенно старые казаки, не упускали случая, чтобы погоготать, пошутить, повеселиться, отвести душу.

У костра, около большого камня, сидела небольшая группа казаков: Афанасий Козлов, Григорий Афонин, Федор Сукнин, Василий Соколкин. Они попивали крепкое винцо, подшучивали над Иваном Чемкизом. Лицо казака было сильно исцарапано. Царапины проходили по щекам и даже по носу.

– Что ж ты, Иван, поддался бабе-то? Неужто не мог подержать руки у своего ясыря.

– Да она как кошка крутится, – ответил сердито казак.

– Он, видно, у персиянки в штанах запутался, у наших же баб нет такого, а тут – новина, – вставил Василий Соколкин.

Все захохотали.

– Хватит вам зубы-то скалить, – взмолился Иван.

– Хватит-то, хватит, – ответил Григорий Афонин, – а вот как же все-таки ты такой маленькой бабенке поддался?

– Иди в мой шатер и бери ее, посмотрю я на тебя, как ты с ней управляться будешь, – посоветовал Чемкиз.

– Нет уж, Иван, мне и своего ясыря хватит. Ты лучше отдай ее кому-нибудь помоложе, пока она тебя не зацарапала до смерти.

Вновь заготовали шутники.

– Смотрите, ребята, Фрол Минаев к нам идет, – сказал Федор Сукнин.

Разинцы примолкли, повернули головы в сторону идущего, ожидая есаула.

Фрол был изрядно выпивши, нес в руках бочонок вина. Афанасий Козлов, увидев есаула, беспокойно заерзал на месте, пытаясь уйти. Григорий Афонин, заметив это, усадил его на место.

– Погодь, Афанасий, чего так заспешил?

– Хватит уже пить, что-то в сон меня кидает.

Подойдя к казакам, Минаев спросил:

– Кто желает вина? Подставляйте кружки, а если их нет – ладошки.

Желающие с удовольствием угощались, благодарили есаула.

Фрол подсел к Афанасию Козлову, положил тяжелую руку на плечо казака, дыша ему в лицо винным перегаром, и на ухо прошептал:

– Как там Авдотья моя поживает в станице, сказывай?!

– Не знаю я ничего, Фрол, про твою бабу, – почти взмолился Козлов.

– А что ты мне тогда говорил? – с пугающими нотками в голосе спросил Фрол.

– Дык, люди сказывали!..

– Ты же говорил, что сам видел!

Фрол схватил сильной рукой Козлова за грудки, кафтан затрещал.

Сидевшие рядом разом навалились на есаула, освободили жертву. Как только Козлов почувствовал, что рука Фрола немного ослабела, он рванулся и был таков.

Минаев выхватил из ножен саблю, потряс ею вслед, крикнул:

– Чтоб не попадался мне на глаза, зарублю! – и, тяжело дыша, сел с казаками. – Вот сволочь, вот кривитель, где лукаво – тут и обман!

– Плюнь ты на эту собаку, пику ему в бок, – успокоил Федор Сукнин, – лучше пей вино.

К казакам подсел Иван Черноярец. Он, как всегда, был трезв. Озабоченно поглядел на гуляющих, потом сказал:

– Пить пейте, да ум не пропивайте.

– Выпей, – предложил заплетающимся языком Фрол Минаев Черноярцу.

– Нет, ребята, я уж немного приложился.

Есаул встал, коротко произнес:

– Дозор надо доглядеть.

В это время подбежал запыхавшийся Еремка и выпалил, показывая рукой в сторону скалистого берега:

– Степан Тимофеич с Серегой Кривым у моря рубятся на саблях!

Черноярец заспешил к берегу. Казаки быстро поднялись и хотели идти за есаулом, но Иван, заметив это, крикнул:

– Не ходить! Чтобы ни одна душа не знала!

Казаки вернулись к костру, притихли, то и дело встревоженно поглядывая в сторону скалистого берега, куда ушел есаул. Иван Черноярец давно уже заметил, что Разину не по нраву авторитет Кривого, этого матерого казака, умевшего повелевать людьми. Даже многие разинские есаулы попали под влияние Кривого, тянулись к нему, старались угодить. Наблюдая за Разиным, Иван видел, как бледнело его лицо, как раздувались ноздри, когда тот видел, как растет уважение к Кривому, как лебезят перед ним некоторые казаки.

– Уживутся ли эти два медведя в одной берлоге? – всякий раз думал Черноярец, и вот теперь – разрешилось.

Выйдя к скалистому берегу, Иван сперва никого не заметил, в тревоге подумал: «Неужто до смерти порубали друг друга?» Но вот увидел он, что атаманы сидят за большим камнем в обнимку и мирно о чем-то беседуют.

– Вот те раз, а Еремка говорил... – Иван повернул назад, подумав: «Видно, головы у них сильнее темперамента, значит, дело пойдет на лад, раз сломали ради него и воли свою гордыню».

Незавидна доля казачки – ждать-поджидать мужа своего ненаглядного, думать постоянно, возвратится ли он из дальнего похода, богатство ли привезет, голову ли сложит в неведомых краях.

Ждет казачка мужа, ждет – не дождется, днем работа по хозяйству, забота по дому от мыслей грустных отвлекает. А ночью?.. Ох, как трудно одной женщине лежать в холодной постели с сухими, заплаканными глазами, прислушиваться к шороху ночи!..

Лежит Алена на пуховой подушке, мокрой от слез, и плакать больше не хочется. Устремила широко открытые глаза в темноту, многое ей вспоминается. Видится ей Степан молодым казаком на лихом, сером в яблоках коне. Очень уж эту масть лошадей любил он. Гарцует возле гордой казачки, а Алена и глазом не поведет в его сторону, идет, будто пава, на Степана внимания не обращает. Взыграла кровь у гордого казака, вздыбил Степан коня, встал он поперек дороги, как вкопанный. Обошла Алена коня, на казака даже не взглянула, чем еще больше ранила сердце Степана. Рассердился не на шутку Разин и помчался в степь.

Радостно было на душе тогда у Алены, льстило ей, что такой домовитый казак за ней ухаживает, но сразу сдаваться не хотела. Встретились в ту пору интересы к ней не только Степана, но и Фрола Минаева. Ходил Фрол за ней по пятам неотступно. Все думали, что быть ему мужем Алены, а вышло не так. Как вернулся со станицей из Москвы Степан Разин, потеряла она покой, приглянулся ей смелый и красивый казак, а на Фрола и глядеть не хотела. Смутилось тогда все у Алены в душе.

Память, память... Глядела казачка на темные окна, прислушивалась к шороху ветвей яблонь, и показалось ей, что и деревья шепчут, шелестя листвою: «Жди меня, Алена!»

Незаметно уснула, а утром не успела управиться по хозяйству, навести порядок в доме, как явился гонец от войскового атамана и сказал:

– Тебя в войсковую зовут.

– Это зачем я им там понадобилась? Или теперь казаки своих войсковых дел без баб решить не могут? – озорно спросила она.

– Не знаю, Алена, требует тебя атаман – вот и все.

– Так скажи – зачем?

– Не знаю, – односложно ответил казак.

– Затял – не знаю, не знаю, – уже сердито передразнила его казачка.

– А ты не сердись, а сходи и узнай, – ответил посыльный.

– И чего они ко мне прицепились? Уж сколько раз звали в войсковую, будто я им в чем помочь могу.

Алена пошла в курень приодеться, думая на ходу: «Ой, и чудной Корнило, все думает, что я вернуть Степана с похода могу. Мне бы самой хотелось, чтобы казак со мной рядом был. Какой бабе от этого плохо!.. – Женщина смахнула набежавшую слезу. – Степан дома – редкий гость, непоседа. Вот и живешь ни мужней женой, ни вдовицей. Желания бы Корнилы – да в явь, но, видно, не бывать этому».

В войсковой было накурено, сизый дым клубами плавал в воздухе, струйкой тянулся к раскрытым дверям и окну.

– Ну и надымили, казаки, дышать нечем! – воскликнула Алена, быстро оглядев войсковую и всех присутствующих.

Корнило сидел у окна, сильно облокотившись на стол, поглаживая бритый лоб, исподлобья настороженно взглянул на вошедшую. Михаил Самаринин сидел рядом с Яковлевым, курил трубку, заискивающе поглядывал на московского дьяка Паньковского, небольшого роста лысеющего человека. Далее за длинным дощатым дубовым столом на лавках сидело войсковое начальство и кое-кто из домовитых казаков.

Никита Подкорытов, увидев вошедшую Алену, воскликнул:

– Явилась, красавица Разина!

Алена посмотрела с вызовом на Никиту, усмехнулась:

– Зачем, атаманы, звали? Сказывайте, а то мне недосуг с вами долго говорить, дел своих в курене хватает.

Сидящие в войсковой переглянулись, но никто не произнес ни слова, все поглядели на Яковлева, ждали, что скажет бывший атаман.

Корнило поднял голову, заговорил:

– Вот, Алена, от царя Алексея Михайловича к нам приехал из Москвы дьяк, он желает с тобой говорить.

Алена с интересом посмотрела на московита, подседа к нему, сразу же заговорила:

– Ты что, дьяк, такой невеселый?

– Да уж с вами не соскучишься, – живо ответил Паньковский, с интересом глядя на красивую женщину.

– Знать, веселый народ живет в нашем войске Донском.

– Это верно, казачка, говоришь, особенно если взять твоего муженька.

От этих слов лицо у Алены стало грустное, она подумала: «Неужто еще московский дьяк пытает меня будет, войсковое начальство надоело и этот еще. Что я могу знать о делах Степана? Мне от этого ни богатства, ни радости. Для людей муженек старается».

Дьяк, внимательно наблюдавший за лицом женщины, как будто понял, что творится в душе у казачки, и вкрадчиво заговорил:

– Неужто не хочется, чтобы муж твой был рядом, в силе и здравии. Вот и велел мне государь передать Степану Разину и казакам, ушедшим в поход, что прощает им все вины, а мужа твоего благословляет атаманом войска Донского.

– Эх, дьяк, дьяк, да если бы он хотел быть атаманом войска Донского, он им уж давно был бы, да видно не хочет, – ответила Алена.

– Чего же он тогда добивается? – с удивлением спросил дьяк.

– Для людишек старается, – грустно ответила Алена.

Дьяк переглянулся с Яковлевым, заговорил еще вкрадчивее:

– Давай вместе подумаем, как нам вернуть твоего казака домой. Может, напишешь ему что?

– Нет, все это напрасно, неужто вы думаете, что он меня послушает и бегом назад в Черкасск воротится. Плохо вы знаете Степана, раз так говорите!

– А если все-таки напишем письмо ему вместе, вернется?

– Скажи ему, Корнило, каков Степан и послушается ли он бабы в таких делах, – обратилась Алена к Яковлеву.

Корнило долго молчал, только желваки ходуном ходили, потом с досадой заговорил:

– Она правду говорит. Степан слушать Алены не будет, с малых лет его знаю, – затем, пристально поглядев на женщину, добавил: – Готовь заветный подарок своему мужу, завтра гонца посылаем к нему. Говори, что на словах передать от твоего имени.

Алена молчала.

– Ждешь, мол, его побыстрее домой, – подсказывал Корнило. Казачка усмехнулась, взглянула озорно на бывшего атамана и дьяка, молвила:

– Это, Корнило, пусть сказывают ваши послы, я не против.

– Любо, Алена! – обрадовался Яковлев, хотя думал, что упрямая казачка и этого не разрешит, а теперь можно и кое-что от себя добавить, раз наказ от жены был.

Михаил Самаринин все это время сидел молча, наблюдая исподлобья за всем происходящим. Наконец решил показать, что он – атаман и кое-что тоже значит. Резко встал, прошелся по войсковой, повернулся к Разиной, подошел к ней вплотную, спросил:

– Ты, говорят, у себя дома привечаешь голых и всяких пришлых людишек, будто указываешь им путь к своему мужу?

Алена засмеялась, а на слова войскового атамана ответила:

– Я бы сама хотела знать, где мой Степан. Вот уж с тех пор, как он ушел в поход с Качалинского городка, от него не получила ни единой весточки.

– Пошто напраслину несешь, казачка, – сердито сказал Михаил. На это Разина ему ничего не ответила, а отошла к двери, готовая уйти из войсковой.

– Ладно, Алена, иди домой, – вступил в разговор Яковлев. – А мы передадим ему твои слова, как уговорились, да подарок мужу приготовь, наш посыльный его доставит.

Разина поспешно вышла из войсковой. Дьяк Паньковский обратился к казакам:

– Давайте его жену и детишек отправим в Москву как заложников. Тогда мы из него веревки вить будем!

Корнило Яковлев засмеялся, домовитые тоже заулыбались:

– Что же я смешного сказал? – растерянно спросил дьяк.

– А то, что это напрасное дело.

– Почему? – вновь с еще большим удивлением спросил московский посланник.

– Для этого нужно знать Стеньку, – попытался объяснить Корнило. – Ради жены и детей он дело свое не кинет, а еще больше разозлится. Он ведь тогда Черкасск вывернет вверх ногами, а так – погуляет, да и вернется с миром в войско, – заявил хитрый Корнило.

Московский дьяк топнул ногой, крикнул:

– Так как вы его тогда уймете? Я послан сюда государем и посольским приказом, чтобы узнать, что же все-таки вы решили предпринять против вора и изменника. Или вы с ним заодно?!

Голос дьяка прозвучал так резко и вызывающе, что даже самому Паньковскому стало не по себе. Наслышавшись о жестокостях казаков с неугодными посланниками Москвы, вдруг подумал: «Возьмут, да и посадят в воду, – и, поглядев на сидящих в войсковой казаков, совсем забоялся. Какие морды! А у Корнилы и вовсе – хитрая, видно, и Москве подыгрывает, и с Разиным якшается, ведь недаром за бабу вора горой стоит». Дьяк сразу же сменил тон и почти заискивающе заговорил:

– Надобно все-таки, казачки, что-то делать.

– Передай в посольский приказ князю Юрию Алексеевичу: будем уговаривать Разина, – успокоил Корнило московского дьяка.

Посланник Москвы, молча слушая бывшего атамана, думал: «Все вы одним миром мазаны, все вы разбойники, надо обо всем доложить Юрию Алексеевичу. Послать бы сюда стрельцов да разогнать это войско Донское».

Корнило Яковлев встал, прошелся по войсковой, разминая ноги, подошел к посланнику, легонько приобнял дьяка, заговорил ласково:

– Давай-ка, дьяк, разгуляемся, попьешь медков наших. Знатные меды моя жена готовит, а там и вино, и резвые женки ждут вас.

Вспомнив прошлый приезд, а особенно вдовых казачек, в обществе которых он бражничал, Паньковский обрадовался, оживленно заговорил:

– Ты, Корнило Яковлевич, просто выдумщик, умеешь угодить нам, москвитам, – и, потирая руки, предвкушая хорошую выпивку и закуску, первым пошел на крыльцо. Вскоре домовитые казаки и московский посланник направились в дом Яковлева.

* * *

Алена готовила подарок Степану, который завтра повезут в неведомые края. Казачка любовно расправила вышитый ее руками кисет, наполнила его крепким душистым табаком, задумалась на миг, пошарив по куреню глазами, ища, что бы еще послать мужу, но, так и не найдя ничего подходящего, махнула рукой, положила кисет с табаком на окно, чтобы был на виду, встала, прошлась по горнице, заломив руки, из груди вырвался стон. Алена присела к столу, заплакала, вытирая концом платка слезы, заговорила вслух:

– Когда же он вернется, когда же конец ожиданиям?

Глаза у казачки высохли, она неожиданно для себя подумала: «А может, Степан прав, и радеть за сырых, убогих да голых ему господом предначертано». Алена подняла глаза в передний угол, где была икона, перекрестилась, прошептала:

– Помогите, господи, мужу моему, Степану Тимофеевичу, уберегите его от острой сабли, лихой пули!

8

Бездонное небо, без облачка, поражало своей голубизной, на его фоне сверкали белые купола мечетей и дворцов, окруженные зелеными тенистыми садами. Только-только взошло солнце. Его первые лучи пробежали по плоским крышам домов, заиграли на водной глади моря, брызнули ярким золотистым светом. Теплый ветерок приносил пряные запахи садов.

Как зачарованные, смотрели разинцы на, казалось, незащищенный сказочный город. Легкая добыча сама шла в руки. Безмятежно спящий Ферабат подкупал своей незащищенностью. Подплыли казаки вплотную к городку, быстро высадились на берег. Оглядев подступы к стенам, Степан Разин не заметил ничего подозрительного. Кругом стояла тишина, только чирикали и стрекотали просыпающиеся птицы. Тихо зашелестела, затрепетала листва на деревьях и кустарниках. Чувствовалось, что казаков здесь не ждали, даже на стенах не маячили дозорные. Окинул еще раз атаман цепким взглядом местность кругом. Ничего не насторожило его. Сперва шевельнулась мыслишка послать разведчиков для проверки, но потом раздумал, решив, зачем время тратить, когда и так все видно, очень уж хотелось побыстрее взять город, и казаки рвались в бой.

– Ну что, братцы, идем на стены, возьмем их тепленькими, – озорно сверкнув глазами, сказал Разин, обращаясь к есаулам.

– Может, пошлем кого из жомов, пусть оглядят все вокруг, а тогда уж с богом, – посоветовал Черноярец.

– Опять ты, Иван, осторожничаешь. Неужто не видишь, что город даже не охраняется дозорными? – в досаде отмахнулся Разин.

– Я бы все-таки проверил, – неумолимо настаивал Иван Черноярец.

– Чего зря время терять! Пока мы посылаем людей, пока они ходят туда-сюда, так и город проснет, а там его будет труднее взять.

– Смотри, Степан, кабы жалеть не пришлось, – предостерег первый есаул.

– Сейчас самое время брать город! – решительно сказал Степан. Выхватив саблю из ножен, крикнул: – Вперед, казаки!

И первым пошел на крепостные стены. Разинцы сотнями заспешили к городу. Весело переговариваясь, подшучивая, а иногда подталкивая друг друга, казаки трусцой бежали к стенам.

– Надбавь, Ефим, а то вон Митька вперед в гарем хана поспеет, и тогда не видать тебе его женок, – шутил бегущий рядом с Ефимом Федор Сукнин.

– На что они мне, ханские женки-то?

– Как это на что? Развлекаться будешь.

Ефим вытаращил глаза на Сукнина, затем сказал в досаде:

– Да иди ты, Федор...

Не успели казаки приблизиться к городу, как вдруг враз грохнули крепостные пушки, засвистели ядра над головами. Казаки опешили от такой неожиданности, затоптались на месте, попятились назад. Весь их воинственный пыл как рукой сняло.

Тем временем из-за деревьев, кустов и других укрытий выходили персидские солдаты. Ощетинившись пиками, стройными рядами шли на казаков. Сверкали в руках персов сабли, развевались на ветру шаховы знамена, тревожной дробью били барабаны. Не успели разинцы опомниться, как были окружены со всех сторон, а воины Будур-хана все подходили и подходили, казалось, им нет числа. Еще немного – кольцо замкнется, и казаки уже не смогут броситься к морю, к своим стругам.

От неожиданности Разин растерялся, не зная, что предпринять. Он даже на какое-то время потерял дар речи, в голове был невообразимый сумбур. Только и воскликнул: «Вот те и сели, как рак на мели!»

Впервые так глупо Степан Разин попал в ловушку. Последние победы вскружили атаману голову, потерял он осторожность и осмотрительность в ратном деле. Не выслал вперед разведчиков, не узнал, что творится в городе, а очертя голову полез на казавшийся тихим безмятежно спящий город.

– Видно, молва уже дошла о нас и до Решета, – наконец сказал Степан есаулам, которые столпились около него, тоже не зная, что предпринять.

Раньше всех очнулся от оцепенения Серега Кривой, он закричал:

– Чего, атаман, рот разинул, давай пробиваться к стругам или пропадем!

Степан вначале хотел поддержать Кривого и было уже выдернул саблю из ножен, но, посмотрев на плотное кольцо шаховых солдат, которые, ошетинившись пиками, стояли, готовые вести бой, подумал: «Едва ли мы пробьемся к стругам, а если и пробьемся, то потеряем много казаков». Атаман стал в уме клясть себя за неосторожность, в досаде заскрежетав зубами, пробормотал:

– Ох, сука я, сука, какое дело загубил!

Плотное кольцо персидских воинов сжималось все теснее. Разинцы пятились, есаулы смотрели на атамана, ждали, что он скажет. Разин молчал, так как сам не знал, что делать. Он прекрасно понимал, что вот-вот начнется резня. Теперь к стругам уже не пробиться. «Что же делать?! Что же делать?!» – лихорадочно думал Степан. Но вот мелькнула мысль:

– Толмача! – закричал атаман.

К Разину быстро протолкали переводчика.

– Кричи им, что я буду говорить, кричи погромче, – и быстрым шагом пошел навстречу персидским всадникам, крича:

– Где ваш начальник, хочу с ним говорить!

Толмач выскочил вперед атамана, громко переводя персам слова Разина. Шаховы воины остановились. Что-то зашумели между собой. Несколько всадников отделились и рысцой подъехали к атаману. Воины были в халатах, расшитых золотом, при дорогом оружии. Степан посмотрел на них из-под густых бровей, подумал про себя: «Ишь, разоделись, как петухи. Делать нечего, поклонисься и кошке в ножки!» Атаман стоял перед всадниками, низко опустив голову, без оружия, беззащитен. Смирно заговорил:

– Не воевать мы пришли с вами, а на службу наниматься к шаху! Полнится земля слухами о доброты и милости шаха к верным слугам своим! Мы всем войском казацким просим шахова величества жалости к нам и не отказать в просьбе быть верными слугами его величеству! Ушли мы от жестоких московских бояр и воевод, а теперь просим у вас защиты. Путь наш был длинен, шли мы в шаховы пределы, голодные и раздетые, поэтому пусть его величество шах нас милостиво простит за то, что кое-где силой пришлось себе взять еду и барахлишко. Стерпели мы многие лишения, холод, голод, пробиваясь через заставы воевод, чтобы просить шаха взять нас на службу.

Поглядел цепким взглядом Степан на всадников, стараясь определить, как воспринимает его речь персидское начальство. Один из них доброжелательно кивнул головой: мол, говори дальше. Тут уж Степана еще больше понесло. Еще жалостливее заговорил атаман о нелегкой доле казаков, о лишениях, которые они претерпели, пробиваясь сквозь воеводские заставы на службу к его величеству шаху. А в заключение сказал:

– Просим мы у шахова величества дать нам хоть небольшой клочок землицы в Ленкуре, а за это мы ему будем служить навеки верой и правдой. Пропусти, начальник, наших трех казаков с челобитием в Исфагань.

Вслушал правитель Решта Будур-хан речь Разина внимательно, задумался: «Ишь, как запели казачки. Ловко я их в ловушку заманил. Даже на службу запросились. Может, отдать приказ, пусть их перережут – и дело с концом. Опять же, как все это обернется – неизвестно. Смелы и дерзки в бою казаки и за свою жизнь не одного моего воина уложат. А вот усмирить казачков без боя, хитростью, не каждый сможет. И шах останется доволен, скажет: усмирил Будур-хан свирепого врага. Честь и

хвала от шаха будет, что утихомирил разбойников, да еще служить шаху заставил». Будур-хан от этой мысли даже зауважал себя, важно подбоченился, благосклонно кивнул атаману, заговорил:

– Просителей ваших в Исфагань я пропущу. А вы сдайте пушки и располагайтесь около города, где вам будет указано. Отдыхайте. Можете небольшим числом идти в город, помыться в банях, поторговать. А сейчас пока идите.

Будур-хан развернул коня и ускакал в сопровождении свиты. Персидские солдаты через некоторое время отступили на порядочное расстояние, но пока не уходили.

Как только персидское начальство ускакало, Разина окружили его ближние есаулы и забросали вопросами:

- Ну что, батько?
- О чем ты с ними говорил?
- Что теперь делать будем?
- На службу к шаху прошусь, – невозмутимо ответил атаман.
- Как это на службу? – удивился Серега Кривой.
- А так, даже землицы попросил.

Казак загоготали.

– Чего ржете? Может, и даст. То-то жизнь будет. Устроим там все по-своему, – размечтался Степан.

– Заставишь тебя там сидеть, – пробурчал Федор Сукнин. – Уж в Яике не остался, а там и вовсе не будешь. Чует мое сердце, хитрость задумал наш атаман.

На то ему, усмехнувшись, Степан ответил:

– Не шутка-промашка, а шутка-поправка, братья мои!

* * *

Вскоре от Будур-хана прискакал человек и указал место, где казаки могут разбить стан. Разинцы стали быстро располагаться: задымились костры, ставились шатры, строились шалаши. Вокруг кипела работа.

Недалеко от казацкого стана расположилась сильная охрана персидских воинов. Персы развернули крепостные пушки, направили прямо в центр казацкого лагеря. Но разинцы не унывали, шутили в адрес персов, радовались, что из такого положения выкрутились, и на все лады хвалили атамана.

Разин уже сидел в своем шатре с персидским начальством и вел разговоры. Расписывал атаман нищету и убогость казацкого войска, что нечего им поесть-попить, что устали и ослабли его воины от тяжелого похода. Так он выпросил у Будур-хана ежедневный корм на казаков по сто пятьдесят рублей на день, пока казацкая станица не вернется из Исфагани.

9

Устремив злобный взгляд на женщину, Игнатий закричал:

– Говори, воровская женка, куда твой муж ушел с Разиным?

– Не знаю, – устало ответила Мария Сукнина, закрыв глаза. Платье на ней было изорвано в клочья, сквозь прорехи проглядывало давно немытое тело в кровоподтеках и ссадинах.

– Евсей! – крикнул Игнатий, призывая на помощь одного из своих палачей.

В дверях появился здоровенный детина с красным одутловатым лицом, глазами навывкате, в рубахе, забрызганной кровью, с кнутом в руках.

– Что прикажешь, дьяк? – пробасил палач.

– А ну-ка дай этой бабе кнута, пусть немного придет в себя, а то совсем говорить не хочет.

Палач шагнул к женщине, поглядел внимательно на ее серо-бледное лицо, сказал:

– Нет, дьяк, она больше не выдержит кнута, умрет.

– Тогданесите ее, пусть отдохнет маленько, а там поглядим, что с ней делать. Прозоровский называл, чтобы мы ее не замучили: она нам еще сгодится.

– А на кой она нам, – сказал палач, поглядев еще раз на сидящую почти в беспамятстве женщину.

– То-то и я думаю, зачем она князю? Может, что надумал?

– Начальству виднее, – поддакнул Евсей.

– Кликни стрельцов, пусть унесут ее, – приказал дьяк Игнатий.

Мария очнулась от долгого обморока в небольшой комнатке. Огляделась. Это была не тюрьма, а небольшое помещение с маленьким окном, без решеток. Лежала она на деревянной скрипучей кровати, в углу стоял стол.

Мария медленно встала, внимательно огляделась. В небольшое оконце пробивался свет. В комнате стоял полумрак. Толстая дубовая дверь была наглухо закрыта.

Мария Сукнина с трудом слезла с кровати. Все тело болело, исхлестанное кнутом. Превозмогая боль, женщина подошла к оконцу, посмотрела в него, но так ничего и не увидела, так как оно вы-

ходило в сад. Кругом стояли деревья, шелестя листвой под легким дуновением ветерка. Мария устало опустилась на лавку, посмотрела на стол, где был хлеб, вареное мясо и яндова с водой. Дрожащей рукой она дотянулась до яндовы и с жадностью стала пить. Изрядно испив из посуды, Мария накинута на еду. Утолив жажду и голод, казачка повалилась в постель и мертвецки заснула, раскинув руки по сторонам, постанывая во сне.

Снилось Марии, будто вернулся из похода ее муж Федор, что идут они со Степаном Разиным в обнимку и весело улыбаются. А она выскочила им навстречу в голубом летнике, расшитом золотом. Ее муж и Разин богато разодеты, окружены множеством своих казаков, кричат ей: «Мария, мы пришли с персидских земель и привезли тебе многие богатства! Мария, встречай нас!» Она побежала им навстречу, крича: «Федор, муж мой!» И вдруг вокруг все потемнело, лицо ее мужа превратилось в лицо дьяка Игнатия. Разин и казаки исчезли, а Игнатий шел к ней, затем схватил в объятия, облапал ее липкими руками, шепча на ухо: «Все равно ты будешь моя!» Она стала вырываться из его объятий, крича: «Нет, никогда!»

* * *

В это время дьяк Игнатий сидел в приказной палате с князем Иваном Семеновичем Прозоровским и обсуждал очень важный государственный вопрос.

– Отписал ли ты грамоту нашему великому государю Алексею Михайловичу о прибытии из Шемахии купцов Никитки Мусорина, Торжка Павлова и их рассказе о действиях воровских казаков? – спросил воевода.

– Отписал, князь, – с готовностью ответил дьяк Игнатий и, развернув свиток заготовленной грамоты, стал читать:

«Во 7177 году сентября в 21 день писали к великому государю из Астрахани боярин и воевода князь Иван Семенович со товарищи. Августа де в 9 день, приехав в Астрахань из Шемахии, астраханские посадские люди Никитка Мусорин, Торжок Павлов сказывали им, боярину и воеводам. Как де были они в Шемахе, в апреле де месяце воровские казаки Стенька Разин со товарищи, пришед в персидскую землю, безвестно разорили меж Дербени и Шемахии деревню Мордову, людей и животину поймали. А их де, воровских казаков, под тою деревнею шемаханцы побили 10 человек да одного человека взяли и привезли в Шемаху. И тот де взятой воровской казак сказывал им в Шемахе, что он астраханский стрелец, взяли де его из Яицкого городка воровские де казаки Стеньки со товарищи в неволю. А воровские казаки Стенька Разин со товарищи, под шаховым городком Боки разорили деревню и взяли ясырю мужска и женска полу от 100 до 500 человек да 7000 баранов и отвезли на Жилой остров, от города Боки во днище, и хотели де они, воровские казаки, приступать к шахову городку Боке, чтоб его взять. А от шемаханских де жильцов слышали астраханцы, что те воровские казаки приехали под шахов же город Решт и стали стругами у берега. И рештский де хан выслал против их шаховых служилых людей, с боей, и те шаховы люде их, воровских казаков, побили с 400 человек. А атаман де Стенька Разин со товарищи говорили шаховым служилым людям, что они хотят быть у шаха в вечном холопстве и они бы с ним не бились. И послали де они, воровские казаки, о том с шаховыми служилыми людьми в Исфагань к шаху трех человек казаков, чтоб им шах велел дать место на реке Ленкуре, где им жить. И шах де их, воровских казаков, велел призывать в Исфагань, а места на реке Ленкуре им дать не велел, а в Ряш-город к Будур-хану писал, велел воровским казакам давать корм. До указа живут они в Реште-городе, и рештский де хан дает им корм по 100, по 50 рублей в день».

Закончив читать грамоту, дьяк Игнатий вопросительно поглядел на Прозоровского.

Иван Семенович утвердительно кивнул головой, одобряя этим писаную грамоту, долго молчал, по-видимому, обдумывая что-то, наконец произнес:

– Надо спешить с посланием этой грамоты в Москву, чтобы посольский приказ помешал Разину обмануть персидского шаха. Ишь, вор, что удумал – раздор внести меж государями. Посылай гонца, Игнатий, прямо сейчас, пусть скачет денно и ночью к князю Долгорукому.

Игнатий свернул свиток с грамотой, поклонился в пояс, затем спросил:

– Что с Марией Сукниной делать будем? Извести ее или оставить до поры до времени?

– Больше ее не трогай, определи на работу, но до детей не допускай. Пусть пока живет, может, еще сгодится, – ответил воевода.

* * *

Очень долго проспала Мария. Несколько раз в комнатушку заглядывал дьяк Игнатий, прислушивался к дыханию женщины, но, убедившись, что она жива, тихо выходил, закрывая дверь на засов.

Долго не могла понять Мария, когда открыла глаза, где она и что с ней. После тюремного подвала и пыток ей казалось, что она попала в какой-то невиданный мир, долго разглядывала свои исхудав-

шие руки, тело все в ссадинах и рубцах от кнута. Мария захватила рукой волосы, поглядев на них, не поверила своим глазам – они были седые. Женщина еще и еще рассматривала пряди сплошь седых волос. Сукнина откинулась на постель, закрыла глаза, слезы струйками бежали по впалым щекам.

– Что они со мной сделали? – прошептала Мария. – Где дети мои? Куда их дели?

Мария соскочила с кровати, стала стучать в дверь, крича:

– Верните детей, ироды проклятые!

Заскрежетал засов, дверь отворилась, Мария увидела двух женщин. Одна из них, уже не молодая, сказала:

– Не шуми, голубушка, дети твои в сохранности. Сейчас пойдем в баньку, помоемся, попаримся, а потом и о детках твоих поговорим.

После бани Мария Сукнина совсем ослабла и даже не могла идти к себе. Те же женщины помогли ей дойти до ее нового жилья – небольшой коморки на конюшне воеводы Прозоровского. Хотя казачка и плохо себя чувствовала, но заметила, что в новом ее обиталище было все необходимое для жизни: кровать с постелью, кое-какая глиняная посуда и одежда. Мария сразу же легла в постель, женщины затворили дверь, и пленница забылась.

Утром пришел дьяк Игнатий, долго смотрел на Марию, даже попытался похлопать ее по бедру, но женщина так на него посмотрела, что ее бывший мучитель, смутившись, крутнулся на месте и быстро заговорил:

– Ты вот что, баба, скажи спасибо воеводе, что он у нас такой милостливый, а то б... – Игнатий не договорил, но многозначительно провел ребром ладони по горлу.

Мария поклонилась в пояс, сказав:

– Кланяюсь за милость воеводе! Век не забуду его доброту, через его доброту я такая стала!

– Ты это брось, баба, эти разговоры! А то, не дай бог, до князя Ивана Семеновича дойдет. Будешь работать на воеводском дворе по хозяйству. А ежели смирно вести себя станешь, то до деток допустим.

– Изверги вы, а не люди!.. – и Мария зарыдала. – Детей у матери забрать, из-вер-ги! – причитала горем убитая женщина.

Дьяку стало не по себе, он попятился к двери и уже на пороге напомнил:

– Что делать по хозяйству, дворецкий воеводы укажет.

Мария Сукнина ничего не сказала в ответ, плечи ее сотрясались от рыданий, она повторяла одни и те же слова: «Верните мне моих детей! Верните мне моих деток!»

Игнатий тихонько прикрыл за собой дверь и заспешил в приказную палату. Там его ожидал князь Семен Иванович Львов. Сразу задал вопрос:

– Ну что, Игнатий, тебе воевода нового сказал? Опять, поди, о Стеньке какое-нибудь сообщение пришло?

Дьяк прошел к своему столу, где лежали свитки грамот, достал из ящика дорогой шнурок, медленно обмотал свиток заготовленной грамоты, завязал хитрым узлом:

– Спешу грамоту на Москву государю нашему Алексею Михайловичу отправить. Стенька-то Разин попался в городе Ряше к шаховым солдатам в полон.

Князь Львов в удивлении поднял бровь, сказал:

– Что-то мне не верится, чтобы Стенька да так глуп был.

– Да, воевода, попался-то он – попался, да только Ряшский хан даже на прокорм казаков поставил, по 150 рублей в день его войску дает. Видно, атаман окрутил шаха-то!

– Это уже на Стеньку походит, – с усмешкой ответил князь Львов. Потом, потеряв окладистую бороду, обратился к Игнатию:

– Казацкую женку ты совсем, однако, замучил?

– Нет, Семен Иванович, Прозоровский велел ее больше не трогать и определить на работу в свой двор. Так что сдал я ее сегодня дворецкому воеводы – и дело с концом.

Князь Львов заерзал на сидельнице, которая затрещала под его грузным телом, посмотрел задумчиво в открытое окно, заговорил:

– Ты вот что, Игнатий, эту бабенку больше не пытай, отвечаешь за нее головой.

Дьяк уставился на князя, соображая, к чему бы эти речи, но потом, сообразив что-то, заверил:

– Будет казачка жива и здорова, только вот зачем она вам, князь?

Семен Иванович Львов медленно встал и пошел к выходу из палаты, потом остановился и сказал сидящему в недоумении Игнатию:

– Нужна, дьяк, очень нужна, а дальше посмотрим, что делать.

Продолжение следует.

Владимир ШАТРОВ

Родился 21 января 1968 года в Кишиневе. Окончил факультет журналистики Молдавского государственного университета. Служил в Советской армии в ГДР. За свою жизнь сменил множество профессий. Был автослесарем, корреспондентом нескольких газет, водителем, руководителем танцевального коллектива, строителем, администратором дискотеки, инструктором в спортклубе, бизнесменом. В настоящее время работает радиоведущим.

Флаги Демида

Рассказ

1

Скрип входной двери уже даже не раздражал, а просто бесил, вызывая зубную боль. Жена, как нарочно, то входила в дом, то выходила обратно на улицу, каждый раз, естественно, открывая и закрывая дверь. Демид в тысячный раз дал себе слово, что первым делом, встав с кровати, смажет жиром дверные петли. Но вот как раз вставать-то и не хотелось. Придаться к жене тоже было не за что – она хлопотала по хозяйству, готовя завтрак. Очередной скрип длился так долго, что Демид застонал и рывком выбросил своё тело из постели, распечатав новый день. Дверные петли были тут же успешно забыты за всякими утренними делами.

После завтрака Демид вышел на улицу родного села, чтобы, сидя у своих ворот, выкурить традиционную утреннюю трубку. Уютно угнездиться на собственной скамейке не получилось – на ней стоял жандарм и, пыхтя, откручивал проволоку, которой был привязан к воротам румынский флаг. Надо заметить, что, сколько Демид себя помнил, на его воротах всегда висело знамя – сначала Российской империи, потом Румынии. Власть выделяла на село два флага, один из которых крепили к воротам примарии, другой – к воротам дома Демида, поскольку они находились напротив.

Теперь флашток примарии был пуст, а через минуту опустеют и его ворота. Происходящее Демида не удивило. Было лето 1940 года, завтра территория между Днестром и Прутом отойдёт к Советскому Союзу, а сегодня шёл последний день «голосования ногами». Все, кто считал себя румыном, уходили в глубь королевства, а те, кто хотел жить при социализме, всеми правдами и неправдами перебирались в молдавское междуречье. Причём вторых было явно больше. Останавливались у родственников, у знакомых и даже у посторонних людей, частенько без ведома последних. На участке Демида, в кукурузе, второй день прятались какие-то люди. Демид делал вид, что не замечает этого. Правда, вчера, как бы случайно, оставил около кукурузы два ведра воды и две буханки хлеба. Сегодня утром этого всего на месте не было – он проверял.

Справившись с непослушной проволокой и намотав флаг на древко, представитель власти, которого в селе в лицо все называли уважительно «господин жандарм», а за глаза – «Толстый Петря», прервал размышления Демида.

– Когда уходишь, Демид? Совсем мало времени осталось.

– Доброе утро, господин жандарм. Скоро пойдём...

– Тебе нельзя оставаться, Демид. Ты не крестьянин, работал на почте, точно отправят в Сибирь. А даже если не отправят, как ты среди коммунистов будешь жить?

– Скоро пойдём...

– Слышал, Демид, что поп в прошлое воскресенье говорил? Коммунисты все с рогами и хвостами.

– Слышал. А сегодня утром видел, как поп во главе трех телег с добром уходил по дороге. Разве не его дело бороться с нечистой силой? Почему он убежал?

– Опасные речи ведёшь, Демид. Жандармерия ещё работает. Хочешь в этом убедиться?

– Не хоч. Скоро пойдём...

Толстый Петря, пошевелив для важности усами, ушёл. Демид устроился на скамейке и набил трубку табаком-самосадом. Любимая «носогрейка», вмещавшая в себя почти стакан махорки, всегда здорово успокаивала нервы. Табак Демид рубил вместе со стеблями и корнями, а потому никто и ни-

когда у него куревом не одалживался. Такая смесь валила с ног непривычного человека с двух затяжек, самому же хозяину доставляла истинное наслаждение. Аналогично обстояло дело и с «огненной водой» собственного изготовления. Свой самогон тройного перегона мог пить только Демид, что он регулярно и проделывал, не забывая при этом пополнять запасы каждую неделю, чем, естественно, нарушал монополию короля Михая на изготовление крепких напитков.

Лениво скользя взглядом вдоль своего забора, Демид медленно поднимался со скамейки – и вдруг замер, так и не выпрямившись до конца. Участок забора, на котором (как он точно помнил) ещё вчера сушились надетые на колья глиняные кувшины, был пуст. Демид опустил обратно на лавку и потёр лоб. В родном селе это был первый случай воровства за прошедшие десять лет. «Кто же мог такое сделать?» – размышлял он. И вдруг увидел, как в конце села появились телеги с очередными румынскими беженцами. Люди, сидевшие в телегах и шедшие рядом с ними, непрестанно шарили глазами по сторонам. Демид зло сплюнул и вошёл в свой двор.

На пороге дома, опустив голову, стояла жена Лиза, которая, когда он поравнялся с ней, подняла взгляд и покорно спросила: «Когда уходим, Демид?» «Никогда!» – взорвался он в ответ. – Не по дороге нам с людьми, которые крадут с чужих заборов пустые кувшины!» Лиза всплеснула руками и побежала к забору. Демид ещё раз зло сплюнул и отправился к дровяному сараю, в дальнем углу которого на небольшой «буржуйке» стоял самогонный аппарат, а на полках вдоль стены по ранжиру были выстроены разнокалиберные бутылки с готовым продуктом...

Весть о том, что семья остаётся в родном селе, Лиза сообщила шестилетнему сыну Павлу и двенадцатилетнему свёкру Иону. Оба обрадовались, но по разным причинам. Паша – потому что очень хотел посмотреть на людей с хвостами и рогами. Ион – потому что уходить никуда и не собирался, а жить одному в пустом доме совсем не хотелось. Ион любил русских людей и уважал Россию и этих своих чувств не скрывал. Причину такого отношения к России в семье знали, а вот в селе уже мало кто помнил романтическую историю, которая произошла во второй половине прошлого века.

Во время одной из многочисленных русско-турецких войн, когда через село проходили русские войска, по приказу командования сводный казачий полк остановился лагерем за околицей. В этом полку и служил молодой донской казак Иван. В первый же вечер куренной атаман отправил Ивана в ближайшую избу за лопатами, которые понадобились для обустройства лагеря. Казак перемахнул через плетень и уверенно постучал в чужую дверь. Открыла девушка, увидев которую, Иван потерял уверенность, своё сердце и, как оказалось потом, даже родную землю. Целый час простоял Иван на чужом крыльце, пытаясь как-то пообщаться с красавицей. Девушка не знала ни одного русского слова, казак, естественно, не говорил по-молдавски, но разве это могло им помешать? Иван что-то рассказывал, незнакомка залиристо смеялась и пожимала плечами, пока не услышала голос отца, который звал её в хату. Стрельнув глазами напоследок, девушка упорхнула в дом, а Иван побрёл обратно в полк, по дороге постоянно оглядываясь.

На следующее утро, начистив сапоги, побрившись, помыв своего коня и взяв с собой казака из соседнего запорожского куреня, Иван поехал свататься. Хозяин дома, пожилой молдаванин, выставил на стол кувшин вина и приготовился слушать дорогих гостей. Запорожский казак, который немного говорил по-молдавски, с трудом объяснил селянину, что его друг – славный воин и добрый человек, хочет жениться на девушке, которую видел вчера вечером на пороге этого дома. Хозяин внимательно посмотрел на ладного, крепкого парня, задержал взгляд на шашке в ножнах, отделанных серебром, высоких хромовых сапогах, потом скосил глаза на прекрасного коня под дорогим седлом и крикнул своей дочери Евдокии, чтобы вышла к столу. Когда в комнате появилась вчерашняя девушка, сердце Ивана забилося так, как не билось ни в одном бою, а когда в ответ на вопрос своего отца девушка слегка покраснела и, опустив длинные ресницы, кивнула головой, сердце Ивана почти остановилось от радости. Молдаванин противиться счастью дочери не стал, но поставил одно условие: молодые будут жить в этом доме и помогать ему и его жене вести хозяйство. Иван ещё раз взглянул в бездонные глаза любимой и согласился.

В казачьем войске действовали свои законы. Если бы Иван решил покинуть ряды регулярной российской армии, его, скорее всего, расстреляли бы как дезертира, но казаки были людьми вольными, и совет атаманов, выслушав сбивчивый рассказ влюблённого парня и свидетельские показания запорожца, разрешил Ивану уйти из полка, предварительно внося денежный выкуп в сумме, узнав которую, Иван схватился за голову. Деньги собирал весь курень, немного помогли запорожцы, но всё равно не хватило. Казаки накоплений не делали, всё, что попадало в руки, прогуливали сразу, а потому Ивану в счёт выкупа пришлось ещё отдать фамильную шашку, коня и даже обмундирование. Атаманы, смеясь, разрешили оставить сапоги, чтобы он не появился перед будущим тестем босым. Товарищи дали Ивану какую-то старую одежду и выпили с ним на прощание по чаше горилки, после чего Иван ушёл из полка.

Крестьянин долго, не узнавая, смотрел на парня, который был одет в какие-то лохмотья и что-то

говорил по-русски, стоя на пороге его дома. Потом взгляд крестьянина упал на шикарные хромовые сапоги, и он всё понял. Смахнув с глаза набежавшую слезу, обнял парня за плечи и сказал по-молдавски: «Заходи, сынок».

Через три дня казачий полк ушёл в глубь Румынии, оборвав последнюю ниточку, которая связывала Ивана с родиной. Ещё через несколько дней казак стал отзываться на имя Ион. А ещё через месяц прямо во дворе дома накрыли столы и сыграли скромную свадьбу...

Молдавский язык Ион выучил быстро, так же быстро освоил нехитрый крестьянский труд (казаки земледелием не занимались) и вскоре стал в селе довольно уважаемым человеком. Он был единственным христианином, который знал все четыре действия арифметики и умел взвешивать товар на весах. Частенько крестьяне села просили Иона поехать с ними на мельницу сдать зерно или получить муку, а также в ближайший городок на ярмарку отвести кукурузу, овощи или фрукты. В последнем случае в обязанности Иона входило следить за тем, чтобы еврей-скупщики не обманывали крестьян на весах и при расчёте за продукцию. Крестьяне вскладчину оплачивали Иону угощение и комнату на постоялом дворе (сами они ночевали на своих телегах), но даже при таких расходах всегда оставались в выигрыше.

Так в трудах и заботах проходила жизнь. Задолго до того, как Молдова вошла в состав Румынии, узнал Ион о смерти своих родителей, чуть позже похоронил тестя и тещу, а десять лет назад умерла любимая жена Евдокия. Дети покинули отчий дом и разъехались в разные стороны, рядом остался только младший – Демид. И теперь весь мир, когда-то такой огромный, сократился до размеров небольшого мальчугана – любимого внука Павлуши. Только он с интересом и уважением слушал рассказы о далёком Доне и вечером засыпал на печке, прижавшись к деду и улыбаясь во сне. Ион никогда не ругал Павла за всякие детские проделки и шалости, прощал всё, говоря: «Парень не виноват, такой у него характер. Увидите, это будет настоящий казак. Когда я помру, отдайте мои сапоги Павлуше!» Речь, конечно, шла о тех самых сапогах, в которых Ион пришёл в село, других за всю жизнь он так и не справил. Зато эти единственные берёт как зеницу ока. Если доводилось идти пешком на ярмарку или в соседнее село на свадьбу, в любую погоду весь путь Ион проделывал босиком, неся драгоценные сапоги на плече, и только подойдя вплотную к конечной точке путешествия, наматывал портянки и обувался.

Здорово рассмешил как-то Демиду и Лизу разговор, состоявшийся между дедом и внуком в один из вечеров на печке. Долго сопел и вздыхал Паша, не решаясь о чём-то спросить, пока Ион сам не заинтересовался: «Чего тебе, Павлуша?» «Деда, а ты скоро умрёшь?» – решил наконец мальчишка. «Скоро, я уже старый. А что?» – в свою очередь спросил Ион. «Сапоги нужны!» – признался внук и снова тяжело вздохнул...

В день присоединения Молдовы к Советскому Союзу Ион проснулся рано и сразу стал хлопотать по хозяйству. Установил в саду под грушевым деревом стол и две лавки. Потом лично сварил мамалыгу и зажарил несколько небольших кусочков мяса. Затем спустился в погреб за кислой капустой и кувшином вина, собрал на грядке два десятка помидоров и немного болгарского перца, выкопал на огороде лук и чеснок и расставил на столе тарелки и стаканы. Сделав всё, пошёл к воротам встречать русских.

Село стояло на отшибе, поэтому Советская власть появилась в нём только после полудня. Сначала проехали два грузовика с пограничниками, сидящими в кузовах. Солдаты смотрели из-под козырьков фуражек недоверчиво и угрюмо. Один из грузовиков за селом свернул направо вдоль берега Прута, другой – налево. Со временем там были построены пограничные заставы.

Ещё через час в село въехала легковая машина в сопровождении двух мотоциклов с боковыми прицепами. Автомобиль остановился около примарии, из него вышли два офицера в синей форме и какой-то гражданский, все вошли в здание. Милиционеры, приехавшие на мотоциклах, остались у входа. Ещё через полчаса завертелась какая-то непонятная карусель. Один из офицеров периодически выходил на крыльцо, отдавал распоряжение и указывал рукой направление. Мотоциклисты уезжали и вскоре возвращались с кем-нибудь из местных жителей. Сначала привезли примара, затем секретаря примарии, потом Якова-лавочника и даже владельца небольшого речного парома Тудора. За Демидом пришли пешком, просто перейдя дорогу.

Ион встретил милиционеров поклоном и на прекрасном русском языке предложил сесть за стол и выпить по стакану вина. Один из представителей власти профессионально оглядел старика с головы до ног, задержав пристальный взгляд на высоких начищенных сапогах, и сказал: «Пей сам своё вино, старый кулак! Кто здесь Демид?»

Глядя вслед милиционерам, увозящим сына, Ион погладил по голове плачущего внука и произнёс: «Это не те русские, которых я ждал, Павлуша. Сегодня ночью я умру». После чего старик ушёл в хату и лёг на печку, больше не сказав никому ни одного слова.

Демиду отпустили домой в десять часов вечера. А ровно в полночь умер Ион, сдержав данное слово...

2

Уже около года на воротах развевался красный флаг, и это, пожалуй, являлось самым заметным изменением в жизни. Примария называлась сельсоветом, крестьяне почти поголовно вступили в колхоз, но труд в поле от этого легче не стал. Демид продолжал работать на почте, отвечая за небольшой телефонный узел и жалея девушек-почтальонов, которые, сортируя почту, долго вглядывались в каждый адрес, переключая мозги то на латинские буквы, то на кириллицу, то на русский язык. Старики по привычке писали по-румынски, молодое поколение стремилось овладеть новой графикой, старательно выписывая молдавские слова русскими буквами, начальство заваливало казённой почтой, но одно объединяло всех – количество грамматических ошибок превышало количество слов. Демид умел писать по-молдавски любыми буквами – сказывалось обучение в начальной школе царской России и в профессиональном училище в Бухаресте, знал он и русский язык, но предпочитал иметь дело с бездушными проводами.

Впрочем, сегодня было воскресенье – день выходной, и планы на него с проводами были не связаны. На повестке дня были вопросы приятные и нужные. Например, пополнение стратегических запасов самогона, который Демид продолжал гнать и при Советах, хотя это и было строжайше запрещено. Вообще, если бы Демид задумался над собственным жизненным кредо, то он, несомненно, вывел бы формулу: «Я с любой властью в принципиальных разногласиях!» Однако на такую ерунду, как размышления, времени всегда не хватало.

Демид сидел на своей лавочке у ворот и, периодически попыхивая любимой трубкой, глядел в небо. Погода стояла отменная, а ведь ранним утром он ясно слышал раскаты грома, но, видно, гроза прошла стороной. Воскресное утро радовало тишиной и каким-то нереальным спокойствием. Село напоминало стоячее болото, где ничего не происходит да и произойти не может по определению. Впрочем, через несколько секунд идиллия была разрушена появлением в конце улицы взъерошенного председателя сельсовета. Он забежал в ближайшие ворота, буквально через минуту выскочил, как ошпаренный, забежал в ворота напротив, затем снова выскочил, как чёртик из табакерки, и забежал в следующие. Так, двигаясь зигзагом, председатель постепенно приближался. Демид с интересом наблюдал за происходящим, исправно выпуская клубы дыма из трубки.

Наконец дошла очередь и до дома Демиды. Председатель устало опустился на скамейку и произнес заучено: «Сегодня ночью румынские и немецкие войска напали на Советский Союз. Красная армия с боями отступила от Прута и закрепилась на берегах Днестра. Через два часа собираемся на северной окраине села у дома кузнеца и идем на помощь родной армии!» Демид посмотрел в сторону Прута и сказал: «Вроде всё тихо». Председатель устало возразил: «Бои были правее и левее нас в районе погранзастав. Так что через два часа у дома кузнеца. Не опаздывай, а я побежал собирать остальных».

Демид привык всё делать обстоятельно. А потому в первую очередь он встал на скамейку и, открутив крепёжную проволоку, свернул красное знамя. Потом вошёл во двор и спрятал флаг от греха подальше в камышовую крышу дровяного сарая. Затем позвал жену и заявил ей, что уходит на войну, а потому надо быстро накрывать на стол, поскольку война – штука сложная, и где покормят в следующий раз – бог его знает. После чего вновь пошёл к дровяному сараю выпить немного на дорожку, поскольку война – штука сложная, и когда нальют в следующий раз – бог его знает.

В сарае Демид пробыл около часа, выпивая и закусывая огурцами, которые сорвал по дороге. Наконец жена позвала обедать, и Демид пошёл к столу, прихватив небольшую бутылку. Ел много и неторопливо, насыщаясь на первое время боевых действий. После обеда набил любимую трубку и стал вдумчиво курить, прекрасно понимая, что война – штука сложная, и когда объявят следующий перекур – бог его знает. Чуть позже Демид направился в туалет, где спокойно посидел полчаса, догадываясь о том, что на войне даже это делают по команде, а когда такая команда поступит – бог её знает.

После всех дел насущных Демид почувствовал, что его клонит в сон. Противиться возникшему желанию он не стал, здраво рассудив, что поспать в следующий раз, возможно, удастся не скоро – война всё-таки...

Проснувшись, Демид немного подкрепился, чуть-чуть выпил, посетил туалет, выкурил трубку и, попрощавшись с женой, пошёл к месту сбора народного ополчения. На северной околице села было пусто. Жена кузнеца, которая работала на своем огороде, сообщила Демиду, что все ушли пять часов назад в сторону Днестра.

Дорога к Днестру была очень длинной, до дома – в десятки раз короче, а потому ноги сами понесли Демиду домой. Жене он объяснил, что на войну отправится завтра утром, а потому завтрак надо приготовить рано, после чего поужинал и лёг спать.

Утро следующего дня прошло по отлаженной схеме: завтрак, перекур, туалет, снова перекур, стопка самогона на дорожку и, наконец, выход из дома. Шёл Демид медленно, экономя силы для

предстоящих боёв, явно придерживаясь старой солдатской поговорки: «Вдруг война, а я – уставший». Поэтому, когда на следующий день он подошёл к Днестру, немецко-румынские войска были уже на обоих берегах этой реки. Румынский жандарм в форме, которую Демид помнил хорошо, окликнул его: «Куда это ты направился, молдаванин?» Мгновенно оценив обстановку, Демид стянул через голову рубашку и ответил: «Иду на Днестр купаться». Жандарм, потеряв к нему всякий интерес, отвернулся, а Демид искупался, оделся и устало поплёлся обратно.

С войны Демид вернулся первым из села. Произошло это вечером следующего дня, после описанной встречи с жандармом. Едва поздоровавшись с женой, Демид за пазухой вынес из дома небольшой портрет Сталина. Крадучись, прошёл к туалету и бросил портрет в выгребную яму, где уже лежали утопленные год назад портреты короля Михая и королевы Елены. Затем Демид направился в дровяной сарай, где устало опустился на лавку перед самогонным аппаратом и задумался над тем, что произойдёт, если маятник войны качнётся в противоположную сторону и вернётся советская власть. Портрет Сталина Демиду как передовику производства вручал лично председатель сельсовета, он же с него и спросит и за опоздание на войну, и за портрет, конечно, тоже.

Когда год назад Демид выбрасывал портрет короля Михая, никаких сомнений и сожалений он не испытывал. Короля Румынии Демид не любил. Единственная их встреча состоялась давным-давно в Бухаресте и оставила в сердце Демиды неприятный осадок.

Среди студентов бухарестского училища связи Демид, во-первых, был самым старшим по возрасту, а во-вторых, единственным уроженцем Бессарабии. Либо по первой, либо по второй причине настоящих друзей среди однокурсников он так и не нашёл, хотя студенческих вечеринок и гулянок не чурался. Денег на «пропой» студентам никогда не хватало, а потому подрабатывали, как могли. Одним из вариантов были королевские теннисные корты. Как-то с коллегами попал туда и Демид. На кортах Демид поразился тому, как низко может пасть человек в погоне за несколькими леями.

Юный король Михай в теннис играл откровенно плохо, но при этом очень азартно, вкладывая в каждый удар всю силу. В связи с этим мячи ежеминутно, после ударов и подач короля, вылетали за пределы площадки. Студенты наперегонки бросались ловить мяч. Счастливцев, завладевший мячом, подходил к краю корта, а с противоположной стороны подходил Михай. Студент отдавал королю мяч, тот, взяв у стоявшего рядом телохранителя монету, отдавал её студенту. Монета была мелкой, в народе её называли «один пол», поскольку в любом кабаке, которые в свою очередь назывались «монополюшками», за неё давали 50 граммов ракии.

Демид поразился находчивости короля. Михай, изображая из себя такого демократа, во-первых, сам не бегал за мячами, а во-вторых, ничего не терял финансово. Учитывая монополию на крепкие спиртные напитки, можно смело утверждать, что все монетки вскоре возвращались в казну.

Естественно, Демид за мячиками не бегал, а просто стоял недалеко от кромки теннисного поля, наблюдая за происходящим. Однако участие во всём этом действии пришлось принять невольно. После очередного хлесткого удара короля мяч с огромной скоростью полетел прямо в лицо Демиду. Инстинктивно взмахнув рукой, Демид поймал мяч в десяти сантиметрах от своей головы, вызвав восхищённые возгласы сокурсников и уважительный взгляд Михая. Не вернуть королю мяч было немыслимо, тем более что тот уже находился на линии аута и протягивал руку. Демид подошёл и отдал мяч. «Ты откуда, спортсмен?» – спросил король. «Из Бессарабии, Ваше Величество», – ответил Демид. Михай на секунду задумался и изрёк, явно повторяя чьи-то слова: «Бессарабцы – народ трудолюбивый, но ненадёжный!» Затем король, взяв у телохранителя очередную монету, протянул её Демиду. Демид монету с поклоном принял, за что потом презирал себя всю жизнь. Казалось бы, чего проще – просто повернуться и уйти, мол, ненадёжный так ненадёжный и денег твоих мне не надо. Так нет же – взял...

Сидя в своём сарае, Демид и сейчас поморщился от этих воспоминаний. Результатом короткой беседы с Михаем стала нелюбовь к королевской власти и ненависть к государственной монополии на водку. Подумав о водке, Демид привстал с лавки, дотянулся до ближайшей бутылки с самогоном, налил немного в стакан и залпом выпил, после чего заметно приободрился и решил не загружать себя бесполезными мыслями. Когда смена власти в селе случается чаще, чем Рождество, всё равно, рано или поздно, за что-нибудь накажут – если не за портрет Михая, так за портрет Сталина. Налив ещё немного, Демид выпил и покинул любимый сарай. А на следующий день в село пришли румыны...

Отчётливо слышную канонаду с громом Демид уже не путал. Конец лета 1944 года обещал очередную смену флага, и Демид этой смены, честно говоря, ждал. Совсем не стало житья от румынских властей. Работать молдаван заставляли, как каторжников, грабили безбожно, порой не оставляя в доме куска хлеба. За три прошедших года в хозяйстве Демиды не осталось не только поросёнка и козы, даже всех курей переловили румынские солдаты. А тут ещё постоянные допросы в жандармерии.

Вернувшийся с румынской армией в село Толстый Петря возглавил местную жандармерию и, видимо, решил сжить со свету Демида. Сначала Петрю интересовал ответ на вопрос: почему семья не ушла на другой берег Прута в 1940 году? Пришлось рассказывать о том, что в последний день отец серьёзно захворал и оставить его одного было нельзя. Деמיד даже водил Петрю на кладбище и показывал дату смерти на могиле Иона, подтверждавшую этот рассказ.

Чуть позже Толстый Петря узнал от кого-то, что Демида арестовали сотрудники НКВД, но вскоре отпустили. Это вызвало ещё целый ряд вопросов. И наконец кто-то из жандармов услышал байку о том, как Деמיד ходил на войну. История эта передавалась в селе из уст в уста, обрастая по дороге фантастическими подробностями и растягиваясь во времени. В последнем варианте народного творчества говорилось о том, что Деמיד шёл за отступавшей Красной армией почти до Киева и даже лично видел Гитлера. Толсто-му Петре всё это забавным не показалось, и он вызвал Демида на очередной допрос.

На предложение начальника жандармерии села рассказать подробно о том, как он бежал через полстраны защищать Советскую власть, Деמיד, устав от бесконечных допросов, ответил: «Бежал бы – успел бы! И сейчас бы с вами не разговаривал!» Толстый Петря, слегка растерявшись от такого заявления подозреваемого, пообещал, что вскоре Деמיד окажется в гестапо, причём бежать туда не придётся – за ним приедут. После чего отпустил Демида домой, посоветовав сушить сухари.

С тех пор Деמיד жил в постоянном страхе, вздрагивая от каждого скрипа калитки. Расслабился он только сегодня, услышав близкую канонаду. На рассвете Деמיד сходил к дровяному сараю, чтобы проверить, на месте ли красный флаг. Флаг был на месте, правда, древко в нижней части немного погрызли мыши, но не настолько, чтобы это было заметно и свидетельствовало о неуважении к знамени. Настроение Демида заметно улучшилось. Затем он провёл ревизию запасов самогона, что прибавило оптимизма. Наконец он растянулся на траве, на небольшом пригорке у забора, решив подремать на солнышке. Представил себе физиономию Толстого Петри в тот момент, когда он в очередной раз сворачивает румынский флаг, и заснул, улыбаясь.

Через полчаса чья-то тень упала на лицо спящего Демида. Он приоткрыл один глаз и приготовился объяснять жене, что негоже будить лихо, пока оно тихо. Однако это не была жена. Около Демида стояли Толстый Петря и два румынских солдата. В горле почему-то сразу пересохло, и Деמיד, озираясь, встал на ноги. Диалог официальным тоном начал жандарм.

- Советы наступают, Деמיד, надо идти защищать Великую Румынию.
- Надо – значит надо, господин жандарм. Когда собираемся и где?
- Ты эти свои шутки бросай, Деמיד. Мы тебе не комиссары. На сборы две минуты. Телега ждёт у ворот.
- Прошу прощения, господин жандарм, можно хотя бы сходить в туалет «по-лёгкому»? Война всё-таки, бог её знает, когда в следующий раз доведётся.
- Нельзя. В окопах, когда большевики пойдут в атаку, заодно и «по-тяжёлому» сходишь.

Через две минуты после такого содержательного разговора Деמיד уже ехал в телеге на линию фронта. Караван состоял из четырёх повозок, в которых угрюмо тряслись два десятка селян, не успевших спрятаться и уклониться от призыва.

Ещё через два часа Деמידу выдали старый, поцарапанный карабин румынского производства, десять обойм патронов и указали место в окопе. Командовали обороной на этом участке два немецких офицера, в окопах вперемешку находились румынские солдаты и ополченцы – такие, как Деמיד.

Бой начался как-то неожиданно. Со всех сторон что-то взрывалось, пополз едкий дым, стали кричать люди, причём все и сразу. Ничего понять было невозможно. Около уха затрещал румынский пулемёт. Пробегавший по окопу немецкий офицер на несколько секунд остановился рядом с Деמידом и заорал прямо в лицо, брызгая слюной: «Шиссен, швайне!» Деמיד передёрнул затвор и стал палить в белый свет, как в копейку.

Перезаряжая четвёртую обойму, Деמיד повертел головой вправо и влево и нигде не увидел немецких офицеров. В окопах находились только румыны и молдаване. Пули наступающих советских солдат ложились всё точнее и точнее, вгрызаясь в бруствер окопа и поднимая фонтаны земли. Деמיד зажмурил оба глаза и продолжил стрельбу.

Перед тем как вставить в карабин последнюю обойму, Деמיד вновь осмотрелся и с ужасом увидел, что вслед за немцами сбежали все румыны. В окопах видны были редкие фигуры молдаван в штатских рубашках и домотканых брюках. Оборона разваливалась на глазах, никто не командовал и уже почти никто не вёл огонь. Цепкий ум стратега подсказал Деמידу единственно возможный выход из создавшейся ситуации. Положив карабин на бруствер окопа, Деמיד подтянулся на руках и вылез на противоположную сторону траншеи. Затем, ещё раз окинув взглядом поле боя, выпрямился во весь рост и побежал в сторону родного села.

До дома Деמיד добрался быстрее, чем доехал на телеге в противоположном направлении. Бежал он, не останавливаясь, по дороге обгоня земляков, которые дезертировали раньше, и даже румынских солдат, которые стартовали вообще заблаговременно.

Забежав в родной двор, Демид крикнул жене Лизе, что надо быстро собирать самые нужные вещи, деньги, документы и уходить из села. Пока Демид, привалившись к стене дома, переводил дух, Лиза, не задавая лишних вопросов, одела сына Павлушу и связала в два узла всё самое необходимое.

Вечер застал Демиду, Лизу и Павлика на пыльной дороге в пёстрой толпе беженцев и отступающих солдат румынской и немецкой армий. Ночью они пересекли реку Прут по ближайшему уцелевшему мосту и снова вышли на какую-то дорогу. Путь лежал в сторону безрадостной жизни на чужбине, дорога вела в один конец. Возможность возвращения перечеркнули девять обойм, выпущенных в сторону Советской армии.

4

Демид выпрямился и вытер пот со лба. Лето 1947 года выдалось жарким, ладони горели от сапы, которой он прошивал бесконечное поле фасоли, поблизости не было ни одного дерева, в тени которого можно было бы немного отдохнуть. Рядом работали жена Лиза и тринадцатилетний Павлуша. Двухлетняя дочь Дорина, которая родилась уже здесь, в Румынии, сидела на подстилке из мешковины на краю поля и держала в руках куклу, сделанную из старых тряпок.

Судьба забросила семью Демиду в Трансильванию, в предместье города Фэгэраш, и уготовила участь батраков. Впрочем, другой доли не удостоилась ни одна семья беженцев из Бессарабии, а было их здесь немало. Правда, некоторым повезло – они стали работниками в хозяйствах немцев и венгров. Жилось таким несколько легче. Нет, работы хватало и им, но кормили их значительно лучше, порой даже за одним столом с хозяевами. Демиду и здесь не подфартило, его хозяин-румын отличался такой скупостью, что даже бережливые немцы смеялись над ним, говоря, что он ест из-под себя, чтобы ничего не пропало.

Первые дни на чужбине Демид до сих пор вспоминал с ужасом. Хозяин ежедневно кричал, что не потерпит дармоедов, особенно каких-то большевиков из Молдавии, и что прямо сегодня он сообщит в Сигуранцу о том, что они шпионы Советов – и пусть с ними разберутся. Сказать, что семья Демиду голодала, – это не сказать ничего. Бывало, ели даже ботву свеклы и картофельные очистки. И теперь Демид невольно сжимал кулаки, вспоминая, как однажды десятилетний Павлуша, не совладав с чувством голода, выдернул из хозяйской грядки небольшую морковь и тут же, даже не стряхнув с неё землю, стал эту морковь жадно поедать. Выскочивший из дома хозяин орал так, как будто его разорили полностью и всё поместье сгорело дотла. Распалив себя криком, румын выломал из плетня палку и стал ею бить ребёнка. Подбежавший Демид прижал к груди сына и повернулся спиной к хозяину, подставляя под удары голову и плечи, но не говоря ни слова. Когда вечером Лиза перевязывала тряпками Демиду рассечённую голову и спину, он только скрипел зубами от боли и унижения, а Павлуша плакал навзрыд и обещал больше ничего не брать без спроса.

После того как Румыния в одночасье превратилась в социалистическую страну, легче жить не стало. Батраки остались батраками. Правда, большевиком Демиду хозяин уже не называл, Сигуранцей не грозил, но кормил по-прежнему плохо...

Сегодня на обед был варёный картофель. В очередной раз Демид поразился тому, что хозяин берёт картофель прошлого урожая, когда давно уже есть свежий. Но факт остаётся фактом: корнеплоды были старые, сморщенные, частично гнилые, внутри нездорового синеватого цвета. Семья, расположившись на мешковине, обедала. И вдруг Демид заметил, как сын Павлуша, очистив очередную картошку, объел испорченные края, а оставшуюся белую середину отдал маленькой Дорине. Демид застонал, как от боли, встал и, отойдя в сторону, буквально упал на поле, охватив голову руками.

Именно здесь, на поле под Фэгэрашем, когда жена Лиза, склоняясь над мужем, с тревогой спрашивала, что случилось, именно в этот момент, когда сын Павлуша со слезами в голосе просил отца встать, Демид решил, что надо возвращаться в Молдавию.

Этой же ночью, борясь со сном, Демид обдумывал пути возвращения. Их было всего два, и оба не сулили ничего хорошего. Первым, нелегальным путем пошёл прошлой зимой двоюродный брат Демиду Мирча. Вместе с женой, накинув на себя белые простыни, поползли они по ночному замёрзшему Пруту в сторону родного берега. Советские пограничники заметили какое-то движение на льду и открыли огонь. Брата Мирчу убили уже на территории Советского Союза, а его жена успела отползти к румынскому берегу, где её задержали местные пограничники. Вот уже полгода она находилась в тюрьме города Яссы. Оплакивая погибшего брата, Демид тем не менее не проклинал ни тех, ни других пограничников, прекрасно понимая, что любое государство вправе охранять свои границы так, как считает нужным.

Второй путь начинался в Советском посольстве в Бухаресте, а вот где он кончался – точно не знал никто. Румыны утверждали, что всех молдаван, которые захотели вернуться на Родину, отправили в Сибирь. Молдаване между собой перешёптывались, что многих отпустили домой. И всё-таки этот официальный путь оставлял хоть какую-то надежду на успех. Перебраться с двумя детьми через плавни

реки Прут было нереально. И даже если бы это получилось, как долго можно прожить в Советском Союзе без надлежащих документов, Демид не знал. Но что-то подсказывало, что недолго. Решив обратиться в Советское посольство, Демид спокойно уснул впервые за три года, улыбаясь во сне.

В ближайшее воскресенье Демид пошёл на рынок города Фэгэраш, где продал единственную семейную драгоценность – золотые серьги своей жены, подаренные им же на свадьбу. Следующие две недели вся семья работала, не отдыхая даже в воскресные дни, чтобы иметь возможность съездить в Бухарест. Наконец назначенный день настал. Оставив маленькую Дорину под присмотром Павлуши, Демид и Лиза ушли на вокзал. Целую неделю до этого Демид напоминал жене и сыну о том, что они должны забыть, как всё было на самом деле, и знать только одно: их насильно угнали в рабство отступавшие немцы и румыны.

Секретарь Советского посольства принял их быстро и так же быстро вник в суть вопроса. Он заполнил какие-то бланки, поставил печать посольства, после чего, забрав у Демиды и Лизы румынские паспорта, отдал им эти справки. Затем секретарь сообщил, что ровно через две недели вся семья должна быть в указанное на бланках время на Северном вокзале Бухареста, откуда очередной эшелон с такими же репатриантами, как они, отправляется в Советский Союз.

Вечером следующего дня Демид и Лиза вернулись в Фэгэраш. На сборы ушло ровно полчаса, поскольку нищему собираться – только подпоясаться, а дальше томительно потянулись дни. Семья продолжала работать на землях хозяина, которому, естественно, о возвращении в Молдавию не сообщили. За день до отъезда Демид пошёл на вокзал Фэгэраша за билетами, и тут ему неожиданно повезло. Он встретил знакомого венгра – водителя грузового автомобиля, который на следующий день собирался ехать в Бухарест. Венгр согласился подвезти семью Демиды прямо до Северного вокзала столицы за половину стоимости железнодорожных билетов. Назначили встречу у ворот хозяина Демиды в 8 часов утра и, довольные друг другом, разошлись.

Венгр не обманул. Ровно в восемь часов у ворот просигналила машина. Демид усадил в кабину Лизу с маленькой Дорой на руках, забросил в кузов нехитрые пожитки, помог забраться туда же Павлуше и вдруг остановился. Потом подошёл к водителю и попросил: «Подожди, пожалуйста, пять минут. Я забыл попрощаться с хозяином», – после чего скрылся во дворе. Вышел Демид через десять минут, на ходу вытирая какой-то тряпкой разбитые в кровь костяшки кулаков. Венгр понимающе подмигнул и улыбнулся. Демид забрался в кузов, и машина резко тронулась с места...

На Северном вокзале Бухареста представитель посольства, сверившись со списком, указал семье Демиды места в одном из двух прицепных плацкартных вагонов, в которых ехали депортированные.

На румынско-советской границе их никто не беспокоил. На молдавской железнодорожной станции Унгены, где поезд переставляли на широкие колесные пары, пассажиров прицепных вагонов просто пересадили в «теплушки» какого-то советского эшелона. Двери закрыли снаружи, никому ничего не объясняя. Демид выглянул в узкое окошко вагона и увидел, что на площадке «теплушек» забралась советские автоматчики. Подтверждались худшие прогнозы, Демид всё понял, сел на неструганные доски лежанки и устало закрыл глаза.

Утром следующего дня на кишинёвском железнодорожном вокзале голодных и измученных людей под конвоем пересадили в несколько крытых грузовиков и опять куда-то повезли. Правда, на этот раз путь был недолгим, и вскоре машины въехали во двор городской тюрьмы на улице Кузнечной. Ворота с лязгом захлопнулись...

После традиционной «санитарной обработки» у новоиспечённых узников отобрали все личные вещи, кроме одежды, которая была на них, и развели по камерам. Куда отвели жену Лизу и дочь Дорину, Демид не знал. Его же с малолетним сыном Павлушей определили в переполненную камеру, «население» которой встретило пополнение недовольными возгласами и заявлениями, что тут и так дышать нечем. Демид и Паша присели у стены прямо на пол и стали ждать решения своей судьбы.

В камере заправлял всем русский уголовник по прозвищу Шрам. Вором он был авторитетным, о его жизни ходили легенды, хотя целиком его историю никто не знал.

Когда-то во времена молодости Шрама на одном из «толковищ», которое окончилось поножовщиной, кто-то из «оппонентов», взмахнув финкой, отсек юному вору часть носа, оголив левую ноздрю. С тех пор и зияла на лице Шрама страшная чёрная яма, из-за которой он и получил своё блатное имя. Дальнейшая жизнь периодически оставляла новые отметки на лице и теле Шрама, закрепляя кличку. В кишинёвскую тюрьму привела его жажда лёгкой наживы и красивой жизни. Сколотив в родном Ростове крепкую банду налётчиков, после окончания войны Шрам приехал на окраину страны, в Молдавию, где некоторое время грабил шедшие через Румынию эшелоны с трофейным немецким барахлом.

На небольших полустанках, где товарные поезда стояли, пропуская пассажирские, Шрам в форме подполковника, украшенной орденом Отечественной войны и десятком медалей, подходил к караулу и начинал какой-то разговор. Караул замирал по стойке «смирно», подельники Шрама подкрадыва-

лись и легко резали ничего не подозревавших солдат. А дальше, в стиле батьки Махно, товары из парочки вагонов перегружались на подводы, и бандиты покидали место преступления. О прибытии новых вагонов и местах предполагаемой остановки сообщал купленный мелкий железнодорожный чиновник, и всё начиналось снова.

Одного не учёл Шрам: реквизируемые им вещи принадлежали в основном старшему и высшему офицерскому составу советских оккупационных войск в Венгрии. В первые годы после войны старшие офицеры ещё были реальной силой, они смогли сделать то, что не могла сделать слабая пока милиция – ликвидировать банду Шрама. Командование группы войск в Венгрии не стало играть со Шрамом в шпионские игры, вычислять продажного железнодорожника и заниматься прочей ерундой. В обычный товарный вагон на территории Венгрии, в обстановке полной секретности, посадили пятнадцать солдат из войсковой разведки под командованием легендарного майора-разведчика. Люди были проверенными, прошедшими всю войну, не раз ходившими за линию фронта. Многие из них не могли спокойно заснуть, если вокруг не было слышно стрельбы и взрывов. Разведчиков вооружили автоматами, гранатами и ножами и разрешили вступать в бой сразу, если дверь вагона будет вскрыта без предварительного троекратного стука и нескольких кодовых слов, которые знал только начальник Особого отдела Одесского военного округа. Именно он должен был встретить разведчиков на железнодорожной станции Кишинёва и отправить их обратно для повторной операции, если первая не увенчается успехом. «Пассажирам» вагона выдали сухие пайки и ведра для опорожнения естественных надобностей. В полу вагона было сделано небольшое отверстие, куда было разрешено опорожнять ведра только во время движения состава. После этого вагон был закрыт и опломбирован, к нему был приставлен обычный войсковой караул, участь которого, как понимали немногие посвящённые, была незавидной. Затем на все станции по пути следования была отправлена телефонограмма о том, что в вагоне под таким-то номером возвращаются в Советский Союз ювелирные украшения и ценности, вывезенные немцами из русских музеев.

Не клюнуть на такую наживку Шрам просто не мог. Тем более что сначала всё шло, как всегда. Вагон останавливался на полустанках и в товарных тупиках, следуя обычным маршрутом.

С караулом справились легко, сорвали пломбы и распахнули дверь вагона. И тут началось то, о чём Шрам всю оставшуюся недолгую жизнь вспоминал с содроганием. Из вагона на головы ему и его товарищам посыпались молчаливые тени людей, поливающие всё вокруг свинцовым ливнем и швыряющие гранаты. С бандой было покончено за три минуты. Шрам выжил только потому, что стоял рядом с дверями вагона, и прыгнувший на землю первым майор-разведчик успел в полёте заметить погоны подполковника и орден на его груди, а потому не стал стрелять. Приземлившись на полусогнутые ноги, разведчик резко выпрямился и, схватив ППШ обеими руками, ударил Шрама диском автомата в голову, окончательно вбив в лицо остатки носа...

Уже около года Шрам сидел в тюрьме на Кузнечной улице, ожидая суда. На многочисленных допросах он утверждал, что является рядовым членом банды, состоял при обозе, в убийствах не участвовал, железнодорожного чиновника, снабжавшего налётчиков информацией, не знает. На вопрос следователя, почему в момент задержания на нём была форма подполковника Советской армии, Шрам ответил, что нашёл её среди вещей после очередного ограбления и, поскольку по вечерам было прохладно, просто надел её.

Изображая из себя рядового налётчика на допросах, в камере Шрам утверждал свой статус серьёзного бандита любыми методами. Решал вопросы, конфликты и споры между уголовниками, держал в «чёрном теле» бывших полицейских, «врагов народа» и прочий разномастный люд.

Через минуту после того, как за Демидом и Павлушей закрылась дверь камеры, один из уголовников приказал им подойти к нарам Шрама. Демид, придерживая сына за плечи, подошёл к Шраму и вопросительно взглянул ему в глаза. За долгие годы своего физического уродства Шрам научился ценить редких людей, которые не пялились на его обезображенный нос, а потому к «допросу» приступил в хорошем расположении духа.

- Ты кто, сиделец?
- Крестьянин, – со вздохом ответил Демид.
- Ну, слава богу! – рассмеялся Шрам. – Как раз крестьян нам тут и не хватало. За что сидишь?
- Вернулся в Молдавию из Трансильвании...
- Трансильвания – это где? – поинтересовался слабо знавший географию Шрам.
- В Румынии, на границе с Венгрией, – заполнил пробел в образовании Шрама Демид.

О Венгрии Шрам знал только то, что это богатая, почти сказочная страна, из которой Советский Союз, как из бездонной бочки, черпает красивые и нужные вещи. Кстати, некоторое количество этих богатств оседало и в его карманах. С жалостью вспомнив о потерянном благосостоянии, Шрам продолжил разговор.

- Что ты делал в Румынии, крестьянин?

– Пахал чужую землю, меня туда на работу немцы погнали.

Шрам уже потерял интерес к Демиду, видя, что тот явно говорит правду, но ещё один вопрос решил выяснить, а потому продолжил общение.

– А что, серьёзная граница между Румынией и Венгрией?

– Там её сейчас почти нет, – честно ответил Демид.

– Выходит, ты свободно мог уйти в Венгрию, а вместо этого приехал сюда, в тюрьму? Зачем? – поинтересовался Шрам.

– Я хотел вернуться домой...

После этих слов Демид Шрам махнул ему рукой, мол, иди на место, а сам, повернувшись к своим блатным друзьям, покрутил пальцем у виска и сказал: «Не трогайте его, бог не велит обижать блаженных».

В правильности своего решения Шрам убедился на следующий день. В 6 часов утра сосед по камерам слегка толкнул его в плечо и показал пальцем в угол камеры. Там стояла Демид и молился богу. До уха Шрама долетел еле слышный шёпот: «А также пошли, пожалуйста, здоровье и терпение всем добрым людям, сидящим в этой тюрьме...» Шрам ещё раз покрутил пальцем у виска и повернулся на другой бок.

На первый допрос Демид вызвали только через три недели, раньше, видимо, у следственных органов «руки не доходили». В пустой камере с небольшим окошком под потолком стоял тяжёлый дубовый стол и всего один стул, на котором сидел следователь. Охранники, которые привели Демид, остановили его в четырёх шагах от стола и встали за ним справа и слева. Следователь долго перебирал какие-то бумаги, иногда поглядывая на Демид, при этом делая злое лицо и качая головой. Эта пантомима продолжалась около пяти минут. Затем следователь устало захлопнул папку с бумагами и, достав из ящика стола чистый лист, начал допрос.

– Давай рассказывай, Демид, а я буду записывать, – почти миролюбиво попросил он.

– Что рассказывать?

Простой, казалось бы, вопрос Демид вызвал неожиданно бурную реакцию следователя. Он вскочил со стула, запустил в Демид чернильной ручкой и заорал так, что вздулись вены на шее.

– Ты думаешь, что с тобой здесь в игры играть будут? Через пять минут выведу во внутренний двор и расстреляю у стены, как собаку, и хоронить запрещаю. Мне государство только спасибо скажет за то, что я его от такого гада избавил. Рассказывай, как до войны работал на румынскую разведку, как потом сотрудничал с немцами и зачем тебя послали в Советский Союз сейчас.

– Господин... – начал было Демид.

– Твои господа в Германии! – ещё громче закричал следователь.

– Товарищ... – неуверенно произнес Демид.

– Гитлер тебе товарищ, – скрипнул зубами следователь.

– Я ничего этого не делал, – как сквозь сон произнёс Демид, не зная, как правильно обращаться к начальнику, а потому совсем отбросив форму обращения.

– А кто делал? – почему-то вкрадчиво спросил следователь.

– Я не знаю. Меня румыны на работу угнали, вместе с семьёй...

Следователь опустил на стул и, всем своим видом показывая, насколько он устал от этих вражеских уловок, продолжил разговор в более спокойном тоне.

– Если ты, сволочь, вздумал в «несознанку» уходить, то разговаривать нам больше не о чем. Пошлём запрос в твоё село, участковый опросит людей, и на основании их показаний тебя расстреляем. А пока – пошёл назад, в камеру.

– Подождите, – попросил вдруг Демид, – скажите участковому, чтобы посмотрел под крышей моего дровяного сарая, справа от дверей – там я спрятал от немцев красное знамя...

Услышав эти слова Демид, следователь вдруг шумно сглотнул слюну и расстегнул ворот гимнастёрки, как будто ему стало не хватать воздуха. Целую минуту в упор он смотрел на Демид, а потом вдруг произнёс каким-то придушенным голосом, впервые назвав собеседника на «вы»: «Мы проверим. Возвращайтесь в камеру. Вас вызовут, когда будет нужно».

Демиду повезло дважды, хотя сам он об этом узнал не скоро. Во-первых, получив указание из Кишинёва, участковый сначала отправился искать флаг и, конечно, нашел. А потому не стал опрашивать жителей села по поводу Демид, а сразу пошёл к председателю сельсовета. Во-вторых, председателем сельсовета стала женщина, которую с Демидом некогда связывали более чем дружеские отношения. Желая вернуть домой Демид и рассчитывая на продолжение романа, председатель дала узнику такую характеристику, что с ней можно было сразу вступать в партию.

Результатом этих двух случайностей стало то, что через полтора месяца после первого и единственного допроса Демид и Павлушу с вещами прямо из камеры привели на КПП тюрьмы. В этом небольшом домике их уже ждала Лиза с маленькой Дориной на руках, которую конвой доставил из

женской части КПЗ. Одна дверь КПП выходила во внутренний двор тюрьмы, другая – на улицу. Эту вторую дверь охрана и открыла перед пострадавшей семьёй. Начальник караула вручил им какие-то справки с печатью и подписью и, указав на дверь, выдохнул: «Свободны!» Демид поинтересовался, как они доберутся до родного села без денег. В ответ начкар указал на другую дверь и сказал, что если это большая проблема, все могут вернуться по своим камерам. Как вся семья оказалась на улице, никто из них не помнил, но процесс выхода на свободу занял около трёх секунд. Из здания КПП вслед доносился дикий хохот охраны...

Ещё через три дня, добираясь то на попутных подводах, то пешком, семья Демиды подошла к своему дому. Лиза с детьми сразу вошла во двор, а Демид ещё на минуту задержался. Остановившись у красного флага, прикреплённого к воротам, он погладил ладонью древко, слегка изъеденное мышами. Затем огляделся вокруг и, убедившись, что на улице никого нет, поклонился знамени до земли, как иконе.

5

Начало осени 1991 года выдалось жарким и каким-то беспокойным. Что-то неуловимое, казалось, витает в самом воздухе, создавая ощущение дискомфорта. Ощущение это девятидесятилетнему Демиду очень не нравилось. За прошедшие сорок с лишним лет он привык к спокойствию и стабильности. Выцветшее от солнца, полинявшее от дождей, истрёпанное ветрами красное знамя на воротах давно было заменено на такое же красное знамя. Жизнь в селе текла неторопливо и предсказуемо. Правда, в первые годы после возвращения из тюрьмы Демиду пришлось несладко. Известный спорщик, он вынужден был держать себя в руках и старался ни с кем не ссориться. Во время первой же ссоры с соседом он услышал в свой адрес: «Ты бы успокоился, Демид, не то я сообщу, куда следует, что ты был в румынском ополчении». Целую неделю после этого разговора Демид не мог спать по ночам, постоянно вздыхал и говорил жене: «Вот увидишь, они меня выдадут». Однако годы шли, и Демид никто не выдавал. Постепенно история его земляками была позабыта, а потом и вовсе почти все его ровесники умерли, и бояться стало некого.

На почте Демид больше не работал, устроился в небольшой гипсовый цех, который построила в селе Советская власть. Работу не прогуливал, от поручений не отлынивал, а потому вышел на пенсию уважаемым человеком, гордо неся в сердце звание пролетария, столь редкое в сельской местности.

За все эти годы дальше районного центра Демид не выезжал, хотя и вздыхал порой, вспоминая дороги молодости. Может быть, именно поэтому нынешним летом с удовольствием принял приглашение своего сына Павла, который давно жил в Кишинёве, погостить в молдавской столице.

Сначала большой город даже понравился Демиду – солнечный, яркий, ухоженный. Огромное удовольствие получал Демид, просто гуляя по незнакомым улицам, разглядывая людей, которые друг с другом не здоровались, но и не мешали друг другу. А потом вдруг как-то всё пошло не так. На пятый день пребывания в Кишинёве ноги сами принесли его к старой тюрьме на Кузнечной улице, и сердце больно сжалось в груди. Долго стоял старый Демид у высокого забора, вспоминая каждую минуту, проведённую по ту сторону. Вспомнил и уголовника Шрама, от которого власти в конце концов отчаялись получить информацию о соучастниках преступлений, а, главное, о местах хранения награбленного добра, и приговорили его к расстрелу. За день до приведения приговора в исполнение Шрам сам подошёл к Демиду, покаялся перед ним, как перед попом, рассказал кратко историю своей жизни и подробно обстоятельства задержания, а потом попросил молиться за него.

На следующий день, старательно избегая вчерашнего маршрута, Демид вышел к центру города и замер, остановившись перед памятником Григорию Ивановичу Котовскому. Легендарного красного комдива Демид узнал сразу, хотя видел его единственный раз в жизни в далеком 1914 году. Конечно, комдивом Котовский тогда не был, как не был и красным, а был обыкновенным бандитом, недавно бежавшим с Нерчинской каторги. До самых крупных и известных дел преступной группировки Котовского, таких, как знаменитое ограбление Бендерского казначейства, оставалось ещё больше года. А пока Григорий Иванович разбойничал «по мелочи», грабя частных предпринимателей и зажиточных крестьян.

Бывшему донскому казаку, а ныне бессарабскому крестьянину Иону стало казаться, что наконец и в его жизни началась светлая полоса. Два года назад небольшое крестьянское хозяйство фактически удвоилось. Корова принесла двух телят, коза – четырёх козлят, даже старая свинья, от которой никто ничего хорошего уже не ждал, опоросилась десятком крепких, забавных хрюшек. Куры неслись так, что Ион относил на рынок яйца большими корзинами. Кролики плодились настолько быстро, что Ион не успевал продавать тушки и шкурки. В результате такой невиданной удачи в семье скопилась некоторая сумма, которой хватило на покупку жеребёнка-стригунка.

Жеребёнка на ярмарке Ион выбирал долго, по одному ему ведомым приметам. Измерял длину ног, щупал колени, дул в нос и даже шептал что-то в ухо понравившемуся будущему помощнику. В

результате всех этих действий в небольшой пристройке к сараю поселился тёмно-коричневый бойкий и стройный жеребёнок, которого Ион назвал непривычной для молдавского уха кличкой Орлик. Не жалея сил и времени, Ион кормил, мыл, чистил и выгуливал на ближайшем лугу Орлика. А потому нет ничего удивительного в том, что через полтора года жеребёнок превратился в сильного, высокого, выносливого коня, которому не было равных во всей округе.

Тем временем светлая полоса продолжалась. Богатый урожай 1914 года настолько наполнил кладовые Демида, что на семейном совете было решено половину собранных овощей и фруктов продать на ярмарке в соседней Украине. Семья понимала, что немного придётся затянуть пояса, но зато вырученных денег хватит на покупку многих необходимых вещей и изготовление нужного сельхозинвентаря, включая плуг и борону.

Тёплым осенним днём, загрузив продуктами собственную телегу и ещё две, арендованные у соседей, Ион в сопровождении двух старших сыновей и младшего, тринадцатилетнего Демида, отправился в путь. На ярмарку прибыли за день до её открытия, выгрузили мешки из двух соседских телег, сложив их на землю рядом с телегой Иона, после чего, наскоро пообедав, старшие сыновья отправились в обратный путь. Телеги и коней надо было вернуть соседям. Ион остался торговать в компании младшего сына.

Торговля шла бойко. Не взвинчивая цены, за два дня продали весь товар и стали собираться домой. Ион поменял у знакомого трактирщика солидный кошель мелких монет и купюр на несколько николаевских «червонцев» и золотых «пятёрок», завернул их в тряпку и спрятал в карман, после чего устало перекрестился и вместе с Демидом забрался в пустую телегу.

На следующий день ехали уже по территории Бессарабии. Пообедали у дальнего родственника, жившего в небольшой деревне, километрах в сорока от родного села. Несмотря на настойчивые просьбы хозяина остаться на ночлег, попрощались и поехали дальше, торопясь домой.

Дорога пролегла по опушке леса, деревья в котором уже стали одеваться в великолепный осенний наряд. Закатное солнце радовало последним теплом. На душе было светло и радостно. За ближайшим поворотом дороги вся эта идиллия была нарушена человеком высокого роста и очень крепкого телосложения, который вышел из леса и повелительным взмахом левой руки приказал остановиться. Ослушаться незнакомца Ион даже не пытался, поскольку в правой руке тот держал револьвер.

Оттянув курок револьвера до щелчка, незнакомец обратился к Иону.

- Ты знаешь, кто я такой?
- Я думаю, что ты – Котовский, – негромко ответил Ион.
- Ты правильно думаешь. Теперь давай выясним, кто ты такой.
- Крестьянин. Меня зовут Ион.
- Откуда едешь, Ион?

Ион посмотрел в жесткие глаза Котовского, потом перевёл взгляд на револьвер и, понимая, что ничего хорошего из этого не выйдет, сказал правду.

– Еду с ярмарки...

– С ярмарки на пустой телеге и трезвый. Значит, ты при деньгах, Ион! – радостным голосом констатировал Котовский.

- Я целый год работал, чтобы заработать эти деньги, Григорий, – севшим голосом произнес Ион.
- Заработаешь ещё, а бог велит делиться с ближними своими. Слышал об этом? – подвёл черту под разговором Котовский и протянул левую руку.

– Ты же не грабишь бедных, Гриша! – плачущим голосом воскликнул Ион.

Вместо ответа Котовский чуть выше поднял руку с револьвером. Ион достал из кармана тряпочку с монетами и трясущейся рукой отдал её грабителю. Котовский небрежно развернул этот кусочек материи и скосил глаза на монеты.

– Золото. Так ты, значит, бедный, Ион? Влепить бы тебе пулю в лоб, да не хочу при ребёнке. Отойди вместе с мальчишкой от телеги.

Ион, взяв за руку Демида, отошёл на несколько шагов. Положив монеты в карман, Котовский приблизился к Орлику и придирчиво осмотрел его. Затем ловко выпряг коня из телеги и, взяв за повод, повел в лес. Ион, покачнувшись, схватился рукой за придорожный куст, чтобы не упасть, и вскричал: «Верни коня, Гриша, он единственный кормилец!» Но Котовский даже не обернулся...

На всю жизнь запомнил Демид ощущение рухнувшего мира, которое охватило его тогда. Его отец – самый сильный и смелый человек на свете, которого уважало всё село, участник русско-турецкой войны, сидел на телеге и плакал, как ребёнок. Глаза отца, из которых текли слёзы, не отрываясь, смотрели в лес, как будто он надеялся, что Котовский передумает и вернёт ему коня.

Спали той ночью они в телеге, укрывшись рогожей, и сквозь сон чувствовал Демид, как всхлипывает и вздрагивает Ион из-за душивших его рыданий.

Утром по дороге проезжали крестьяне из соседнего села, они прицепили телегу Иона к своей и так

доставили их до дома. В тот день кончилась светлая полоса...

Стоя у конной статуи, Демид вспоминал те дни и в душе возмущался тому, что такой великолепный памятник поставили человеку, которого он всю жизнь считал разбойником и конокрадом. Примирало с памятником только то, что изваян Котовский был верхом не на Орлике. Коня отца Демид узнал бы из тысячи.

В этот вечер Демид вернулся в квартиру своего сына Павла, будучи в ещё худшем расположении духа, чем вчера, и, даже не поужинав, лег спать.

На следующий день, гуляя по городу, Демид вышел к центральной площади Кишинёва и увидел на ней огромное количество народа. Заинтересовавшись тем фактом, что столько людей бездельничает в центре столицы в разгар рабочего дня, Демид подошел поближе. На импровизированную трибуну один за другим взбирались ораторы и в мегафон кричали о том, что Молдова должна выйти из состава Советского Союза и объединиться с Румынией. Демид не поверил своим ушам. Потом, послушав ещё немного, понял, что ему не почудилось. Выступления становились всё злее и злее. Ораторы называли русский народ оккупантами, а Советский Союз – империей зла. Демид подумал, что сейчас приедет милиция и всех находящихся на площади арестуют. Затравлено оглянувшись, он увидел нескольких стражей порядка, которые спокойно стояли на своих постах и никак не реагировали на происходящее. Теперь Демид не поверил своим глазам...

Ещё полчаса простоял Демид на площади, слушая ораторов, которые призывали куда-то идти, что-то ломать, кого-то громить, чего-то требовать. Вдруг Демиду захотелось забраться на трибуну и рассказать этим людям, как били румынские жандармы молдавских крестьян, румынские учителя – молдавских детей, румынские офицеры – молдавских солдат. Поведать заодно о том, как грабили румынские власти родное село, и о том, что только с приходом русских в селе построили больницу и детсад, отремонтировали школу, заасфальтировали дорогу, открыли клуб и магазины...

О многом хотел рассказать Демид этим людям, и даже протянул он руку к голове, чтобы снять шляпу и, подняв её вверх, попросить слова. Но рука прикоснулась к огромному рубцу на виске, на всю жизнь оставшемуся от ударов, полученных от хозяина-румына в Трансильвании. Демид погладил пальцами шрам и, натянув шляпу до ушей, ушёл с площади.

Этим же вечером сообщил он сыну Павлу о том, что завтра уезжает домой...

Однако и в родном селе не было уже прежней тишины и покоя. Приезжали какие-то люди из района, к чему-то призывали, за кого-то агитировали. Да и среди односельчан находились горячие головы, которые выступали против существующего положения вещей. Демид почти перестал выходить за пределы родного двора. Но в одном удовольствии отказать себе он не мог – выкурить традиционную утреннюю трубку, сидя на лавочке у собственных ворот.

В это утро, выйдя из калитки на улицу, Демид вдруг увидел, что вместо красного флага на воротах прикреплен триколор, который он сослепу принял за румынское знамя. «Всё идёт по кругу в этой жизни, – подумал старый Демид. – Если проживу ещё немного, возможно, увижу и флаг Российской империи». Опустив голову, он осторожно пошёл к скамейке, доставая из одного кармана кисет, а из другого – трубку.

Но традиционному перекуру сегодня не суждено было состояться. Под любимой скамейкой на земле лежало небрежно брошенное кем-то красное знамя. Демид наклонился, поднял его и, тщательно отряхнув от сухих травинок, обернул вокруг дровяка, после чего развернулся и отправился в сторону дровяного сарая.

Спрятать знамя без помощи лестницы в крыше сарая уже не получилось, годы брали своё. Оставив флаг у стены, Демид пошёл за стремянкой. Сколоченная из неотесанных жердей стремянка была тяжёлой, а потому, пронеся её половину пути, Демид решил немного отдохнуть. Он сел на траву прямо посреди двора, а затем лёг на спину и стал смотреть в небо. По небу весело и суматошно передвигались небольшие белые облака, сквозь которые легко пробивалось тёплое осеннее солнце. Солнечные лучи нежно ласкали кожу лица. Демид улыбнулся...

Когда через три часа сосед Демиды подошёл к забору, разделявшему их участки, и стал кричать, интересуясь, почему Демид разлёгся прямо во дворе и что интересного он увидел в небе, ответа на свои вопросы он не получил. Сосед перепрыгнул через забор и с опаской приблизился. Рука, за которую сосед пытался поднять Демиду с земли, была холодной. Как только сосед в ужасе выпустил эту руку, она с глухим стуком упала, безвольно вытянувшись вдоль тела. Сосед снял свою засаленную кепку и, перекрестившись, провёл ладонью по лицу Демиды, закрыв ему глаза. Но и с закрытыми глазами Демид продолжал улыбаться, как будто по-прежнему видел облака и солнце, словно и сейчас чувствовал тепло родной земли, и поэтому было ему абсолютно безразлично, какие над этой землёй развеваются флаги...

Николай ВИНЯТИНСКИЙ

Родился в 1958 году в городе Бричаны, на севере Молдовы. После окончания средней школы был призван в ряды Советской армии. Служил связистом в Ракетных войсках стратегического назначения. После армии работал в Бричанском районном узле связи электро-монтёром. Поступил в Одесский институт связи. После института был направлен на работу в город Единцы. Отец двоих дочерей. Желание писать преследует всю жизнь. В юности сдерживал себя, а несколько лет назад желание взяло верх. Автор года-2011 в номинации «Проза».

Первый снег

Конец декабря ничем не отличался от его начала. Прохладно, ветрено и ни одной снежинки. Через пару дней люди будут встречать Новый год, а без снега он не кажется новым. Без снега он похож на продолжение старого. Вот, кажется, все родные собрались за праздничным столом, а виновника торжества нет. Не приехал. Понятно, что это не повод отменять праздник. Новый год встретят, даже если он пожалует без сопровождающего снегопада. Хорошо встретят, можно не сомневаться. И будут фейерверки, бенгальские огни, шумные застолья, будут салат «оливье» и вкусные мандарины.

Подвыпивший Дед Мороз принесёт деткам подарки, но не сможет ответить на простой вопрос, почему он, любимый волшебник, не в силах пригласить в гости снег. Снегурочку пригласить может, подарки подарить может, а такой пустяк, как снег, ему не под силу.

Но рано горевать и тосковать по невыпавшему снегу. Ещё есть время, есть надежда. До Нового года ещё долгих два дня. Тем более что ветер на улице усилился, пугающе зашумел высохший камыш, отвоевавший летом хвостовую часть озера. Запахло морозом.

Понурая лошадь тянула по узкой плотине скрипучую телегу. На телеге сидел нахмурившийся дед в перекирвленнй ушанке. Он пыхтел сигаретой, отпустив вожжи, беспрекословно доверяя лошадке самой искать дорогу домой.

Стемнело по-зимнему скоро. Луна осветила камыш, озеро и каменистые валуны, что величаво стояли чуть поодаль от воды. Луна, отразившись в озере, тут же исчезла. Её стыдливо занавесили чёрные облака. Между двумя небольшими валунами показалась чёрная точка. Это лиса выглянула из своей тёплой норы. Узкая мордочка потянула сырой воздух, пытаясь найти в нём запах опасности. Убедившись, что воздух чист, она вышла из норы и, грациозно вильнув хвостом, отправилась в сторону села. Спустившись с каменной горки, вышла к плотине, которая служила границей между камышом и глубоким оврагом. Лисе почудилось, что впереди что-то скрипнуло. Остановилась. Дождавшись, когда скрип исчезнет, лиса по протоптанной тропинке, держась ближе к камышам, продолжила свой путь. Она шла на охоту. В норе её ждали двое лисят. Вчера им исполнился месяц, они совсем взрослые, но брать их с собой на охоту лиса не решалась. У них так мало охотничьего опыта, что при встрече с человеком у них не будет шанса выжить. Дождавшись, когда лисята уснут, мамалиса отправилась на охоту.

Она тихо шла по плотине, вспоминая, как ещё несколько лет назад жила на краю леса, ловила днём мышей и сусликов, а ночью ходила на настоящую охоту – в село. И всё было хорошо, пока вездесущие охотники не увидели нору и не пустили туда злых собак. Те как черти принялись разрывать вход в нору, пытаясь во что бы то ни стало вытащить оттуда лису. Хозяйке норы ничего другого не оставалось, как воспользоваться запасным выходом. Тогда лиса и решила, что если люди пришли к ней, она имеет право поселиться поближе к ним. Ночью лиса ходила по селу, выискивая открытые курятники, а днём отправлялась за село, не боясь, что её увидят люди. Совершенно случайно, растянувшись на тёплом камне, она увидела, как из норы вышел барсук. Лиса решила забрать у него нору. Она знала, что барсук – редкий чистюля. За лето он по пять-шесть раз выносит свою подстилку на солнце. Кушает в тридцати метрах от норы, остатки еды закапывает, чтобы не мусорить. Если возле норы барсука накапливается мусор, барсук покидает свой дом.

Лиса решила действовать: то дохлую мышь к норе подбросит, то остатки украденной курицы притащит. И барсук не выдержал. Ушёл. А лиса, довольная собой, в тот же вечер украла в селе огромного гуся и справила новоселье.

Впереди опять что-то скрипнуло. Лиса затихла. «Показалось, – успокоила она себя и пошла дальше. – Что-то я пугливой становлюсь. Старею. Когда-то в молодости, гуляя по этой плотине, от женихов отбоя не было». Лиса определённо нравилась себе, хотя многие люди уверены, что нравиться себе свойственно только им. Лиса перешла на бег, чтобы таким образом прогнать отвлекающие мысли. Она понимала – сейчас не время расслабляться и отвлекаться по пустякам. Там, в норе, остались два маленьких лисёнка, завтра утром они проснутся и потребуют еды.

Так получилось, что у многих лисиц детки давно выросли, а её малышам всего месяц. Что тут скажешь?! Так получилось, что лиса родила не по расчёту, а по большой любви. Папа-лис, красавец, радовался своим щенкам, как радуются люди, когда у них появляются детки. Лис потерял бдительность и предложил вместе отправиться на охоту. Лиса согласилась, и они вдвоём, пока щенки сопели в сладком сне, отправились в лес, чем несказанно обрадовали троих охотников. Лис понял, что сейчас охотники убьют их обоих. А в норе детки. Если лиса не вернётся, они погибнут. Поскольку лис успел полюбить своих щенков, он грустно вздохнул, посмотрел на свою подругу глазами, полными слёз, ткнулся мордой в её шею и побежал прямо на охотников. Когда до охотников оставалось метров пятьдесят, свернул на девяносто градусов, подставляя тело под выстрелы. Охотники выстрелили одновременно. И, кажется, попали все. С тех пор лиса сама выхаживала своих детёнышей. Вчера молодые лисята вышли из норы и поймали маленькую мышь. Настоящие охотники. Только взять их с собой в село лиса не решалась. Рано.

На середине плотины лиса остановилась, осмотрелась. Она боялась этого места. Слева камыш, справа – обрыв. Если на плотине появится человек, уйти от встречи с ним можно только в одном направлении – бежать обратно в сторону норы. А такой вариант всегда пугал умную лису, потому что у настоящей охотницы должно быть несколько путей к отступлению.

Плотина закончилась. Впереди дорога. В который раз лиса попробовала носом воздух. На этот раз уловила запах свежее испеченного хлеба. До деревни метров триста, а лиса была уверена, что знает, из какого дома пахнет свежим хлебом. В том доме живёт женщина. Одна. Ей лет сорок, что по лисьим меркам – вполне прилично. Вчера, разведывая обстановку, лиса видела, что у женщины – гости. Сын с женой приехали. И девочка у них маленькая. Красивая и шустрая, прям как её лисята. Гости сидели за столиком, нанизывали куски мяса на деревянные палочки. Между двумя рядами кирпича догорал костёр. Рыжая притаилась рядом с небольшим стожком сена, внимательно наблюдая, как молодой человек жарил мясо. Девочка сидела возле собачьей конуры, нежно гладила чёрного Мавра. Запах мяса, дым и ветер не позволял собаке уловить запах лисы. А когда шашлыки были съедены, люди зашли в дом. Рыжая знала, что люди – не звери, они всегда заготавливают еды больше, чем могут съесть. Подойдя к столу, лиса с грустью увидела, что на этот раз с мясом они рассчитали всё точно. Лишь два куска хлеба лежали на краю стола, видимо, приготовленные собаке на утро. Лиса понюхала хлеб. Он вкусно пах мясом. Она хотела отнести хлеб детишкам, но не удержалась и быстро всё съела. Отойдя, услышала в курятнике шум. Неприкрытая дверца манила лису заглянуть внутрь. Но как только она подошла к металлической сетке, залаяла собака. Тут же загорелась лампочка над входной дверью, и на улицу выбежала хозяйка. Лиса быстро отступила. Через дыру в штaketнике переметнулась на соседский участок. Хозяев этого дома лиса не любила. Именно поэтому она решила во что бы то ни стало украсть у них гуся или утку. Подкрavшись к курятнику, лиса подняла лапу и застыла. На тропинке находилась странная металлическая конструкция, слегка замаскированная сеном. Лиса знала, зачем люди устанавливают это хитрое приспособление. Она не сомневалась, это был капкан. Лиса на миг представила, что могло бы произойти, если бы взяла с собой на охоту лисят. От таких мыслей нервно вздрогнула.

В позапрошлом году она была здесь со своей соседкой. Их норы находились рядом, и на охоту они пошли вместе. Рыжая соседка была моложе и беспечнее. Она шла впереди, радуясь жизни. И вдруг громкий щелчок. Лиса заскулила от боли, начала кататься вместе с прилипшим к ноге капканом. Хозяин дома, услышав дикий вой, в одних трусах выбежал на улицу. В руках он держал вилы. Лиса поняла, что её рыжая соседка больше не вернётся.

На следующий вечер лиса решила отомстить жадным и злым людям. Отправляясь на охоту, она точно знала, у кого украдёт курицу. Но дойдя до того места, где вчера находился капкан, увидела свою соседку. Та лежала под деревом с открытыми глазами. Её шубка была исколота острыми вилами. Лиса не смогла идти дальше, вернулась. Лисята противно пищали, требуя хоть какой-нибудь еды. Но мама-лиса не могла их успокоить, ей было ужасно плохо. И больно. Она не понимала, откуда у людей столько злости. Сами выращивают гусей и кур, режут их и варят. А вот поделиться – так нет. Ну хоть бы кусок хлеба дали, если мяса жалко. Не дают. Чем тогда лисе питаться?

Медленно отведя лапу, лиса пошла прочь от опасного капкана. Перед тем как протиснуться в узкую щель в штaketнике, она услышала странное фырчанье. Лиса тихо вздохнула, подняв мордочку. Она увидела, что облака куда-то уплыли, на небе висели лишь звёзды и чуть приплюснутая луна. Лиса опустила мордочку и увидела знакомого старого ежа.

– Что, рыжая, всё воруеть? – спросил ёж.

– Старый ёж? – спросила лиса. – Живой ещё? Давно тебя не встречала.

– Что, хочешь меня съесть? – спросил ёж.

– Ага, тебя съешь, – грустно призналась лиса, – ты колючий, как акация. Да и не ем я друзей.

– Какой же я тебе друг? – сопел ёж. – Ты вон кур воруеть, люди на тебя орут.

– Ой, колючий, ну кто бы свистел?! – возмутилась лиса. – Я видите ли ворую, а у тебя на спине яблоко откуда? Что, зарплату в колхозе выдали? Чего молчишь? Колись, откуда яблоко, а то отберу и съем.

– В сарае нашёл, – признался ёж, – там их много, несколько ящиков.

– Ага, значит, ты у нас не воруеть, да?

– Я только одно.

– Вот не люблю я вас, колючих, – шипела лиса, – как сами, там не украли, а взяли, а как лиса, так непременно воровка.

– Так я только одно яблоко, – оправдывался ёж. – А ты на прошлой неделе целого гуся тащила.

– И что? – спросила лиса. – Тащила. Повезло. А люди разве не воруют? И воруют, и убивают. Скажи, за что они убили моего красавца?

– Такая у нас судьба, – ушёл от ответа ёж. – Ты того, не забирай яблоко, я деткам его несусь. Утром проснутся, а перед ними яблоко.

– Судьба, говоришь, у нас такая? – размышляла лиса. – Что ж, возможно, ты и прав, колючий. Давай, носи своё яблоко деткам. Только смотри, как дорогу переходишь.

– Спасибо, рыжая, – поблагодарил ёж, – ты тоже держи хвост по ветру. У людей скоро праздник, а перед праздниками они злые. Лучше домой иди, не испытывай судьбу.

– Ладно, колючий, не читай мне лекции, сам домой иди. Пока дойдёшь – утро будет.

Лиса побрела по краю дороги в глубь села. Она шла, выискивая дома с тёмными окнами и открытыми курятниками. Она знала, что если в окнах не горит свет, значит, охранники живности спят. А у спящих легче украсть. Потянув новую порцию воздуха, лиса чихнула. Что-то попало в нос. Лиса поняла – пошёл снег. Первый снег в этом году. Уже через пару минут земля покрылась белым ковром. Лиса оглянулась и увидела, что на снегу остаются её следы. И сама она стала вся белая. А ещё запах. Несомненно, это было мясо. И она пошла на его запах. Долго искать не пришлось. На скамейке у забора сидел человек. Поначалу лиса подумала, что он притаился в засаде. Потом поняла, что на пустынной, неосвещённой улице что человеку защищать? На всякий случай прижалась к забору. Тишина. Человек не шевелился, лишь сладко похрапывал. Рядом со скамейкой валялась сумка. Из нее вкусно пахло. Лиса осторожно оттащила сумку в сторону. Засунув морду вовнутрь, обрадовалась – там лежали огромный кусок мяса, колбаса, две буханки хлеба, конфеты и бутылка со странным запахом. Лиса судорожно решала, что взять. Удержать в зубах всю еду сразу не получится. И тут к ней пришла умная мысль: она взяла бутылку за горлышко и вытащила ее на снег. А сумку, значительно полегчавшую, забросила на спину и побежала домой. На дороге, в том месте, где ещё недавно разговаривала с ежом, учуяла его запах. Решила передохнуть. Тихо позвала ежа. Никто не отзывался. Подойдя ближе к дороге, увидела свежие следы машины. А рядом лежал раздавленный ёж. Его припорошило пушистыми хлопьями снега. Лиса не сомневалась – это был её знакомый старый ёж. Рядом валялось красивое яблоко. Лиса хотела съесть его, но не стала этого делать. Ей показалось, что яблоко и ёж – это одно целое.

– Да, колючий, вот такая у нас с тобой судьба, – жалобно завывала лиса. – Надо же такому случиться – ты умудрился умереть за мгновение до выпавшего снега. Эх, судьба...

Лиса схватила сумку за ручки, закинула на спину и побежала домой. В норе ее ждали голодные лисята. Лиса спешила. Она переживала, что её детки могут выйти из норы и испугаться. Ведь они никогда ещё не видели холодного снега.

Орехи

Двора Яковлевна ехала пятым трамваем в сторону театра Музыкальной комедии. Она спешила на «Привоз», чтобы сделать базар. Уже два дня она мечтала о большом арбузе, а Михаилу Самуиловичу снилась свежая рыбка. Чтобы как-то реализовать свою мечту и обрадовать мужа, Двора Яковлевна взяла любимую сумку, бросила в неё пару целлофановых кульков и отправилась делать базар. Она даже не сомневалась, что ей не придётся выбирать между арбузом и рыбой. Арбуз она не возьмёт, это точно. Иначе обидится муж, потому что он ждёт рыбу. Но если она купит рыбу, он обидится ещё больше, потому что в их семье так принято: сырую рыбу сперва жарить. А у тётки Дворы есть плохая привычка: у неё не получается жареную рыбу донести до тарелки. Она съедает её по дороге. И когда муж спрашивает, почему на кухне пахнет жареной рыбой, если на тарелке красуются мелко нарезанные огурцы, Двора Яковлевна, яростно размахивая руками, убеждает, что рыба иногда тоже ужаривается.

Двора Яковлевна успешно доехала до театра, но не вышла, а поехала дальше. Она благополучно добралась до конечной, но к удивлению вагоновожатой тоже не вышла. Она не страдала склерозом и помнила, что «Привоз» не в той стороне, в которую она ехала сюда, а в той, куда она поедет обратно. Она знала об этом, но всё равно поехала, чтобы вернуться. А что делать, когда билеты на трамвай подорожали? Надо как-то навёрстывать лишние расходы. Семейный бюджет не безграничный. Вот и приходилось ехать в противоположную сторону, чтобы своё место в трамвае занять на большее время. И она всегда была верна себе. Ехала сперва в противоположную сторону от «Привоза», доезжала до «Аркадия» и успешно возвращалась, чтобы так сделать запланированный с раннего утра базар. Хотя, если говорить правду, Двора Яковлевна могла никуда и не ехать. Она помнила и всегда гордилась, что живёт от «Привоза» всего в 15 минутах быстрой ходьбы. Но плестись пешком, да ещё молча – это как-то не по-одесски. Нет, ну плестись в гордом одиночестве – ещё куда ни шло. А вот молчать всю дорогу, все долгие 15 минут – это такая казнь, которую давно пора отменить через самый большой закон. То ли дело проехать в трамвае, послушать, о чём говорят, вставить свои три копейки, в смысле поправить того, кто говорит лишнее, и сделать замечание тому, кто собирается что-то ей возразить. Правда, в трамвае она старалась больше слушать, чтобы дома выдать все сплетни за новости, не забыв сделать вступление: «Ты только послушай, что я вычитала в наших газетах».

Вот и «Привоз». Двора Яковлевна прошла мимо арбузов, рыбу не стала даже нюхать. Она оставилась, лишь когда увидела курицу. Она ещё вчера решила, что между рыбой и арбузом выберет курицу, чтобы не делать в семье разлад.

– Почём ваша кура? – спросила Двора Яковлевна.

– Вам спросить или вы готовы так её купить? – спросила продавщица.

– Я её так куплю, но при одном условии. Если ту цифру, которую вы для меня приготовили, успешно разделите на два и отнимете от полученной суммы хотя бы червончик. Ну что вы задумались? Хорошо, не напрягайтесь, я сама всё поделю. В общем, я даю вам семьнадцать долларов и два забираю обратно, потому что по вашему взгляду уловила ту мизерную скидку, которую вы решили мне сделать. Что скажете?

Дожидаться ответа Двора Яковлевна не стала. Она положила на прилавок пятнадцать долларов, забрала курицу, бросила её в целлофановый пакет и положила в сумку. По дороге она купила пучок укропа и пучок петрушки и ещё разной мелочи и направилась к выходу. Она шла не спеша. Она любила возвращаться с «Привоза», еле передвигая ноги. Многие, глядя со стороны, думали, что она просто не может идти быстрее. Это не так. Она могла даже ускорить шаг, но ей было это невыгодно. Она специально шла медленно, чтобы могла не спеша любоваться собой. Нет, что ни говорите, а торговаться она умела.

В садике Двора Яковлевна присела на скамейку, чтобы вспомнить, как много лет назад бегала тут со своими саночками. Было жаркое лето, и папа купил ей саночки. Не потому, что он решил отомстить доченьке за то, что она порезала на мелкие кусочки его дипломный чертёж. Просто в ГУМе, что на Пушкинской, выбросили санки по дешёвой цене, вот папа и купил. Дворочка была на седьмом небе. Она бегала по садику, представляя себе, что ночью выпал глубокий снег. Люди не знали, что папа только что купил Дворочке новые саночки. Они думали, что Дворочка не совсем здоровая девочка. Эти взрослые всегда принимают чужое счастье за болезнь. Некоторые даже останавливали её и угощали конфетами. Дворочке так понравились бесплатные конфеты, что она ещё две недели приходила в садик со своими саночками. Потом дети её раскусили и через месяц по садику бегали десятка два таких же умных, как она сама.

Двора Яковлевна улыбнулась. Она так редко улыбалась, что всегда это замечала.

– Ваши документы, гражданочка, – услышала женщина голос сверху.

Она спокойно подняла голову и увидела перед собой молодого парня в милицейской форме.

– Тебе какие именно документы, – спокойно спросила Двора Яковлевна, – те, которые Керенский потерял при отступлении, или те, которые Дюк сжёг, когда узнал, что в город вошли большевики.

– А что, Дюк встречал большевиков? – спросил парень в форме.

– Дюк встречал многих, – ответила Двора Яковлевна. – Одного тебя забыл встретить. Короче, чего к тётё пристаёшь? Или ты думаешь, что тётя гастарбайтер?

– Вы извините, – улыбнулся милиционер, – я слышал, как вы торговались на «Привоze», мне так понравилось, что я пошёл за вами, тем более что мне в эту сторону и надо. Вы красиво шутите. А я люблю юмор.

– Приезжий? – коротко спросила Двора Яковлевна.

– А как вы узнали?

– А все приезжие называют юмором то, что мы называем жизнью. Какой тут к чертям собачий юмор? Ты слышал, сколько она просила за своего недорезанного цыплёнка? И если бы я не умела торговаться, я бы сегодня точно потеряла кучу денег. А что, два доллара – это мало? Это тоже куча, только маленькая.

– Когда вы отошли, удивлённая хозяйка курицы заявила, что хотела продать вам эту курицу за десять долларов, но вы сами назначили свою цену, – заметно волнуясь, сообщил милиционер.

– Что ты говоришь?! – удивилась тётя Двора? Неужели я дала маху. Хотя, с другой стороны, почему я должна есть дешёвое мясо. Неужели я не заслужила большего? Что скажешь?

– Разумеется, заслужили, – согласился милиционер.

– Вот видишь?! А говоришь, юмор. Какой тут юмор. Тут сама жизнь. Неужели я всё-таки дала маху?

– Вы не волнуйтесь, может, мне показалось, может, она такого и не говорила. Давайте я лучше помогу донести вашу сумочку, – попросил разрешения милиционер.

– Вот если бы я шла на «Привоze», я бы тебе разрешила понести не только сумку, я бы разрешила взять меня на руки и понести вместе с моей сумкой. А когда я иду с «Привоze», я свою сумку несущу сама. Если хочешь, можешь просто проводить меня.

Двора Яковлевна сделала глубокий вдох, встала и пошла в сторону родного переуллка. Милиционер шёл рядом.

– Я тут по службе, – объяснил он, – преступление раскрываю.

Двора Яковлевна молчала. Она не знала, что ответить этому постоянно улыбающемуся милиционеру, который влюбился в её юмор.

– Ты, наверное, хороший сыщик? – спросила тётя Двора.

– Не хуже других.

– А мы тебя сейчас проверим. Хочешь?

– Хочу.

– Тогда слушай. Я расскажу тебе, как мой Миша раскрыл свою первую кражу. Дело было утром. Он решил сам сделать базар. Пошёл на «Привоze» и купил там немного мяса, грецких орехов, пару бычков и ещё какой-то дряни, которую я даже нюхать не стала. Идёт он обратно, его догоняет вот такой же молодой человек, как ты, только африканец. И точно как ты начал заливать моему деду, что ему юмор нравится. Рассказал, что приехал из Африки, что учится в институте связи. И попросил этот молодой человек донести моему Мишеньке его сумку. А у Мишеньки, в отличие от меня, в голове на пару шариков меньше. Сам подумай: было бы больше, разве он отдал бы чужому негру свою чёрную сумку? А тот схватил сумку и убежал. Мишенька пришёл домой сам не свой. Как же иначе, Мишенька привык доверять людям, а тут... И что ты думаешь? Мой Миша не спал всю ночь, а утром он таки нашёл этого парня. Теперь подумай и скажи, как?

– Через посольство, – предположил милиционер.

– Сам ты через посольство, – огрызнулась тётя Двора.

– Через деканат института, где учился преступник.

– Ты почти молодец, – похвалила тётя Двора, – только всё не так. Мой Мишенька пошёл не в институт, и даже не в деканат. Он пошёл в ближайший от института зубной кабинет, что на улице Фрунзе. И что ты думаешь, он увидел таки своего знакомого. Вызвал милицию.

– А как он его вычислил? Как ваш Миша узнал, что у негра будет болеть зуб? – спросил милиционер.

– Да всё тут просто. Миша решил, что негр никогда не видел орехов, но если сумку украл, значит, обязательно захочет попробовать всё, что находится в сумке. Вот он и попробовал. И всё бы ничего, только ума не хватило орехи раздавить. Со скорлупой зараза грыз. Думал, это ему бананы.

– А ведь не было ничего такого, – обиженно произнёс милиционер, – придумали вы всё. Одного не пойму, зачем? Какова мораль?

Тётя Двора хихикнула, посмотрела на милиционера глазами, полными восторга, и сказала:

– А ты действительно хороший сыщик. Может, в самом деле ничего такого и не было. Может, мне всё это приснилось?

Она повернулась, сделала два шага, остановилась и тихо сказала:

– Да, ты хотел про мораль услышать. Слушай. Вот в том окне живёт Софья Марковна. Она уже двадцать лет сидит у окна и смотрит, кто приходит и с кем приходит. Она, как Левитан, знает все последние новости. Потом, благодаря ей, эти новости знает не только наш двор, но все следующие дворики, что по чётной стороне нашего переулка. Раньше свежие новости знали и нечётные дворики, но однажды, когда Софушка переходила улицу, на неё посигналила большая машина. Она так испугалась, что стала мокрой от пояса и до колен. С тех пор Софушка переходит дорогу лишь во сне.

– Что ты молчишь, как глухонемой болтун. Ты, кажется, хотел мораль? Так слушай сюда. Как думаешь, что завтра... Хотя почему, завтра? До вечера ещё столько времени. Разумеется, через час. Что через час будет говорить чётная сторона нашего переулка? Она будет говорить, что Двору Яковлевну провожал до самих ворот молодой и красивый милиционер. А что это значит?

– Что вы нарушили закон? – спросил милиционер.

– Нет, ну ты точно бился в детстве головой об амбарный замок, – возмутилась Двора Яковлевна.
– Какие сейчас законы?

– А что?

– А то, что если тётю Двору провожают молодые парни, значит, она ещё не такая и старая. Ты меня услышал?

Немного постояв каменным столбом, Двора Яковлевна нарушила молчание громким кашлем. И совсем неожиданно для милиционера отправила ему воздушный поцелуй. После чего вытерла обслуженную ладошку о свою любимую юбку и нарочно очень громко сказала:

– До завтра, милый. Береги себя. Не лезь под бандитские пули.

После чего резко, как ей показалось, повернулась и пошла. Несмотря на то что за курицу она переплатила кучу денег, она таки была довольна собой.

Ирина КОРОТЧЕНКОВА

Родилась и выросла в Молдове. После окончания Нью-Йоркского университета работала инвестиционным менеджером в американской компании, читала лекции по экономике на английском языке. Всегда мечтала побывать в Азии, и мечта сбылась. Третий год живет с мужем в Южной Корее, выучила корейский язык, изучает культуру и обычаи не только Южной Кореи, но и других стран Азии. Автор года – 2010 в номинации «Очерк».

Лёнчик

Лёнчик прибился к нашей компании не сразу. Несколько лет он проходил мимо нас, энтузиастов, каждое утро собирающихся на полянке в красивейшем парке Кишинева – Долине Роз, чтобы позаниматься китайской зарядкой с шестью. Этот огромный парк в центре города с каскадом из трех озер и правда был когда-то долиной роз. Располагался он тогда на окраине, и был там даже маленький маслобойный заводик, производящий розовое масло. А сейчас осталось одно название.

Не скоро, но это случилось: Лёнчик взял шест и встал в наши ряды. Мы полюбили его почти сразу. В голубых, немного выцветших глазах этого маленького семидесятилетнего мужчины была заключена вся боль многострадального еврейского народа, и излучали они такую доброту, что каждый невольно начинал испытывать к нему тёплые чувства. Лёнчик оказался хорошим, преданным другом и совершенно безотказным человеком. Если мне нужно было отправить поездом посылку дочери-студентке, Лёнчик был тут как тут с тележкой, на которой тащил передачу на вокзал, отвергая мою помощь. Помню, как он карабкался в вагон с огромной неподъемной сумкой, она тянула его назад, он почти выпадал на перрон, а я, чтобы спасти и Лёнчика, и сумку, за шиворот втягивала его в вагон. И все это он делал от чистого сердца, просто потому, что любил помогать людям.

В то время у Лёнчика был маленький бизнес – он покупал на оптовом складе крупы, муку, сахар и развозил на своей тележке по квартирам, получая за это скромное вознаграждение. Не брезговал даже такими заказами, как два килограмма сахара, например. Люди со скромным достатком были довольны, все равно это выходило дешевле, чем в магазине. Этот работяга, давно уже пенсионер, просто не мог сидеть сложа руки и на жизнь свою никогда не жаловался.

Каждое утро Лёнчик приходил на зарядку со своей тележкой, чем вызывал многочисленные шутки, а после зарядки, искупавшись в озере, бежал продвигать свой бизнес. Я как сейчас вижу его: маленького, большеголового, чуть согбенного, волочащего свою тачку на варикозных ногах, увитых венами, как виноградными лозами, спешащего на троллейбусную остановку, чтобы ехать на оптовый склад за очередным заказом.

Носил Лёнчик довольно респектабельное имя – Леон Казимирович, что вызывало наши многочисленные насмешки. Однако, узнав историю его жизни, мне стало за это стыдно. Маленький еврейский мальчик, не помнящий, где он родился, как его имя и где прошли первые пять лет его жизни, в страшном 41-м остался сиротой – поезд, в котором он ехал с родителями, разбомбили фашисты, и он чудом выжил в этой мясорубке. Бомбежка, пожар, крики раненых и вселенский ужас – вот первые воспоминания его детства. Но небеса сжалились над Лёнчиком, и его усыновила семья польских евреев. Они и дали Лёнчику новое имя и свою фамилию, растили его, как могли, и оказалось, что вырос он хорошим и добрым человеком. Лёнчик давно схоронил отца и мать, которых всегда считал своими настоящими родителями, и остался единственным, кто ухаживает за их могилами.

Понемногу Лёнчик вошел в мою жизнь, ведь мы, фанаты здорового образа жизни, общались каждый день. А его чувство юмора и всегда хорошее настроение притягивали к нему людей. Во время праздников, которые мы иногда устраивали в парке (ну надо же после зарядки отметить 8 Марта или Новый Год), мы часто говорили Лёнчику добрые слова о том, что мы его очень любим и ценим его преданность и дружбу. Но жизнь, видать, его сильно потрепала – он, может, и хотел в это верить, но почему-то не мог и в ответ на наши слова только пускал скупую мужскую слезу и спрашивал: «Но почему?»

В отличие от меня мой муж не желал вступать в ряды сторонников физкультуры, хотя знал многих моих коллег с зарядки и по моим рассказам, и лично.

– Что-то ты стала часто упоминать какого-то Лёнчика, – сказал мне как-то супруг.

– Да, появился у нас новый мужичок и всех очаровал.

– Ну и сколько же ему лет? – как бы между делом спросил муж.

– Точно не скажу, но где-то 45, – со злорадством ответила я, поскольку на 25-м году совместной жизни мой муж вдруг стал меня ревновать, хотя старался этого не показывать.

– Надо как-то прийти посмотреть на этого твоего Лёнчика, а то что-то вы стали очень тесно общаться!

– Вот и приходи, я так хочу, чтобы ты ходил со мной на зарядку, пусть хоть изредка, – обрадовалась я.

Ни обещания, ни некоторое беспокойство не подвигли моего мужа на то, чтобы выбраться утром в парк. А я, все еще надеясь, продолжала его дразнить рассказами о том, какой замечательный человек наш Лёнчик, при этом ни разу не покривив душой.

Жизнь текла своим чередом, мы всё так же собирались по утрам, чтобы сделать зарядку и попить чаю, который готовил нам наш бессменный тренер по шестам Сергей, живущий по соседству с нашей полянкой. Лёнчик всё так же появлялся каждое утро со своей тачкой, а через какое-то время и сам стал проводить зарядку, заменяя Сергея, когда тот уезжал в командировку. В его отсутствие Лёнчик приходил на зарядку первым, выносил шесты и заваривал термос с чаем, чтобы не нарушать многолетнюю традицию. Частенько после зарядки он прибирался у Сергея, который с удовольствием оставлял ему ключи, и даже готовил немудреный обед для его дочери-школьницы. Но благодарность Сергея была своеобразной.

– Эй, старая кляча, ты опять притащился со своей телегой, все деньги хочешь заработать? – приветствовал он Лёнчика по утрам, хотя в глазах его светилась благодарность за все, что Лёнчик для него делает. А тот не унывал, не обижался и всегда отшучивался.

Летом и даже осенью после зарядки мы всегда с удовольствием плавали в озере в том же парке.

– Ленчик, у тебя такие острые ушки, как у эльфа, – говорила я выплывающему из озера Лёнчику.

– Ирка, я тебя тоже люблю! – всегда отвечал он.

– Лёнчик, ты опять разложил здесь свой сэконд хэнд, негде вещи положить, – кричал Сергей, раздеваясь и с возмущением отодвигая вещи Лёнчика.

– И тебя, Серега, люблю! – отвечал тот, широко улыбаясь.

Каждое утро Лёнчик вместе с нами нарезал круги вокруг озера, свято веря, что плавание лечит варикоз. Хотя надолго не задерживался – его ждал бизнес, и, подхватив свою тачку, Лёнчик быстро переодевался и убегал, часто забывая что-то из одежды. Что поделаешь, – возраст, память уже не та! Но мы всегда подбирали то забытое полотенце, то майку, иногда стирали и возвращали на следующий день. Как-то Лёнчик забыл плавки, сильно напоминающие семейные трусы, а я, уходя последней, их подобрала, постирала и повесила сушиться на балконе.

– Не понял, – возмутился мой муж, придя с работы и выйдя на балкон. – Это что такое?

– Это трусы, ты что, не видишь? – парировала я.

– Это чьё? – продолжал он допрос.

– Лёнчик забыл.

– Как? Почему?

– Так получилось, – сказала я, скромно потупив взор.

– ???

Ни тот факт, что я подобрала и постирала трусы Лёнчика, ни уверенность в том, что Лёнчик – 45-летний супермен, которого все обожают, не заставили моего супруга выбраться на зарядку.

ку. Однако вскоре им суждено было встретиться и даже подружиться.

Ранней осенью, вскоре после истории с трусами, мы всей командой собрались на экскурсию в красивейшее место Молдовы – монастырь Сахарна, расположенный в скалах на берегу Днестра. Обычно муж в такие поездки со мной не ездил, отговаривался обилием работы. Но на этот раз сам вызвался поехать. «Спасибо тебе, Лёнчик, за то, что ты есть», – подумала я про себя и записала супруга на экскурсию.

Мы высыпались из огромного автобуса, который привез нас в Сахарну, и разбрелись по окрестностям – кто куда. Мы с мужем и несколькими подружками неторопливо шли вдоль ручья по зеленому ущелью, наслаждаясь природой, тишиной и умиротворенностью. Но наш покой был нарушен Лёнчиком, который выбрался из кустов и направился к нам, неся флягу с вином.

– Ребята, хотите молодого вина? – спросил Лёнчик, подойдя к нашей компании. – У меня и закусь есть – грецкие орехи и брынза!

– Вино! Утром? Это слишком! Спасибо, мы не будем, – расписался за себя и за меня мой супруг, пряча недовольство.

– Да, кстати, познакомься, это – Лёнчик, – сказала я.

– ???

– Ира, я так рад познакомиться с твоим мужем, ты столько о нем рассказывала... Может, по стаканчику, за знакомство? – предложил Лёнчик – добрая душа.

– Наливай! – сказал мой муж, и лицо его расплылось в широкой улыбке.

Лёнчик затерялся где-то на просторах России, в Татарстане, куда он уехал на ПМЖ. Говорят, его приютили родственники бывшей жены, и работает он там сторожем. Мы его часто вспоминаем, даже мой муж о нем спрашивает. Недавно я прилетела в отпуск на родину из далекой Кореи и попросила друзей, как я тогда считала, встретить меня на машине, так как чемодан мой был неподъемным. Они обещали, но в аэропорт не приехали. При встрече сказали: «Ты же днем прилетела, что, проблемы с такси?» Где ты, Лёнчик, со своей тачкой, такой добрый и верный друг, всегда готовый помочь! Я так по тебе скучаю. Может, это – любовь?

Вячеслав КУЧУРКА

Родился в 1961 году в Уральской области. Окончил Кишинёвский спортинтернат, Московская Суворовское военное училище, Благовещенское высшее танковое училище, пять курсов Кишинёвского политехнического института (заочно). В настоящее время менеджер по работе с персоналом, менеджер по продажам брокерской компании ANAVIMAX, финансово-страховой компании GRAWE, Австрия, Грац.

От суммы и от...

Рассказ

Туше! – победа присуждается спортсмену в красном трико. Я часто во сне вижу свою первую победу, к которой привёл меня мой первый тренер – Николай Григорьевич Орёл, круто изменивший мою жизнь.

А начиналось всё так плохо...

Новый микрорайон, новая школа, 3-й класс. В классе ни одного рыжего. Ни одного толстого. Ни одного очкарика, все ребята из микрорайонов под снос – дети бараков и перенаселённых общежитий, будущая шпана. Но волею судеб попавшая в сверх удобные хрущёбы 60-х.

И есть я – Чурик, ну досталась мне такая фамилия от родителей, к тому же не наградивших меня ростом и весом – на уроках физкультуры я замыкал шеренгу построения. Дразнили Чуркой, я огрызался, за это меня лупили на переменах и после уроков.

Но вот однажды...

– Держи его! Бей, бей.

Слёзы и кровь – не столько от ударов (могут ли 10-летние профессионально бить?), сколько от прикушенных от бессильной злости и обиды губ. И тут вдруг голос:

– А ну, ребята, расступись.

Сейчас я понимаю: как он был молод, мой первый тренер, 21-летний чемпион, получивший травму плеча, полностью перечеркнувшую его карьеру. Но он не мог без спорта, а спорт, как оказалось, – без него. После долгой беседы со мной он пригласил меня в спортинтернат. Родители были не против: пятиразовое питание, спортивная форма, место в общежитии и домой на выходные. Не привыкать – ходил в детсад продлённого дня.

Первый набор, страна выходила на новые горизонты, и новое поколение должно БЫТЬ... Вот и была создана школа-интернат спортивного профиля подготовки олимпийского резерва. Новая школа набирала новый персонал, и Григорьевич получил должность второго тренера.

Григорич набирал свою группу преимущественно из ребят, так называемых «трудные», у всех разные прозвища, но здесь не дразнили. Все были равны. Так как в 6 утра подъём, зарядка – врагу не пожелаешь, завтрак, школа, второй завтрак, самоподготовка, тренировка, обед, сон, полдник, самоподготовка, игровая тренировка, ужин и до отбоя свободное время. Ссориться не хватало сил. И так до воскресенья – городские к 14 на игровую тренировку, сельским лафа – день отдыха дома.

Прошёл год. Все ребята уже не один раз выходили на соревнования, и почти всегда кто-то из наших был призёром, а то и чемпионом. А я – ни разу даже не был заявлен на соревнования, хотя считался одним из лучших в группе. Я глотал слёзы от обиды и однажды не выдержал и спросил:

– Григорич, ребята уже все имеют разряды, а вы ещё ни разу меня на соревнования не выставляли. Обидно.

Ответ ошарашил:

– А с кем ты будешь бороться? Со своими? На тренировках мало? Соревнования... Смех один: первенство района, ну города. Готовься на республику.

Радости от первого соревнования не передать словами. И вот мой первый выход на ковер – мандраж, пот то холодный, то горячий. Трясучка... Сквозь вату в ушах слышу голос арбитра:

– На ковёр вызываются... Чуркин.

Я не понимаю ничего – а где я? Толчок в спину – тебя. Ничего не помню – тело работало само (по-

том меня этому в войсках профессионально обучали).

Туше! – победа присуждается спортсмену в красном трико. С первого раза – чемпион.

До 8-го класса я ниже третьего места не спускался, казалось, спортивная карьера обеспечена. Но... Подвёл я тебя, Григорьевич, вернее не я – кино. В 6-м классе я увидел фильм «Суворовцы». И это решило мою дальнейшую судьбу.

Восьмой класс, КМС, все оценки на 5, выпуск. И голос Гигорича:

– Не будешь ты, Слава, ни спортсменом, ни военным. (Как он был прав, но как я благодарен ему за тот стержень, который он нашел во мне и закалил его).

Москва, Киевский вокзал, метро Фили, Новозаводская улица. Суворовское военное училище. КПП.

– Ты куда, пацан?

– Поступать.

Не знал я, лёжа на третьей полке плацкартного вагона (зайцем за три рубля проводнице, которой я со слезами на глазах объяснял, как я хочу в Суворовское), что это последний день приёма документов.

И дежурный по КПП своим ответом чуть не перечеркнул мою судьбу:

– Опоздал, парень, завтра уже экзамены.

Я стоял и плакал от обиды, стиснув зубы. И тут слышу:

– Смирно! Товарищ генерал... (он выходил из КПП, так как рабочий день закончился).

Не знаю, что доложил ему дежурный (майор Лищенко, я потом был принят именно в его роту), но документы у меня приняли и я поступил.

Оглядываясь на свою жизнь, я уже привык к своему невероятному умению в последний момент успеть схватить её – птичку синюю за хвост. И я не забывал одно изречение древних: «Нельзя дважды войти в одну реку и в течении реки времени один раз данный шанс уже не повторится никогда». Да, было счастливое по своей насыщенной интересами детство, на удивление взрослая юность, и всё это многое мне дало...

И вот лихие 90-е. Распад армии, и все мечты в прошлом. Я вернулся из войск в конце 88-го года. Приехал в родной город и очумел: после простоты отношений среди жителей Дальнего Востока я будто бы попал на другую планету. Половина моих друзей-спортсменов служили в органах, половина – бандиты. Надо было выбирать. Но и тут мне повезло: совершенно случайно я устроился на работу начальником ЖЭУ. На моём участке на одном пяточке расположены три торговые точки – бочка пива, бочка кваса и аппарат газировки. А работали два старых еврея и одна еврейка. При приёме-передаче ЖЭУ я обратил внимание на одно интересное обстоятельство: все три точки были подключены к водопроводу без водомеров. Я пошёл с вопросом:

– Здравствуйте, я новый начальник ЖЭУ...

Ответ рассмешил и озадачил:

– Молодой человек, но вам это надо больше, чем нашему очень в данный момент интересному государству? У старого еврея есть очень правильный договор – мы по нашему очень правильному кодексу о труде работаем только 8 часов и платим за воду по сечению трубопровода.

Чем озадачил:

– 8 часов??? С 7 утра до 9 вечера?

А рассмешил вот чем:

– Ой, молодой человек, старый еврей имеет столько голодных родственников, которые, заметьте, молодой человек, хотя кушать каждый день и, заметьте, три раза.

Прошло три месяца. Перестройка набирала обороты, и как у всех – зарплату в очередной раз задержали, домой идти нет желания, трехкомнатная хрущёба – мать с отцом, сестра с мужем и ребёнком и я в проходной.

Очередная пятница, конец рабочей недели. В кармане – рубль. Пойду выпью пива.

– Ой, здравствуйте, молодой человек, а старый еврей очень обиделся, что его очень забыли.

Думаю про себя: «Ты бы радовался»:

– Пива и кусочек рыбки.

– Какие деньги, это старый еврей должен очень приятному молодому человеку, а не очень интересному государству.

Через два года они открыли банк, ещё через два года уехали на Мальту и оттуда руководили своими капиталами. Я не брал у них ни одного рубля кредита, но запомнил старое еврейское правило: идут десять человек, на земле лежат деньги, только трое их увидят и только один наклонится их поднять. И главное – не жадничай, всегда плати по счетам, даже себе в убыток. Деньги – это только средство, а важно то, что в тебе.

Через год я летел в самолёте во Франкфурт на Майне. Был стартовый капитал, честно заработанный на оптовых поставках овощей и фруктов в Москву (пригодились сослуживцы). Но я не знал, чем

заняться, где себя реализовать. В дальнейшем пробовал себя во многих сферах и практически везде мог преуспеть, но успех приходит не в результате того, что нам даёт Бог, а как мы можем это реализовать. И тут опять мимо пролетала она – птичка синяя.

Я попал на выставку элементов внутреннего интерьера фирмы МНЗ в Штутгарте, где меня поразила разница менталитета в оформлении помещений, именно менталитета, а не способа. Ведь мы просто привыкли: шторы, тюль, занавесочки, рюшечки, цветочки на обоях. И у нас не было выбора и доступа к практичным жалюзи, строгим и в то же время большой гаммы ковровым покрытиям, в общем-то, что потом назвали евроремонтом. И я сделал выбор – заказал выставочные образцы и пригласил ведущего менеджера в свой город.

Начало 90-х. Я арендовал секцию в мебельном салоне и пригласил весь деловой город. Мой босс Джон дал интервью – успех был... Но тут на меня ветром бизнеса тех лет пахнуло быстрым заработком – я на все деньги закупил товар МНЗ, у товарища был свой магазин, не приносящий практически ничего, и за 3% от ожидаемой прибыли я разместил свою выставку и каталоги и преобразовал его в салон.

Но купи-продай тех лет не изменил менталитета хоть и столицы, но периферийной республики бывшего Союза. Ноябрь, декабрь, январь, и так до марта. Денег ноль, продаж ноль. Но тут она – птичка:

– Гамарджоба, ты куда пропал? Искал тебя, искал...

– Гия, друже (тренировались в одной группе), как ты?

– Собачьи бои, иди ко мне, смотри – видишь новый дом, весь второй этаж купил (новая девятиэтажка стояла напротив салона).

Я осматривал его квартиру и завидовал белой завистью, но вдруг он сделал первый заказ, сразу покрывший все убытки, расходы и плюс прибыль 30%. Новоселье – вес золотых цепей позволил бы швартоваться линейному крейсеру. А народу...

– Эй, Гия, где взял всё это, почему у тебя Европа, а у меня нет?

Ну далее понятно: через год было всё: квартира, дача, машина... Но я не забывал одного – деньги должны быть заработанными и нельзя не платить по счетам и обижать сотрудников. Скоро я уже был менеджером у Джона, и мой партнёр по продажам и заказам (тот самый владелец магазина) платил 3% от суммы тех 3% своим сотрудникам, и продавцы и консультанты чувствовали себя более чем уверенно. Я продолжал сам ездить за заказами, сам водитель, экспедитор и директор своей фирмы. (Я НЕ ОБМАНЫВАЛ ДЖОНА). Просто оформлял заказ на свою фирму и от имени своей фирмы размещал заказ через менеджера (то есть меня) в МНЗ. Доход плюс комиссия, и всё честно.

30 лет, пора жениться, тыл обеспечен. Но на ком? Выручила старая записная книжка.

– Алло, Татьяна? (15 лет прошло).

Ответ:

– Нет, Ирина.

– ??????????

– Да младшая сестра.

Мой юбилей встречали вместе. Через полгода расписались. С мужем старшей сестры Ирины – Аркадием, мы создали новое предприятие, где он занимался внутренним рынком, а я – зарубежными контактами. Мы процветали (как я был слеп). Я не вылезал из поездок, покупал подарки жене и дочери (она родилась ровно через год после моего юбилея), но я покупал за свои деньги, не трогая капитал фирмы. Своё же на деньги фирмы купил пятикомнатную квартиру, а я продолжал жить хоть и в шикарно обставленной, но в двухкомнатной.

Старый еврей забыл сказать одно: «Зависть – самое тихое и самое сильное зло, она точит сквозь улыбку и дружеское похлопывание по плечу», бухгалтером на фирме работала мать Аркаши.

И вот однажды Аркаша попросил:

– Давай я хоть раз поеду, хочется побывать в Европе, Джона я знаю (мы уже были партнёрами).

– ОК.

Вернулся Аркаша с контрактами на СВОЮ фирму с поставщиками-конкурентами. Разбор полётов, на нашей фирме долгов нет, но и денег нет, то что его квартира и машина фактически мои – его мама удачно спрятала все концы на ЕГО фирме.

Пальцы веером:

– Ты людям платил? ПРЫГНУЛ ПОД КРЫШУ.

О... Аркаша, не туда полез. Приехали мои спортсмены, и мы просто разбежались, но я начал опять с нуля. Была сеть, куда он бы не посмел сунуться, и я был даже рад, что всё это случилось вовремя: на рынке появились местные производители, закупившие старое, по нашим меркам, современное, оборудование и выполняющие заказы по месту. Очень скоро он прогорел, но я лишился семьи – во всём, как водится, родственники обвинили меня.

Довольно долго я плыл по течению: кое-какие дивиденды в разных мелких авантюрах (не путать с афёрами), а стоящего ничего – рынок занят, необходимо что-то новое. И я придумал, но тут злой рок вмешался в судьбу. Не научил меня старый еврей: «Бесплатный сыр только в мышеловках». Схему я продумал безупречную. На Тайване заказал морской контейнер раздвижных дверей (дешево до смешного), в наших маломерках решающих проблему площадей, и морем до Роттердама в адрес Джона, далее от Джона в мой адрес, и всё по закону – поставка из Голландии. Но Джон на такие операции денег не даст, а моих 20 тысяч долларов не хватит. Тогда я оформил кредит в банке, репутация известная, застраховал кредит за наличные, зато без залога, и пошла струя, как оказалось, – темная. В том банке отмывались «чёрные» деньги, и моя сделка «засветилась», меня решили кинуть: аккредитив просто был не обеспечен и борт ушел без моего контейнера.

Выручил Джон: на сумму кредита отправил свой товар, но денег не поступало, и началось... Я по два раза за день заходил в кредитный отдел и просто чумел, на вопрос, почему денег до сих пор не поступило на счёт Джона, меня сводили с ума:

– Ой, мы перепутали счёт?! (банк?!) Ой, мы перепутали количество?! (банк?!)

Но груз уже пришёл, и произвели оплату по факту, а кредит я брал на условиях предоплаты по пересечению границы ещё три месяца назад, то есть банк не выполнил своих обязательств. Но через два дня у меня потребовали возврата «кредита». Я предложил пролонгацию, но месяц волокиты – и на «ковёр»:

– Ты чё, пацан...

А здесь уже ДЕНЬГИ. В общем, остался я без ничего, но и без долгов, при квартире и машине, но нищий, еле рассчитался с банком, продав оптом по минимуму весь контейнер.

Но самое смешное и страшное началось через год. За мной наблюдали всё это время – сосед в квартире этажом выше «откинулся», и по-соседски я помог ему малой толикой денег и удовольствий, а что – я разведён, квартира, машина, деньги (по меркам той поры) всё же есть. Я ему много рассказывал, тут опять приехал Джон, я попросил соседа повозить нас недельку, чтобы я мог выпить спиртного. Я не зол на соседа, он моложе меня (был) и время было такое, умён чертовски. Он сразу увидел, что по чём и – курсы английского, фирма под бандитами, сам ушел в откровенные бизнес – бандиты. Глаза и уши, а тут я принципиально не тону, интересный для них феномен. В общем, попал я в хорошо отработанную схему:

– Привет, поехали, есть интересное предложение.

Ребята знакомые, вроде при бизнесе, я поехал в их офис, где:

– Расплатись за кредит.

– ?????? Я через страховую компанию (которая тоже обслуживалась в этом банке и была в «схеме», я потом узнал, более десяти фирм, кинутых так же) продал оптом товар, и «кредит» был закрыт, есть трёхсторонний акт, согласно «кредитному» договору. Но эти доводы их не интересовали.

– А страховой компании уже нет, деньги она не перечислила, а ты есть.

Опять «качели», но я уже не тот – выжатый лимон, но стержень-то остался. Поднял все документы, и мне «милостливо» скинули 50%, а это 70 тысяч американских рупий. Чистый беспредел, но что я уже мог. Я плюнул на всё – убить не убьют, смысл? Денег всё равно нет. И по русскому обычаю ушёл в запой. Жил у друга, пил по кабакам, казино, где деньги брал, сам не пойму.

– Привет, слышал, тебя кинули?

– А, привет, да как видишь.

– Ты нам нужен, только идеи, а мы решим твои вопросы.

Я всё еще жил по идеалам отношений старой еврейской веры и... согласился. Но схемы я прорабатывал уже с учётом своих поправок на криминал, и где мне предлагали «липовые документы», делал всё легально, но с учётом жадности противной стороны, и вскоре я стал легальным «кидалой», опять-таки не учётшим, что блатной мир един, а я в нём «сладкий элемент».

– Поехали, пиши доверенность на одного из наших, и завтра забираем твою квартиру и машину. (А я был изрядно под мухой).

Утром я оказался без всего и без «доли».

– Где?

– А ты всё пропил, тебе дали наличкой.

– Шестьдесят тысяч доллaries за день, не выходя из квартиры?

Я шел по улице ночью 95-го года, мороз за 30, для нашей южной республики – смерти подобно. Но Дальний Восток научил – не останавливайся, и шел в ночь и шел от бывшего своего дома до противоположного конца города. И так до утра. А утром опохмелка с чёрт его знает с кем, поспать за столом в дешевой забегаловке, стараясь сохранить видимость хоть какого-то, но достатка: правило одно – поставь, а потом оно само находится. Менты не придирались – одет вроде прилично, из документов хоть права остались, а что пьян, так не буянит.

Но пришёл день, и голос:

– Ваша фамилия? Пройдёмте.

Генпрокуратура, следственный отдел. (Спасибо старому еврею. Я делал всё чисто и по своим легальным документам).

– Ваш паспорт? (Фото моё, паспорт не мой). На этот паспорт оформлена фирма и выдан огромный кредит по фальшивым документам (ах спасибо, сосед, царствие тебе небесное!)

Но на мякине меня не проведёшь:

– Уважаемый, когда открывается счёт, подписываются документы у главного бухгалтера и назначается куратор в группе обслуживания, кредит через кредитный отдел, так что минимум три человека в банке должны меня знать, да и нотариус при регистрации фирмы.

В общем, обломилась, но слух по городу пошёл – я «сука». Пошло-поехало, начали всплывать все сделки. Но с моей стороны всё легально, а такие формулировки, как «оплата в течение десяти дней... по реализации товара» ставила в тупик самых ушлых адвокатов противной стороны, основной задачей которых было не получение денег, а их отмывание и выставить меня козлом отпущения, но я не шёл на криминал и делал всё по закону. Ведь всё уходило на реализацию в матушку-Россию и реализовалось или нет – проверяйте, если даже через десять дней получите, нет – ждите реализации. Как много значит одна запятая (этому я научился уже у криминала, они не знали таких поворотов, но начали во мне пробуждать чувство предвидения опасности).

Опять я чист (спасибо старому еврею – деньги должны быть честно заработаны, и не жадничай, жадность – порок).

Но тут опять:

– КГБ.

– О, ё моё, а вы откуда?

В моей квартире (а перед крахом я купил домик на земле в центре города), оказывается, уже год камера пыток и склад оружия криминальной структуры, ну и ...жучки этой милой службы, что опять-таки меня и спасло: ведь я ни разу там не был. В общем, с ними лукавить нечего, я рассказал, минуя пикантные моменты о последних годах своей жизни, и они взяли в разработку банк.

Да, было следствие, но «с сильным не дерись, с богатым не судись» и с формулировкой «было совершено мошенничество в мой адрес, но за НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ улик (а если хоть один пункт банковского договора не выполнен по вине банка, то на Западе он бы выплатил миллионы) дело рассматривать в гражданском делопроизводстве», уголовное дело закрыть. Каково? Иск 140 тысяч долларов признан, но где я возьму 5 тысяч госпошлины при подаче иска и выиграю ли у банка? И опять слух по городу – «опять вылез, значит – сука».

И опять я – БОМЖ, но «элитный», рассказы о заморских странах и огромных деньгах, которые я не жалел, в прошлом раздавая просто так тем, кто нуждался (и это была правда – по соседству жила многодетная семья, стоявшая на моём ежедневном довольствии семь лет), подтверждённые теми, кто меня знал по месту жительства, придавали мне своеобразный ореол. Не знаю, откуда, но всегда в кармане было пару монет за консультации, за помощь при мелких «разборах». Но вечно так быть не могло.

Ранняя осень 97-го, 5 утра, дождь со снегом. Я иду на точку опохмелиться дешевым самогоном и тут:

– Славон, привет, садись в машину.

– Лёнчик! Откинулся?

Свой дом в центре города рядом с моим бывшим домиком (Лёнин брат – авторитет, и всё обеспечил к выходу), спортивное авто и т.д.

– Садись, пообедаем, поговорим, да в принципе всё знаю. Смотри видео.

Боже, моя презентация с первым посещением Джона.

– Вот ключи от машины и квартиры, живи, оклемайся, надо денег – скажи.

Через месяц я впервые и единственный раз в своей жизни пришел просить, нет – ПРЕДЛАГАТЬ работу (правда, по протекже Лёнькиного авторитетного брата) в самое большое и престижное агентство по недвижимости.

Сидеть клерком? (И опять помог старый еврей – «наклонись и подними»). Они продавали и покупали дома, квартиры, земельные участки и коммерческую недвижимость, но у меня была ИДЕЯ, лежавшая у них под ногами: человек купил квартиру, доволен обслуживанием. Так почему ему в полном комплекте услуг не сделать так популярный в те времена евроремонт в той же фирме, где его так классно обслужили? Не отходя от кассы.

Для этого я попросил стол, телефон и отказался от зарплаты. Я бил на то, что, будучи без документов, меня не примут на работу в другом месте, а тут я как бы есть и как бы меня нет.

Как потом я узнал, шеф строго предупредил всех вплоть до увольнения, чтобы мне не давали в долг в надежде, что я не выдержу и уйду, а он чист перед авторитетом. Не тут-то было. Через месяц у меня брали в долг, ведь я был первый, кто начал этот бизнес с МНЗ в нашем регионе. Дальше –

больше: идеи переполняли меня, и за год на кухне у Лёни я разработал уникальную технологию производства стройматериалов из отходов (завлаб стройматериалов Минстроя, профессор сказала, что я либо сумасшедший, либо гений, но впоследствии стала соавтором). Отсудил квартиру, сделал ремонт, погасил кредит в банке под эту квартиру. Но... умер брат Лёни, меня вызвали в Апелляционный суд, где через 7 месяцев, а не 15 дней по закону, отменили прежнее решение суда в мою пользу, я пытался дёргаться, но тогда всё решали не только деньги, но и «авторитеты». Квартира была перепродана три раза, и концы в воду.

И опять подвалы, пьянки, на всё плевать: прокуратура продажная, суд куплен, по закону я не существую вообще, КГБ использовал в своих целях, блатные смеются, но тот – главный серый кардинал тронуть не посмел:

– Иди сюда.

– Да пошёл ты, пугай своих щенков, а я уже устал бояться, сам загрызть могу. (Спасибо, Григорьевич, не ломать им меня.)

И опять раннее утро, иду опохмеляться, скукожился под дождём, и мысль: «Кадет, ты воин и спортсмен, а ну распрями плечи, вспомни – как идёшь, так себя и чувствуешь». Меня как током ударило, пошёл к сестре, взял денег, мало-мальски поел, опохмелился и просто гулял по району своего детства и пытался что-нибудь придумать. И тут слышу:

– Да не плачь ты, всё решится, всё будет хорошо.

Это на районном рынке плачет интересная молодая женщина, а утешает её жена моего одноклассника. Мне стыдно подойти в непотребном виде, но тут моя знакомая отходит. И я решаюсь:

– Я могу чем-то помочь?

– Кто, ты? Да посмотри на себя, на рубль – иди опохмелись.

Удар ниже пояса, но она-то об этом не знала. Бегом к сестре.

– Ванну, мой последний костюм, галстук, дипломат заложи газетами и журналами поцветастее и позападнее.

Через час.

– Так могу я помочь?

– Ой, кто вы?

– Опохмелился на ваш рубль и решил его честно отработать.

А тут как раз подбегает моя знакомая.

– Славка, привет, какими судьбами? Слушай, помоги, тебя здесь все знают (да, действительно, за последние три года – все) у подруги проблемы. Грузчики вечером забрали в камеру хранения товар, а утром недостаёт одной коробки на 600 рублей, и всё ложится на неё.

Но я знал всю историю рынка, в своё время сам хотел купить его.

– Кто сказал? Саша? (когда-то работал на побегушках, а теперь директор рынка). Пойдём.

У Саши свой кабинетик и вид миллионера.

– Привет, Саша, у тебя продавец материально ответственное лицо?

– Ес.

– А грузчики?

– Ес.

– Так вот, делим на троих (впоследствии грузчики вернули деньги за проданный ими товар) 200 рублей (сестра дала, чтобы купил ей продукты) и эта девушка у тебя больше не работает (что я делаю?).

– Как? А прилавок кто соберёт?

– Грузчики.

И пошли мы втроём: я, знакомая и уже бывшая продавщица, в ближайший бар, где я выпил давно забытый кофе с коньяком и вспомнил, что у меня день рождения, мысленно попросил прощения у сестры и позвонил ей, нагло заявив: «Спасибо за подарок», но она всё поняла.

День рождения мы скромно праздновали, сидя за столом у моей новой знакомой, которая впоследствии стала моей женой и с которой мы основали Ассоциацию защиты прав бездомных и теперь пытаемся помогать попавшим в беду соотечественникам. Но это уже другая история. И она, пожалуй, будет страшнее предыдущей. Эта история отношений между государством и «прокаженными», то есть бездомными, и как постепенно менялся менталитет простых людей в понимании этого вопроса. История постепенного перехода от полного неприятия бездомных обществом и постепенной социальной адаптации последних. Не откладывая в сторону, читатель, этот рассказ, я попробую заинтересовать тебя и заставить задуматься над простой народной мудростью: «От тюрьмы и от сумы...» Итак, начнём.

Наутро после моего дня рождения моя будущая половинка поинтересовалась, чем я занимаюсь. Я не хотел лукавить, и на удивление она не восприняла это так, как воспринимали бездомных в середине 90-х, то есть как «прокаженных». Мы разговорились, и тут сама собой пришла идея – если государство не хочет, то почему сами бомжи не могут защитить свои права.

Через день я нашёл старых знакомых и вскоре уже имел паспорт. Ая-я-яй, как халатно было наше судопроизводство (по постановлению суда квартиру у меня отобрали, а вот забыли написать – «с обязательным выселением», то есть я имел право на проживание и прописку). Спорный казус, но я им воспользовался и другим совету.

Итак, первый кабинет.

– Простите, я хочу зарегистрировать общественную организацию по защите прав бездомных.

И началось... Я и сам работал «бюрократом» (кстати, от слова «бюро» – офис), но такого, простите, идиотизма я не встречал. Услышав слово «бездомные», клерки любого ранга шарахались от меня, как от монстра. Но это был уже спортивный интерес, и через полгода я стал руководителем такой организации. Я ликовал, получив учредительные документы, но «хождения по мукам» только начались.

Министерство социальной защиты, местные власти, финансовые учреждения не могли найти в нормативных документах пунктов помощи бездомным. Пришлось осваивать новые профессии: тележурналиста и частного детектива. В те времена тема бездомных была свежа, и два телеканала пошли навстречу, и мы отсняли два документальных 45-минутных фильма. Какой был резонанс! Вплоть до предложений создания «гетто» и социальных пунктов (спасибо). Я стал внештатником телеканала и достал такой документ, что даже вице-премьер о нём не слышал: оказывается, у нас в стране прописка 5 лет назад (в 1997 году) признана неконституционной. Пресс-конференция открыла мне двери всех министерств и ведомств.

Вторым этапом мы выбили пустующий подвал под склад гуманитарной помощи, тут проблем не было (ой, дурак!), пока подвал был загажен. Но стоило его облагородить, как встали на защиту «своей» площади жильцы дома. Два года мы отбивались от всякого рода кляуз, но вода камень точит – и бабульки, получавшие от нас гуманитарку, грудью отстояли нас.

И потекли «мирные будни», я даже не подозревал, сколько бездомных в нашем городе и каково к ним отношение. Сколько различных судеб и социально различных лиц «прошло» через нашу ассоциацию. Я готов с пеной у рта доказывать, что вопреки распространённому мнению бездомные пьют, потому что они на улице, а не на улице, потому что пьют.

Первый и потому самый яркий для меня случай. К нам за гуманитаркой обратилась пожилая бомжа. Мы проводили социальный опрос, и я разговорился с ней. О, Боже, женщине было едва 50 лет. В своё время она окончила Московский мединститут, имела кандидатскую степень и работала в ведомственной спецбольнице в нашем городе. Вырастила одна сына и в подарок к свадьбе разменяла свою трехкомнатную (напротив «серого» дома) элитную квартиру на двухкомнатную для сына и однокомнатную для себя. Но сынок был не дурак... и сдал в наем жилплощадь. С молодой женой переехал к матери, и началось... Заменял входные замки, лишая матери возможности попасть домой в выходные дни (невестка родом из деревни, и каждые выходные молодые уезжали). Через год она полностью оказалась на улице, а зимой холодно, вот и выручала водочка. Дальше – больше. Сыну было стыдно за мать, и он в прямом смысле выкинул её вещи на улицу.

Меня взбесила эта история, пригласили телеканал, репортаж прошёл по республиканскому TV, а кассеты я отправил сынку на работу и в «серый» дом по месту бывшей работы матери.

Спустя какое-то время я шёл по улице, и вдруг ко мне обращаются:

– Здравствуйте, вы меня помните?

Передо мной стояла моложавая, холёная женщина, дорого одетая, приятный парфюм, кто бы узнал в ней ту бомжиху?! В тот момент я понял, что не зря затеял это дело, и со временем собрал такую коллекцию типажей (художники, поэты, архитекторы, врачи, ИТР на производстве и т.д.)! Но это была внешняя сторона нашей деятельности.

– Чурик, побежали...

Через квартал от нашего склада находится недостроенное здание банно-прачечного комплекса, и бомжи там располагались на ночлег, а днём выходили на «промысел». Пожарные резервуары не были снабжены лестницами, и бродячие собаки, попав туда, умирали от голода, но, оказалось, такая же участь ожидала и бомжей – глубина три метра. Упав в резервуар, они по несколько дней не имели ни воды, ни пищи. Двоих я похоронил с диагнозом «заворот кишок», ведь после того как их вытаскивали, они ели всё подряд без разбору. Жаловаться? А кому? Кто будет разбираться в смерти бомжей, ведь их в природе не существует.

Следующим пунктом знакомства с представителями власти были альтернативники-карабинеры, то есть пацаны, не захотевшие служить в армии и предпочитающие патрулировать по улицам и «сшибать» у бабушек, торгующих сигаретами, мелкую мзду. Двигаясь по маршрутам, они выполняли «план по наведению порядка», а кого забирать? Да бомжей – всегда под градусом, да и вякать не будут. Ну и по дороге дубинкам не давали отдохнуть.

Я переодевался попроще и часто заглядывал в подвалы и на «точки» к бездомным, ну и меня не-

сколько раз забирали, а наутро – в суд. Благо, язык подвешен, да и юридической практики более, чем у всего опорного пункта. Ведь формулировка одна: «Сопrotивление при задержании и нетрезвый вид». Ну, «нетрезвый вид» очень легко «отбить» – обычно мы стояли у дешёвых забегаловок, имеющих лицензию на розничную торговлю спиртным, и никто не мог нам вменить общественную опасность. После моего вопроса: «А чем отличается выпивший в ресторане от выпившего в таком заведении», ни один судья не давал никакого наказания. Ещё проще – «сопротивление при задержании», на стандартную формулировку был стандартный вопрос:

– А сколько с такой формулировкой задержанных поступает из опорных пунктов? 99%.

Обычно судьи задумывались и редко кому давали наказание.

Третий пункт – общественность. К тому времени я уже был членом правления Конфедерации неправительственных организаций республики. Но и тут непонятки:

– Вячеслав Фёдорович, вас видели в таком непотребном виде, да и синяк у вас под глазом.

О Боже, да что я от Версаче полезу в подвал, а что касается синяка, я полковнику в отставке сказал, что он плохо читал Суворова – у меня синяк под глазом, а не шишка сзади на голове. На этом разговор и закончился.

Но самым интересным была даже не война, а так – стычка с местной администрацией. Умора! Чиновники захотели отобрать у нас склад. Я сказал, что не буду созывать митинги и демонстрации, а просто приведу в приёмную пару моих подопечных, и через 10 минут мы будем первыми и единственными посетителями, а через 30 минут надо будет вызывать дезинфекцию, и так будет, пока нас не оставят в покое. Подействовало.

А вообще-то каких только казусов не случилось. «Комсомолка» опубликовала статью под названием: «Интервью с главным БОМЖом республики – БОМЖ с мобильным телефоном и на “Мерседесе”».

Я не обиделся – реклама должна бить по глазам и ушам, а не то что памперсы да кариес. И этим приобрёл друзей в журналистской братии. Когда мы сняли сюжет в морге и как хоронят бездомных траншейным способом с помощью бульдозера, журналисты признали меня своим.

Ещё был случай – пригласили на пикник, продукты с рынка, пригласивший бомж утром выносил продукты на прилавок, а вечером заносил на склад, хозяин платил продуктами. Водочка, жаркое, овощи-фрукты, тушёное мясо, в общем, ностальгия по прежней жизни. А юбиляр бомж (мой одноклассник), ну, жук, на мясе-то сэкономил – собачкой накормил. Мне-то что, на Дальнем Востоке я с корейцами частенько общался, но что я имел от моей половинки...

Но была и негативная сторона. Многие бомжи так вжились в своё существование, что им помогают, что мне иногда приходилось применять силу. На складе ломали решетки, через самих же бездомных я находил виновных, и они в добровольно-принудительном порядке всё восстанавливали. Могли и ночью прийти домой с требованием, чтобы я пришёл на склад и выдал гуманитарку, пускали сплетни об использовании бездомных в своих целях, засылали проверяющих из представителей «общественности» и т. д.

Постепенно о нас узнали на всех уровнях власти, вплоть до вице-премьера, и стали считаться с нашим мнением и статистикой, так что наступил следующий этап моей деятельности – разработка и внедрение социальных программ. А для этого нужна отдельная специализированная структура, и был создан Центр социальных инициатив.

«Телефон доверия» – тема, заслуживающая особого внимания. Любой человек, попавший в сложную ситуацию, мог бы обратиться за консультацией и получить квалифицированный ответ. Но кто будет финансировать? В нашем государстве денег не нашлось ни в программах борьбы с бедностью, ни у частного бизнеса. Однако откликнулась миссия ОБСЕ, частично оплатившая расходы, дальше легче – с миру по нитке и год проект работал.

Благодаря давним знакомствам в Европе пригласил голландцев из социального фонда, зарегистрировался корреспондирующим членом FEANSA в Брюсселе – организация помощи бездомным в Европе, деньги под проекты есть, да кто ей даст. Дело в том, что наше государство и местные власти не имеют возможности размещения таких проектов – нет площадей. Абсурд – тысячи метров заброшенных и недостроенных зданий, но мне их не давали, и я терял спонсоров одних за другими. Беда не ходит в одиночку – появилась «Красная стрела», выкорыши богатых родителей, желающие «очистить город» от «прокаженных». Пацаны, до 25 лет, на дорогих машинах подъезжали к мусоркам и до смерти забивали бездомных. И это видели 13-летние подростки.

Мы жили на втором этаже прямо над проходным подъездом, и под козырьком (благо, с тыльной стороны дверь заблокирована) часто обитали бездомные. И вот в праздник Святой Пасхи соседи угостили семейную пару бездомных кто чем (это были безобиднейшие люди, в прошлом она инженер, он дальнбойщик), мы с женой «патронировали» их. И тут моя кричит:

– Слава, Риму бьют.

Подростки, завернув в целлофановые кульки камни, забивали их, и это в праздник Святой Пас-

хи?! Я как был голый по пояс, босиком через балкон на козырек, потом на землю. Поймал одного, но тут пошла в ход цепь старшего (лет 18). Спасибо, Григорич, мышцы спины борца выдержали удар, но паскуды убежали.

Всем двором мы отмывали и обрабатывали раны бездомных, но через неделю Рима умерла, Степаныч куда-то исчез, о нём до сих пор ни слуху ни духу.

Нет, подумал я, мы пойдём другим путём. В нашем городе есть спецприёмник для бездомных, но в таком состоянии... 200 лет назад там были расположены конюшни наместника Российской империи в нашем регионе.

Вот куда надо вкладывать деньги. На удивление, министр МВД подписал разрешение на совместное участие в проекте создания Центра реабилитации бездомных на базе спецприёмника. Дело за малым – оформить отношения сторон и заключить договор с муниципалитетом об аренде этого комплекса (здания муниципальные, и МВД само арендовало их). Проблемы с бездомными частично решались в масштабах города, но дела до этого никому нет. Документы готовы, ждем решения муниципалитета... Это, надеюсь, уладим, но как бороться с «Красной стрелой»?

Сегодня, как и всегда по средам, бесплатная банька для недееспособных спортсменов у Григорича, пойду потолкую...

Александр ВОЛКОВ

*Пьяные мысли, или мой ответ тем,
кто побывал на моих выступлениях.*

* * *

Я с Маяковским схожий рожей.
 Душой с Есениным похож!
 Ещё я многих потревожу
 За просто так, а не за грош!
 Пусть не всегда душа здорова,
 А тело с духом не в ладах –
 Я в сотый раз готов по новой
 Писать о прожитых годах!
 Я не умею веселиться
 И мне нельзя спиртное пить.
 Но если я хочу напиться,
 Не смей меня остановить!
 Не вы мне в детстве говорили
 Что можно мне, а что нельзя.
 Не вы писать меня учили,
 Указкой набожно грозя.
 Был долгов путь, чтоб к вам добраться...
 И вот я здесь – ваш Царь и Раб.
 Готов как штык в нули надраться
 И щупать всех сисястых баб.
 Я не ищу по-жизни славу!
 О ней мечтает дурачок.
 Но что в натуре не по-нраву,
 Отправлю в мусорный бачок!..
 Пущай, в одном и том же ходишь –
 Галимый свитер, да штаны:
 Я музам муж! Пегасам кореш!
 Я сын счастливейшей страны!
 Наморщю лоб. Нахмурю брови.
 Покуда терпят – здесь и жить
 И до последней капли крови
 России-матушке служить!
 А коль на Родине отвергнут,
 Под рэп пополнив мысль трек,

Родился 11 сентября 1987 года в г. Рязани. Первые стихи написал в восемь лет. Публиковался в десятках газет и журналов из различных городов России. Участник и победитель нескольких городских литературных конкурсов и вечеров.

Русская Земля

О нас, о поэтах нынешнего века...

Знать, и в Америке, от негров,
 Мне уважуха и респект!

Не плохо было бы этапнуть.
 И, будь что будет! Есть, что есть.
 Хоть там за труд, «зелёных» хапну,
 Чтоб ханку жрать и хреном тресть.
 А то и вовсе там останусь,
 Да манны с неба наловлюсь –
 Скоплю деньжат себе на старость
 И в Голливуде поселюсь.
 Снимусь в бессовестной порнушке:
 «Один кобель и сорок сук»,
 Что б обалдели все подружки,
 Те, кто ломались на досуг.
 Достану «Кольт» себе украдкой.
 «Роллс-Ройс» какой-нибудь, под статью.
 Так фарт встебёт по всем лопаткам,
 Что и пером не описать!..
 Нет, там не вякнут: «слабо воешь»,
 Хоть в масть поэту выпендрёж –
 Талант в могилу не зароешь!
 Не разменяешь! Не пропьёшь!
 Но если Русь меня надменно,
 К себе обратно позовёт...
 Беспрекословно, непременно,
 Я сяду в первый самолёт!
 Прощай спокойствие и скука!
 Рассейской жисти я хочу!
 Я полечу быстрее звука...
 Быстрее света полечу...
 И краснокожей паспартиной
 Махнув буржуйской сволоте,
 Вернусь домой,
 В свой край старинный,
 К убогой русской нищете.

2007 г.

* * *

Твои глаза – зелёная загадка...
А волосы, как шёлковая прядь...
И я готов всегда и без остатка
Тебе любовь и ласку отдавать.

Сто раз я восклицаю – ты чудесна!
Ты словно из тех сказочных девиц...
Твоя фигура – ангельски небесна.
Лицо твоё – сияние зарниц.

Я чувств и слов таить уже не стану;
Мысль новым откровеньем дорожит.
И сердце, успокоившее рану,
Тебе одной теперь принадлежит.

Пришла пора, и тёплыми лучами
Нас окропил малиновый рассвет.
Мы долго о судьбе своей молчали
И встречи этой ждали много лет.

Мы долго не могли с тобой решиться –
И в этом наша общая вина.
Но встреча непременно состоится,
Чего бы нам ни стоила она!

До вечера мы будем целоваться,
А тёплою вечернею порой,
Заверив никогда не расставаться,
Ты согласишься стать моей женой!

О, слово драгоценное: «Согласна!»
Кто счастью несказанному не рад?!
Ведь так порой, беспечно и прекрасно,
Огни сердец решенье говорят...

И всколыхнутся ласточки в поэте,
И встрепаются ангелы в душе:
Мы будем всех счастливее на свете,
Довольствуясь хоть раем в шалаше!

В кипящей правде множества историй,
Мы станем, словно не разлей вода,
Оберегать и в радости и в горе
Любви неугасаемой года!

Вот так и разгадаю я загадку...
Возьму от пряди тоненькую нить...
Тебе отдам себя уж без остатка
И буду до безумия любить.

2006 год, Рязань.

* * *

Посмотри на алмазы звёзд,
В этот космос тепла и мира.
Тихий лад, что певуч и прост,
Наиграла ночная лира.

Для того я присел с тобой,
Чтоб открыть тебе злую тайну:
Не любовник я, не герой.
Я поэт на пути случайный.

Милым людям, даруя свет,
Каждой ночью пишу бессонной
И горю первоцветом лет,
И чарую луной лимонной.

Я пишу, как звенит пурга,
Когда сердцу тревоги меньше...
Про родные пишу луга...
Про улыбки красивых женщин...

Ничего не бывает зря.
Но случайно, конечно, может.
Почему же ласкаю я
Твоих плеч золотую кожу?

Почему отвечаешь ты...
И намокла твоя овальность...
Потому что мои мечты
Воплотились теперь в реальность!

В океане нежнейших чувств
Бьётся сердце звучней и чаще.
Этот стройный, упругий бюст!
Эти губки, что мёда слаще!

Мы немного пьяны от вина,
Но друг друга хотим без сомненья...
Так отдай всё, что есть, сполна
И не прячь своего волненья!

Будь инфантой! Богиней будь!
Центром всех святых мирозданий!
Не стесняйся проникнуть в суть
Учащающих пульс желаний...

Стань мне той, что зайдёт за грань...
Стань мне той, кто излечит раны...
Путеводной звездой стань,
Ну а я твоим путником стану...

Стань мне счастьем! У цели успех.
Стань мне Музой! Музыкакой слова!
Стань мне самой святой из всех!
А к причастью душа готова.

Всё плохое уходит прочь.
Лишь доверься судьбе беспечной.
И покажется эта ночь
Бесконечной...

7 декабря 2007 года,
Рязань.

* * *

Алёне Болдиной

Помнишь, о тебе я написал
Грустное моё стихотворенье.
Сильно я тогда переживал,
Душу растерзав без сожаленья.

Милое и глупое дитя –
Ты не понимала строк неровных.
Надо мной смеялась и шутя
Не имела помыслов любовных.

Но однажды в старом шалаше
Мы с тобой весь день процеловались –
Чувства те, что были на душе,
Нашею любовью оказались.

Смех, конечно, первая любовь,
Кто её всерьёз воспринимает?
Только повторяю вновь и вновь –
Первая любовь не умирает!..

И поверь, Алёнка, чувства те
Будут вечно на душе храниться,
Только той ребяческой мечте
Никогда, по-моему, не сбьются.

Время всё расставит по местам.
Так и мы, взрослея, отвернулись,
Разорвав любовь напополам.
И дороги наши разминулись.

Много лет прошло и много зим.
Я решил тебе назначить встречу –
Снова о былом поговорим
В этот, словно в детстве, тёплый вечер.

Вспомним и о прошлом, и о нас –
Многое, чего нам вспомнить можно:
Как поцеловались в первый раз,
Как влюбились так неосторожно...

Прочитаю старые стихи,
Те стихи, где смысл прост и ясен.
 Попрошу прощенья за грехи,
Соглашаясь с тем, с чем не согласен...

Ну, прости, прости меня скорей,
Милая, любимая Алёнка,
Хоть за то, что в памяти моей
Ты – неповторимая девчонка!

Ну прости за тот неровный слог,
За мечту несбывшихся мгновений.

И за то, что больше я не мог
Написать тебе стихотворений.

Главное, Алёнка, – не стихи,
Не любви вселенской сладострастье.
Главное – прощенье за грехи,
Ты простишь меня – и это – счастье!

Знаю, ещё будут времена,
Разные по значимости годы,
Будут и другие имена
Из другого сорта и породы.

Но запомни – есть такой поэт,
Что поёт о чувствах без умолку –
Ты поймёшь по истеченью лет,
Кем же стал твой Александр Волков...

А тепло я всё же сохраняю..
Вновь тебя прижму и поцелую
И скажу как раньше, что люблю.
И скажу как раньше, что ревную.

*Май 2007 года,
Б. Шапово (Рязанская обл.)*

ТАКАЯ ОСЕНЬ

Идут дожди в краю родном,
И лес в уборе золотом
Блестит от влаги.
И птиц, стремящихся на юг
Прочь от грядущих зимних выюг,
Спешат ватаги.

Стоят скирды среди полей,
А ветер свищет всё сильней
И рвёт солому.
Сидишь, и выйти нелегко,
А выйдешь, так недалеко,
Поближе к дому.

А в доме вытоплена печь.
Перина взбита, можно лечь.
За дверью просишь.
И целый день как на цепи –
Устал сидеть, иди, поспи.
Такая осень.

Теперь уж так не погулять..
И мысль тоскливая опять
Мне сердце ранит.
Лишь взгляд уставится к окну –
Течёт дождинка по стеклу,
Влечёт и манит.

17 сентября 2007 года.

Нелли ЗИНОВЬЕВА

Родилась 25 апреля 1991 года в Бельцах. Окончила теоретический лицей им. Н.В.Гоголя. Писать начала еще в ранние школьные годы. Участница Республиканского слета лицеистов имени Н.В.Гоголя в городе Кишиневе. Научно-практическая работа, в проектировании которой она принимала активное участие, заняла первое место во время презентации проектов НОУ в области русского языка и литературы 2009 года. Учится в Современном гуманитарном институте (СГИ) и в Современной гуманитарной академии (СГА).

Балаклава

Вечерами, до конца недели,
Отдохнет мой разум подусталый,
И спокойный запах мускатели
Унесет меня на Балаклаву.

Проплывут и яхты с белой крышей.
Все пройдут, о красоте сей вторя.
Только скалы эти неподвижны –
Они пленники у дышащего моря.

И влюбиться можно, оглянувшись,
В эти призрачные старые красоты...
Мне б уснуть, а поутру, проснувшись,
Наблюдать неспящие высоты.

Где-то в бухте, ясной, потаенной,
Есть мой взгляд и клочок моей души.
Там любовь не станет приземленной –
Ей витать предписано. В тиши.

Севастополь

В душе есть слабость в этих разговорах,
В которых представляю я войну.
Кто не страдал среди морских просторов,
Того я в жизни просто не пойму.

По всем местам, где тонок слой земельный,
Залиты кровью, упомянуты в мольбе,
Уснули скалы, будто колыбельную
Им пели умершие на родной земле.

Притихнет все, лишь выстрелом метнется
Моя душа и улетит поодаль...
Я поклонюсь тем, кто уж не вернется,
Тем, кто стоял за белый Севастополь.

Молодые старики

Ты не заглядывай в глаза пустые
И на плечо мне руку не клади.
Мы вроде бы такие молодые,
А вроде и так много позади...

Не надо утешенья, бьют в виски
Мысли все о тленном роке...
Мы – молодые старики,
Кочующие под сирокко.

Хотелось бы услады, о, мой Бог,
В тенях стабильности прозрачной.
Но лишь ветра сбивают с ног...
К чему же вновь вставать напрасно...

Не стоит, не клади руки,
Не стынет эта боль, дрянная...
Мы – молодые старики,
Так и не познавшие Синая...

Муза

Она меня вносила в строки
Постепенно...
Затем с листа читала это
Очень скверно.
Потом хваталась за листы,
На пол бросала...
И если честно, то она
Слегка достала...
А завтра вспомню это я
У той кровати,
Где так кричала на неё:
«Довольно, хватит!»
Она обиделась, ушла,
Такая злая...
А я в окне её ищу...
По ней скучаю...

Работать и писать

Мне нравится, признаюсь, быть эстетом.
Над педантичностью работаю легко.
Мне суждено несчастным быть поэтом,
В предпринимательстве вот мне всегда везло.

Насущными проблемами питаюсь,
Стихом покуда сыта лишь душа,
Кривою безразличья занимаюсь:
Как же писать и жить не без гроша.

Я классику приемлю без сомненья,
Но спрос на классику, мне жаль, так не велик.
Хотят попсы, а не стихотворенья,
Народ не просит старых, новых книг.

Аплодисментов я не ем, не стоит хлопать.
Есть варианта два

забавы ради:

Работать и писать в тетради;
Писать и рядышком работать.

Совесть

Она питательна, полезна, черт б побрал
Тех, кто не ведал, не вкушал родимой,
Кто не сражался с ней непобедимой
И кто не прятался от ней за пьедестал.

Она не надоедлива, но гложет,
Она – по справедливости тоска.
Кто с ней живет, тех пусть и не тревожит,
Кого не мучила – пусть мучает всегда.

Умней не станут, а красивей, может...

Талисман

Мне снятся сны, мучительны, коварны,
Будто вокруг стремительно все вянет.
А рядом он, безликий, безымянный,
Ко лбу моему руку тянет.

И от чего последние две ночи
Мне снятся ссоры, слезы и обман?
Все от того, что лишь плохое хочет
Выгнать из меня мой талисман.

Он, как виновник моего страданья,
Виденье мне подарит вновь.
Ну а его чудесное название –
«Вера, надежда и любовь»

* * *

*(После посещения ресторана-кондитерской им.
А.Ахматовой в г. Евпатории, где некогда от-
дыхала А.Ахматова).*

1

Все позади, и я уже в трамвае,
Но так босой по городу б прошлась,
Людей и взглядов их не замечая,
А кто б спросил, тому не назвалась.

2

Неся в себе счастье, я тихо призналась,
Что это был лучший из всех ресторан.
Я всю свою жизнь сюда б возвращалась,
И этим я делала б только лишь малость,
Побыв в тех местах, где когда-то бывала она.

А знали б вы старый, но звучный рояль,
Что статно стоит среди полотен об Анне.
Та музыка душу вела по скале,
Теперь она стала слабее и рваней.

Теперь она бродит по этим местам,
Где юность Ахматовой Крым полюбила,
Где я этим летом недолго ходила
И волю дала безымянным стихам.

3

Мой взор устремился на люстру из писем,
На полку большого количества вин.
Едва разглядела немало витрин...
И каждый от этого будет зависим,
Ступив в это царство стихов и картин...

4

Я чутко поддавалась ощущениям
И вспоминала строки из стихов,
Стараясь не мешать своим движеньем,
Музыке несказанных мной слов.
И все вокруг внезапно замирало,
Ведь встреча с рестораном так желанна.
Я всю себя как будто отдавала,
Внутри произнося: «Ну здравствуй, Анна».

Юрий ИВАНОВ

Родился в 1962 году в поселке Рышканы на севере Молдавии. В 1986 году окончил Кишиневский политехнический институт им. С.Лазо, по специальности инженер-системотехник АСУ. Там же учился на факультете общественных профессий. Политолог, историк, религиовед. В последние годы занимается изучением и популяризацией духовного и культурного наследия русинов Молдавии. Неоднократный участник международных научных конференций, и автор ряда научных работ и публикаций по русинской тематике. Депутат законодательного собрания русинского села Нагоряны Рышканского района. Поэт, публицист, прозаик. Автор года – 2010 в номинации «Проза».

Песнь о вещем Всеславе и Белой Руси

1.

Пей, веселися, Белая Русь...

Пей, веселися, Белая Русь,
Радостью чаши звените!..
Вот запеченный, да в яблоках, гусь, –
Глупость за голод вините!..

Радость к нам, други, сегодня пришла,
Князю – надежда и слава:
Княжича нам судьба принесла –
Сына малютку Всеслава!..

Добрый нам год, друзья, настает:
Полны для хлеба амбары,
Солнце нам в мире утрами встает,
Нет у нас рати и свары!..

Добрый нам князь на столы подает –
Витязь, хозяин, заступник,
Нищим всегда на житьё он даёт,
Милость вкушает даже преступник!..

Слава княгине – Лебедушке – Паве!..
Богу угоден любви чистой плод!..
Будет нам счастье в Вещем Всеславе,
Беды уйдут – как нам пиво в живот!..

Чистое сердце – от счастья поёт,
Черное сердце – злобой хрипит,
Солнце – всем тварям с приветом встает,
Мудрый его не проспит!..

2.

Обращение Брячислава Изяславича, отца Всеслава, к Бояну и гостям

Был бы я голосом, словно Боян, –
Сам бы славу Руси Нашей пел,
Но не пшеница я в этом – бурьян, –
Против Бояна здесь никто не смел!..
Спой нам, Руси Нашей Славный Учитель,
Вещее Око – зрит Свет Небес!..
Спой нам, как Кайфа – Бога мучитель –
Дал серебро Иуде на вес!
Спой о далёких и жарких краях,
Где люди в перьях на скалах живут,
Спой о бескрайних и буйных морях,
Как девы-птицы погибель зовут!
Спой о туманах за дальней горой,
Где Святогор мощь Земли сторожит.
Спой, как весенней первой порой
Луч от Ярилы к людям бежит!
Спой нам о Древа Бессмертья плодах...
Спой нам, Отец, золотыми слогами
О тех далеких и славных годах,
Как наши предки рубились с врагами!
Есть ли на свете что краше Руси,
Есть ли нам место лучше под Богом?!
Спой нам, Отец, струной ороси,
Мы же – ответим вина полным рогом!..

3.

Ответное слово Бояна

Что нам другие, братья, страны?..
Спою я вам про Нашу Русь...
Её шептали стары раны,
Когда к вам плыл печеный гусь...

Я – русич телом и душой.
Мне Русь одна лишь – Белый Свет!
Была ты, Русь, всегда большой,
Хоть знала много мелких бед!

Добро бы зреть другие страны –
Ученье славит крепкий ум.
Но всех дороже сердца раны
И память за Отчизну дум!

Кому-то – пыль дорог милее,
Другим – роднее вёсел блеск,
А Нам – чтоб храм стоял белее,
Чтоб тих волны был у порога плеск!

Мы – здесь постигли Благодать,
Нам солнце – здесь уж веки светит!..
Всё можем мы другим отдать,
Когда Нас Русь – как чада встретит!..

Спою я вам про Нашу Русь,
Её шептали стары раны,
Когда к вам плыл печеный гусь!
Что нам другие, Братья, страны?..

4. Наставления князя Брячислава сыну

Светлый князь Наш Брячислав
Сына на коня сажал:
«Чтоб всегда, Мой сын Всеслав,
Конь под витязем ходил!
Будь всех воев впереди
В битве жаркой за Отчизну,
Но друзей – всегда щади,
Чтоб не справил сам ты тризну!..»

Храбрый князь наш Брячислав
Сыну меч-булат вручил:
«Чтоб всегда, Мой сын Всеслав,
Злых врагов ты им учил!

Подымай лишь за народ
Камнем точеный булат,
За великий Русский Род
Славе им постелешь плат!..»

Добрый князь наш Брячислав
Сыну жезл судьбы подал:
«Чтоб всегда, Мой сын Всеслав,
Слово в истине держал!
Не дели людей по злату,
Не серебром судья богат,
Чтоб входил ты в каждую хату,
Не стыдись рубах заплат!..»

Отвечал ему Всеслав:
«Все запомнил, Мой Отец!»
Пальцы сжал Наш Брячислав:
«Так лети же, Мой Птенец!..»

5. Юный Всеслав у матери-княгини

«Ой, Ты Матушка Моя,
Лишь Тебя я так люблю!..

Как легка рука твоя,
Когда пальцы тереблю!..
Разве есть что в свете краше
Твоих чистых светлых глаз?!.
Они – небо в перлов чаше,
Камень тусклый в них алмаз!..
Разве есть хоть что нежнее
Твоих теплых тонких губ?!.
Даже лалу кровь нужнее,
Даже шелк пред ними груб!..»
«Ах, ты глупый, Мой Всеслав,
Ты любви еще не знал,
Что пленяет мысли глав,
Что роняет в пыль и лал!»
Встретишь любу ты свою
И меня – в тот миг забудешь!..
А пока – тебе спою,
Как ты князем славным будешь...

6. Совет князя Брячислава со старым волхвом

Добрый князь Наш Брячислав
Волхва старого позвал:
«Я хочу, чтоб мой Всеслав
Мудрость высшую познал!..
Вам, волхвам, судьба открыта,
Вам, волхвам, гора – пенёк,
Сила грозная в вас скрыта,
Чтоб для сына ты извлек!..»
«Все исполню, Светлый князь,
Научу всему Всеслава:
Как судьбы плетется вязь,
Как куётся в битве слава!

Только... есть меня сильней
На Руси Златой Учитель,
Что вскрывает толщу дней,
Что грядущего строитель!

Ты – Бояна, князь, зови,
Что орлом пронзает тучи,
Волком до утра зари
На Днепра вбегает кручи!..»

Добрый князь Наш Брячислав
Вещего сладил Бояна:
«Ты – читаешь мысли глав,
Ты – следишь тропу Трояна!
Стань учителем Всеславу,
Двери мудрости открой,
Чтоб в века пустил он славу,
Чтоб творил судьбы покрой!..»

«Я – не Бог, о Светлый князь!
Не подвластны нам века,
Хоть плетём мы жизни вязь –
Все сметет времен река!..
Мыслям добрым научу,
Как прожить достойно годы,

Гусли старые вручу,
Когда мне на свет тот ходы...»

7.

Гадание Всеслава

Выйду, выйду в чисто поле
И Трояна позову...
Нынче – ветер я на воле,
Буду сам пытаться судьбу!..
Ой, Ты, Неба Повелитель,
Расскажи, что ждет меня,
Покажи, судеб строитель,
Как там сложится моя!
Ты не прячь судьбу-злодейку –
Оголи мне девы стан,
Чрез времен златую лейку
Погляжу в очей туман!
Буду ль я Руси владыкой?!
Буду ль в Киеве сидеть?!
Иль пробитый острой пикой
В травах буду коченеть?!
Будет слава мне чрез веки,
Буду ль сам ее вкушать,
Смогут лет грядущих реки
Плыть ей к морю помешать?!
Выйду, выйду в чисто поле
И Трояна позову...
Нынче – ветер я на воле,
Буду сам пытаться судьбу!..

8.

Гадание Всеслава: ответ Трояна Всеславу

Расколосся круг небес,
Майской молнией разбитый,
Пал на тихий темный лес
Света столп огнем повитый!
На трёхглавом скакуне
Сам Троян вдруг появился:
«Что хотел сказать ты Мне?
Вопрошай – не зря явился!..»
«Ой, Ты, Неба Повелитель,
Расскажи, что ждет меня?..
Покажи, судеб Строитель,
Как там сложится моя?!»
«Внемли Мне, мой славный князь,
И смотри, коль что поймёшь...
Нынче – злато, завтра – грязь,
Коль себя ты не уймешь!..»
Расступились стены ночи,
Стало видно до морей,
Разглядели князя очи
Даже рая блеск дверей!
Клюкой, подстегнув коня,
Прыгнул Бог на Киев-град,
Вздулись реки, брег пеня,
Задрожал под князем ад!

Вот стола Троян коснулся –
Злата киевских владык,
Волком серым обернулся
В ночь, пуская грозный рык!
Зверем прыгнул из Белграда,
След покрыв тяжелой мглой,
И пронзил врата Новграда
Пастей трёх зубов иглой!
Прыгнул волком до Немиги,
Где людей – как сноп кладут,
С душ снимают тел вериги
И в гробы на брег несут!..
Прежним ликом свет творя,
Вновь пред князем встал Троян:
«Мне пора – уже заря
Золотит дорог бурьян!
Сам судьбу ты испытай,
Жребий твой я осветил,
Больше Небо не пытай,
Не тревожь там ход светил!..»
Долго, долго князь Всеслав
Травы в поле том топтал...
«Был ли Бог Великий прав?..»
Про себя всё князь шептал.

9.

Всеслав после гадания пришел к Бояну

«Ой, Ты, вещий Мой Боян,
Сон мой чудный разгадай:
Снилось мне, что Бог Троян
Показал дорогу в рай!..
По судьбе моей волком
Серым за ночь пробежал
И столбы по ней силком
В пыль годов моих сажал!
Но... не верю я богам –
Боги жаждут подаянья!
Сам я волком по ночам
Покоряю расстоянья!..»
Только чуть Боян взглянул
На лихого в деле князя,
Гусли стары протянул,
С лавки стеленной не слая:
«Как струне без рук не петь –
Так без Бога нет судьбы!..
Будешь многое терпеть
Там, где Он забил столбы!..»

10.

Спор Всеслава с птицей Гамаюн

Ой, ты, птица Гамаюн,
Что в лесах родных кричишь?..
Что ты, кот лихой Баюн,
По ночам в норе ворчишь?..

Не зовите мне печали,
 Не пророчьте славе дым,
 Меня – волхвы обучали
 Под шатром небес седым!
 Я от матери гаданьям
 Всем научен до конца,
 Я закрыл пути страданьям
 Силой прадедов кольца!
 Мне с далекой Палестины
 Перст святого привезли,
 Мне лоскут Христа холстины
 Сквозь неверных провезли!
 Я – судьбы своей владыка,
 Я – Руси Великий Князь!
 Не страшусь богов я лика,
 Не паду пред ними в грязь!
 Ой, ты, птица Гамаюн,
 Что в лесах родных кричишь?..
 Что ты, кот лихой Баюн,
 По ночам в норе ворчишь?..

11.**Встреча Всеслава
с будущей женой**

Как-то ехал князь Всеслав
 По камням родного града,
 Шапки все снимали с глав
 И клонились до упада.
 Шла тут девица одна
 Князю грозному навстречу,
 Словно сосенка, стройна,
 Будто стяг в жестоку сечу!
 Не склонила головы,
 Даже глазом не моргнула!..
 Словно груша булавы
 Князя под ребро боднула!
 «Что ж ты, девица-краса,
 Мне поклоны не кладёшь?!
 Я – судьбы твоей коса,
 И меня не обойдёшь!»
 Смело девица взглянула
 Князю грозному в лицо,
 Сердце витязя стянула
 В губок девичьих кольцо!
 «Я лишь батюшке-отцу
 Доверяю жизнь младу,
 Я – лишь церквушки крыльцу
 По утрам поклон кладу!»
 Растерялся грозный князь
 Под девицы строгим взглядом
 И сошёл с коня тут в грязь
 Перед стольным белым градом!
 «Ой, ты, девица-краса,
 Стань же Любой Драгой мне,
 Ты на камень мой коса,
 Без тебя – сгорю в огне!..»

«Ты – у батюшки проси,
 Ты – пред Господом клянись,
 Вот тогда хлеба коси,
 Вот тогда ко мне тянись!..»
 Как бескрайне сине море –
 Так шумит наш Полоцк-град,
 Жизни доброй – и не в горе,
 Свадьбе князя русич рад!

12.**На пиру у Всеслава Полоцкого**

Крепким мёдом полнят чаши –
 Князь Всеслав всем пир даёт!..
 – Хороши дела, брат, наши –
 Солнце тихо нам встаёт!
 Наливайте, добры люди,
 Застоялся в бочках хмель!..
 Но не лей, браток, на груди –
 Рано нам живот на мель!
 Пышут жаром пироги –
 Как щека жены румяны!..
 Ой, не будьте к нам строги –
 Все на пире безымянны!..
 Рыба в блюде – что ладья,
 А хребет – что парус яркий!..
 Далеко ль с водой бадья? –
 День-то нынче, братья, жаркий!
 Вот и гусь к нам, брат, плывёт,
 Глазом желтым нам моргает!..
 Не ложи на стол живот –
 Он жену мою пугает!
 Ой, ты, любя, помолчи –
 Дай сказать тяжелой чаше!..
 Ну, браток, ты – не мычи –
 Славь житее под князем наше!
 Здрав века будь, наш Всеслав,
 Многи лета и княгине!..
 – Ой, браток, совсем ты слаб –
 Спишь уже в хлебов мякине!..

13.**Возведение храма Софии Полоцкой**

Собирайся, весь народ –
 Храм навеки будем ставить,
 Здесь, у чистых хладных вод,
 Бога вечно будем славить!..

Князь Всеслав серебро даёт,
 Топоры, столбы и пилы!..
 Солнце – в мире нам встаёт,
 Не жалея же, Братец, силы!..

Камень, плинфу – подавай,
 Разомни плечо, бездельник!
 Резвым – нынче каравай,
 А ленивым – в понедельник!..

Гнут железо кузнецы,
Злато топят живописцы;
В деле добром – все жнецы!
Точат перья борзописцы...

Софья – Мудрость Белу Русь
Озарил вечным светом!..
Русич Добрый – жить не трусь –
С Нами Бог – зимой и летом!!!

14.**Величальная Софье Полоцкой**

Как Ты, Софья, величава,
Как нарядна, как стройна!
Ты – Руси Всей Белой пава,
Сердца русского струна!

Ты Двине волне седой
Путь на Полоцк Древний метишь,
Ты душе в Христе простой
Свечкой к Богу ярко светишь!

Многоока, семиглава,
Духа Русского Краса!
Бога Вечного Ты слава,
Что сошла с небес в леса!

Ты сияй нам, Софья, веки,
В сердце – мудростью свети,
Чтоб текли к нам счастья реки,
Чтоб не сбились мы с пути!

Многоока, семиглава,
Духа Русского Краса!
Бога Вечного Ты Слава,
Что сошла с небес в леса!..

15.**Вещий Всеслав на коне веселился**

Вещий Всеслав на коне веселился:
«Эй, подходи ко мне, честный народ!
Есть среди вас, уже народился,
Тот, кто со мною пройдёт бездны вод?!

Кто за короткую ночь путь проскачет
До Новгородских железных ворот?!
Кто здесь услышит, как девица плачет
Там за любимым, что скрыл поворот?!

Кто добежит до Тмутаракани
Прежде Ярилы чрез степи, леса,
Не разжимая на волке злом длани,
Куры утащит, как хитра лиса?!
Кто богатырским, да первым же скоком
Прыгнет чрез Софьи злачену главу?!

Кто, молодецким кипя в жилах соком,
Бросит чрез реку Двину булаву?!

Молча застыл Полоцк славный от чуда:
«Разве сие человеку дано?!»
Нет всё же в мире добра да без худа,
Бог лишь вкушает бессмертья вино!..

Вышел пред Князем Вещий Боян,
Тронул печальной усмешкой он губы:
«Камни – крошит придорожный бурьян.
Мёртвый – услышит лишь ангелов трубы!..

В теле, да храбром, веща душа
Многое может под небом вершить,
Но, как и все – уснет не дыша,
Богу дано лишь всё завершить!»

Вещий Всеслав на коне вдруг затих...
Долго шептался добрый народ...
Вот уж и Полоцк в ночи приутих,
Князь же смотрел всё на зеркало вод...

16.**Обращение Всеслава к народу**

Бронью кованой звеня,
Стал Всеслав на лобно место:
«Слушай, Полоцк Мой, Меня –
Бог почал Святое Тесто!..
Я – Руси Всей Белой Князь,
Вас – Собратьями зову!..
Хватит лить всем свиньям грязь
На Руси Златой главу!..

Я держу Руси края,
Закрываю путь врагам,
А меня родня моя
Не пускает и к ногам!

Иноземцы ей лишь любы:
Греки, немцы и варяги,
Их целует сладко в губы,
Им вручает дедов стяги!
Там, где Киев – стал Царьград,
Сеть раба на русской воле!

Где, скажите, русич рад
В доме отчем доброй доле?!

За обычай старины,
За великих предков славу
Я сниму с меча ножны
По старшинства крови праву!..

Вы со мной, Мои Орлы?»
Постоим за Мать-Отчизну!!!
Храбрый – пьет вино хвалы,
А врагам – мы справим тризну!!!»

17.**Ночные хождения Всеслава**

Волком серым обернусь
В синей мгле тумана
И на север повернусь,
Где отца болела рана...

Ой, Ты, славный Новоград –
Вольных витязей столица,
Хоть Ты нам совсем не рад,
Но моя согнёт Тебя десница!

Я железо твоих врат
Пастью волчьей поломаю!
За позор отца стократ
С должников я долг взимаю!

Спи, холеный Новоград,
Волка поступь не разбудит...
Ждёт Тебя в грядущем ад,
Полоцк славу здесь добудет!

Я – судьбы своей владыка,
Я – Руси Великий Князь,
Не страшусь богов я лика,
Пред людьми – не лягу в грязь!..

Мне пора – заря грядёт,
Жди, Новград, со мной свиданья!..
Всё к нам вовремя идёт:
Смех, и радость, и рыданья!..

18. **Празднества в Полоцке после победы под Новгородом**

Величальная

Славу бьют колокола,
Что поход нам подарил!..
Наша сталь не подвела, –
Бог Победой озарил!..

Пал железный Новоград!..
Разнесли мы в прах врата!..
Вольный русич делу рад, –
Правда лживая взята!..

Сам Всеслав в золотой броне
На коне орлом сидит!..
Слава храброму вдвойне,
Что ветрам в лицо глядит!..

Бейте крепко в добру медь!..
На столы – серебро давай!..
Навались дружней на снедь!..
Чаши – полно наливай!
За Всеслава – пей до дна!..
За Руси Всея Белой Свет!..

Не жалея, Браток, вина!..
Князю – сотню добрых лет!!!
Славу бьют колокола,
Что поход нам подарил!..
Наша сталь не подвела, –
Бог Победой озарил!..

19. **Ярославичи (братья Изяслав, Святослав и Всеволод) двинулись на Белую Русь в отместку за Новгород**

Ветры злые дуют с юга,
Звери пришлые рычат,
Закрывает солнце вьюга,
Птицы черные кричат!

Тяжко лед гудит на водах, –
Кони бьют там копытом!
По лесным замерзшим ходам
Волки движутся гуртом!

Ярославичи во злобе
Белу Русь идут пытаться:
«Хорошо ль Красе-Зазнобе
Со Всеславом дни считать?..»

Чем так сладостен он женам? –
Мы получше женихи!..
Ой, печали быть здесь, стонам
За его судьбы грехи!..»

Ветры злые дуют с юга,
Звери пришлые рычат,
Закрывает солнце вьюга,
Птицы черные кричат!

20. **Солнце светит в окна ярко**

Солнце светит в окна ярко,
Будит Полоцк – стольный град...
Кровь бежит по жилам жарко –
Жизни доброй русич рад!..

У крыльца с коньком резного
Сам Боян в лучах сидит,
Полный думами иного
На реку Двину глядит!..

Вот подходит князь Всеслав –
Белой Всея Руси владыка,
На крыльцо ногой он стал,
Тенью скрыв покрой лика.

«Ты, Кудесник, Мой Боян,
На струне мне погадай:
Разобью ли вражий стан,
Иль – с друзьями в вечный Рай?..»

Положу ли вражды стяги
 К Софьи Полоцкой крыльцу,
 Буду пить хмельные браги,
 Всем творя хвалу Отцу?..»
 Тихо тронул волхв Боян
 Крепким пальцем нить струны:
 «Славу ждёт всегда бурьян,
 Жизнь – для смерти бороны!..
 В битве, Князь Мой, шевелись,
 Чтоб глава не пала с плеч!
 Лучше – Богу помолись.
 Не Тебе удача в меч...»
 Солнце светит в окна ярко,
 Будит Полоцк – стольный град...
 Стало князю в жилах жарко,
 Но... не солнцу был он рад!..

21.**На Немиге-речке**

На Немиге-речке тёмна вода,
 На Немиге-речке чёрна беда:
 Там брат на брата с бранью пошел,
 Там русич добрый горе нашёл,
 Там костью русской ложат брега,
 Там братья в братьях видят врага!

На Немиге-речке цепи свистят,
 На Немиге-речке крови хотят,
 На Немиге-речке валят снопы,
 На Немиге-речке братья слепы,
 Там стелют смертное ложе для всех,
 Там нынче время бранных утех!..

На Немиге-речке Вещий Всеслав
 Рану глубоко дланью зажал:
 «Лучше б ты, калёна, остра стрела,
 Сердце бы насквозь жалом прожгла!
 Лучше б я не видел битвы такой,
 Лучше б в Немиге пил я покой!

Ой, Ты, Бела, Белая Русь,
 Здесь я навеки с друзьями прощусь,
 Здесь много добрых людей положил,
 Лучше б до этого дня не дожил!
 Ой, Ты Вещий, Вещий, Вещий Боян,
 Славе моей напророчил бурьян!..»

На Немиге-речке белый туман,
 На Немиге-речке в сердце обман...
 На Немиге-речке чёрна печаль
 Слову поэтов дарит вуаль!..
 Нет давно в мире речки такой,
 Но поэтам рушит ночью покой!..

22.**Пересуды в Киеве после клятвopеступления**
**Ярославичей и обманного
 пленения Всеслава
 С издевкой**

Вот какое нынче чудо
 Завелось на Руси:
 Лгать с крестом – уже не худо!
 Бес – скорей хлеба коси!

– Разгулялась ложь по праву, –
 Стали сердцем зла черней,
 Хоть поём Христу мы славу, –
 Бесу служим мы верней!

– Хоть Всеслав полуязычник,
 Но Христа он свято чтит!..
 Пусть наш Киев всем отличник, –
 Бог нам клятву не простит!!!

Вот какое нынче чудо
 Завелось на Руси:
 Лгать с крестом уже не худо,
 Бес – скорей хлеба коси!..

23.**Стражники, стерегущие Всеслава в порубе,
 потешаются над ним****С издевкой**

Где же дар твой, князь Всеслав? –
 Ты пройди лисой решетки,
 Просвисти среди наших глав
 Телом жарким гневной плетки!..

Или птицей упорхни
 В небеса от слез седые! –
 От такой лихой брехни
 Дети тешатся младые!

Может, волком зарычишь,
 Путьев сталь клыком ломая?..
 Что, наш князь, ты так молчишь? –
 Иль не тешат песни мая?..

Иль Софии дальний звон,
 Как гласят, ты нынче слышишь?..
 Я вот слышу твой лишь стон!..
 Что так тяжко, княже, дышишь?..

Где же дар твой, князь Всеслав? –
 Так разрушь дубовы стены,
 Просвисти мечом среди глав
 И пусти кровавой пены!..

Где же дар твой, князь Всеслав?..

24.**Ответ Всеслава стражникам**

Все дары мои – при мне!
 Плата будет вам большая,
 Когда встанет солнце в дне,
 Дерзость с робостью мешая!..
 Мне и волк, и вепрь – что брат,
 С ними ждет меня свобода,
 Ну а вам – свинья лишь сват,
 Что под нож пойдет до года!
 Я орлом бы мог взлететь
 Под седые небеса
 И пройти любую сеть
 Тише, чем в ночи лиса!
 И стену могу сломать,
 В прах дубы ее мешая,
 И с мечом пройти сквозь рать,
 Храбрых мужества лишая!
 И Софии слышу звон,
 И в Двине всех рыбок плеск!..
 Будет в Киеве злой стон
 И копья над вами блеск!
 Но Христу я дал завет
 Чтить не Силы – а лишь Бога,
 И Его я жду ответ
 На мои мольбы за многа!
 Все дары мои – при мне!
 Плата будет вам большая,
 Когда встанет солнце в дне,
 Дерзость с робостью мешая!..

25.**Половцы во главе с ханом Шаруканом
внезапно напали на русскую землю**

Братья!.. Половцы идут
 На золотой наш Киев-град!..
 Здесь погибель все найдут!..
 Будет князь наш делу рад!..

Ярославичи-орлы
 Не дадут нам, брат, пропасть!..
 Наши грады – что перлы, –
 Не позволим грабить власть!..

Добрый нынче воям путь,
 Быстрый шаг стальным коням!
 До победы, ветры, дуть!!!
 Слава доблестным князьям!!!

Братья!.. Половцы идут
 На золотой наш Киев-град!..
 Здесь погибель все найдут!..
 Будет русич делу рад!..

26.**В Киеве после поражения Ярославичей
на реке Альте**

Открывай скорей врата, –
 Ярославичи бегут!..
 Нынче к нам судьба не та!!!
 Завтра воры будут тут!!!

Проиграли смертный бой!..
 Половецкий меч длинней!!
 По лесам волков всех вой!..
 От ворон поля черней!!

Ярославичи-орлы –
 Словно куры под лисой!..
 Наши грады – в грязь перлы
 Под врага ногой босой!!

Открывай скорей врата, –
 Ярославичи бегут!..
 Нынче к нам судьба не та!!!
 Завтра воры будут тут!!!

27.**Киевляне бросились к князю Изяславу,
чтобы он дал им коней
для защиты Киева**

Дай нам, князь, скорей коней!..
 Сами будем град спасать!!
 А тебе, наш князь, – свиней
 Во хлеву мечом чесать!!!

Во хвальбе ты первым был!..
 А теперь – как лист дрожишь!!
 Чуть поганый волк завыл,
 Ты – как хряк во двор бежишь!!!

Наши славные князья –
 Лишь курей к столу щипать!..
 Мы им, братья, не друзья, –
 Лишь себе серебро клепать!!

Русич им давно не брат!..
 Иноземцы им лишь сваты!!
 Грек милей к столу стократ!!!
 Рылом, брат, мы черноваты!..

Им рабов милей видать!..
 На Руси – ярмо да клеть!!
 Слезы нам при них глотать!!!
 И вкушать к столу лишь плеть!..

Дай нам, князь, скорей коней!..
 Звать к мечу пора Всеслава!!
 А тебе, наш князь, свиней
 Мыть в хлеву настала слава!!!

28.

**Бояре советуют князю Изяславу
убить Всеслава**

Свет – Наш Князь!.. Скорей убей
Волхва черного Всеслава!..
Колдовство его развей, –
Иль твоя погибнет слава!!

За него народ встает,
Двери терема ломая!
И ему хвалу поет,
На престол твой призывая!!

Пусть к окошку подзовут
Хитрым словом тонкой лести
И мечом в тот миг проткнут,
Навсегда лишая мести!..

Свет – Наш Князь!.. Скорей убейё
Волхва черного Всеслава!..
Колдовство его развей, –
Иль твоя погибнет слава!!

29.

Народ освобождает Всеслава из поруба

Эй! Скорей ломай поруб!..
К делу остры топоры!..
Залежался старый дуб!..
Всё в покое до поры!..

Навались дружной плечом!..
Полно, князь, тебе вздыхать!..
Будешь ты ещё мечом
Среди половцев махать!..

Русь Златую защитишь!..
В бой нас смело поведешь!..
На врагов смертельную тишь
Ярым оком наведёшь!..

Эй! Скорей ломай поруб!..
К делу остры топоры!..
Залежался старый дуб!..
Всё в покое до поры!..

30.

**Народ прославляет
Всеслава на княжение**

Слава Вещему Всеславу!..
Да живёт Наш Князь века!!
Занимай наш стол по праву, –
Киев-Русь твоя река!..

Средь князей Ты – первый есть!..
Старший брат Ты всей родне!!
Сохранил Ты статью и честь
В свары княжеской родне!..

Твой отец здесь двор имел!..
Прадед – Киев наш златил!!
Не напрасно Ты терпел!!
За венец Ты заплатил!!!

Слава Вещему Всеславу!..
Да живет Наш Князь века!!
Занимай наш стол по праву, –
Киев-Русь твоя река!!!

31.

Обращение**Всеслава к народу Киева**

Слушай, Киев Мой Златой!..
Слушай, века повелитель!..
Я – не князь, а рус простой,
Бог лишь в мире Победитель!..

Дал Христу я мой завет
Чтить не Силы – а лишь Бога,
Получил Его ответ
На мои мольбы за многа!..

Русь – одна Нам, Братья, Мать,
Киев – всей родне Отец!..
Что нам надо больше знать,
Чтоб снискать златой венец?!

Защитим же, Братья, Русь,
Ведь Она – одна у Бога!!!
Русич Добрый, – жить не трусь, –
К славе Нам всегда дорога!!!

Пояснения

1. Вещий Всеслав – князь Всеслав Брячиславич Полоцкий (1044-1101), был сыном Брячислава Изяславича Полоцкого (1001-1044) и внуком Изяслава Полоцкого – старшего сына Владимира Красно-Солнышко (Владимира I (980-1015) – киевского князя, при котором в 988 году на Руси было введено христианство) от Рогнеды – полоцкий княжны. О нем сохранилось не так уж много достоверных исторических сведений, ибо летопись его княжения не дошла до нас, а Полоцкая летопись, принадлежавшая в начале XVIII века архитектору П. М. Еропкину, к великому сожалению, погибла. «Повесть Временных Лет» говорит о нем с осуждением: «егоже роди мать отъ вольхования ... сего ради неми-

лостивъ ест на кровопролитъе». Однако князь Всеслав вызывал у современников не только страх и осуждение – им восхищались, а народные массы его любили и боготворили.

Считается, что Всеслав явился зачинщиком ряда междоусобиц, видимо, сочтя несправедливым решением Владимира I, что полоцкие князья должны ограничиться своим Полоцким княжеством, так как генеалогически был старше всех современных ему русских князей и имел самые большие права на Киевский стол. В 1067 г. Всеслав захватывает Новгород, который не сумел взять в 1024 г. его отец – Брячислав Изяславич, первый реально проявивший недовольство полоцких властителей. Против него выступили братья Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи. Они взяли в отсутствие Всеслава Минск и жестоко расправились с его жителями. От Минска Ярославичи направились к городу Немиге (г. Немига – между Дрютеском и Оршей). На реке Немиге (р. Немига, как полагают некоторые ученые, была притоком р. Свислочи, но эта речка высохла и забылась) 3 марта 1068 г. произошла битва, в которой, согласно «Повести Временных лет», победили Ярославичи, а по некоторым другим источникам – поле осталось за Всеславом. После битвы Ярославичи предложили мир, пригласили Всеслава к себе в с. Оршанское, и все три брата, поклявшись («целовавши крестъ честный»), заверили его, что не причинят ему вреда. Но, как только Всеслав с двумя сыновьями переехали Днепр, все они были схвачены, отвезены в Киев и посажены в погреб («поруб»). Все это произошло в 1068 г. В том же году на Переяславское княжество напали половцы. Войска трех Братьев Ярославичей были разгромлены на реке Альте, а половцы во главе с ханом Шаруканом стали опустошать Киевскую землю. Киевляне потребовали у Изяслава выдать им оружие и коней, в чем Изяслав отказал им. Тогда киевляне восстали, освободили Всеслава и провозгласили киевским князем. Изяслав бежал в Польшу. Весной 1069 г. Болеслав II с польским войском вместе с Изяславом двинулся на Киев. Всеслав с войском выступил навстречу и остановился в Белгороде. Всеслав не надеялся и не хотел утвердиться на киевском столе и ночью тайно бежал в Полоцк, откуда его вскоре выгнал Изяслав. В 1071 г. Всеслав вернул себе Полоцкое княжество, до 1083 г. продолжались его войны с Ярославичами, в 1077-1083 гг. – с Владимиром Мономахом. Умер Всеслав в 1101 г. О Всеславе – Волхве Всеславиче, были созданы впоследствии былины, обнаруженные, в 1860 году на русском севере, сосланным царским правительством русским ученым П. Н. Рыбниковым. О нем с большим сочувствием говорит автор «Слова о полку Игореве», возвеличивая смелую душу князя и сожалея о тех бедах, которые выпали ему на долю. Всеслав изображается то серым волком, в одну ночь пробегающим от Киева до Черного моря, то волшебником, слышащим звон полоцких колоколов в Киеве, то «лютым зверем», исчезающим из осажденной крепости в синей полумночной мгле. Князь – волхв, князь – оборотень, каким он рисуется в летописях и песнях, владел умами людей XI века и продолжает владеть умами людей и в XXI. В этом легко убедиться: достаточно открыть в Интернете раздел с именем «князь Всеслав Полоцкий» – огромные размеры и количество ссылок впечатляют.

2. Вещий Боян – Боян упоминается только в «Слове о полку Игореве». В других древнерусских сочинениях, например, в летописях, о нем ничего не говорится. Боян изображается в «Слове» как известный замечательный поэт, воспевающий давние времена, слагатель изустных сказаний, песен, причем исполнение своих песен он сопровождал игрой на гусях. Большинство ученых считают, что Боян жил в XI-XII вв. Однако существуют толковинские тексты (автор уже неоднократно делал научные сообщения, см. напр.: Ю. В. Иванов. Некоторые комментарии к «Слову о полку Игореве». – Славянские чтения. Выпуск 4. – Кишинев, 2007. С. 101-102.), говорящие о Бояне – великом маге, волхве и сказателе, сыне болгарского царя Симеона (893-927), ставшего под конец своей неимоверно долгой жизни учителем и наставником Всеслава Полоцкого. Именно эта повествовательная линия взята автором.

3. Птица Гамаюн. – Мифическая птица древнерусских сказаний с лицом женщины, изрекающая, как правило, тревожные пророчества. Изображена на картине В. Васнецова.

4. Кот Баюн. – Волшебный кот древнерусских сказаний, живущий, как правило, в глубокой норе под тысячелетним дубом. Своим мурлыканьем, часто переходящим в человеческий голос, он способен заморочить, «убаять» и даже погубить любое живое существо. Он также может пророчествовать, рассказывать байки и сказки. Именно этот образ – кота, рассказывающего сказки, запечатлен А. С. Пушкиным в бессмертной поэме «Руслан и Людмила».

5. Бог Троян. – Древнеславянский, древнерусский языческий бог дохристианского периода, о котором говорится в древнерусском апокрифе XII в. «Хождение Богородицы по мукам: «... Трояна, Хорса, Велеса, Перуна в богов превратили...» Имя Трояна четырежды упоминается в «Слове о полку Игореве», однако исследователи до сих пор не пришли к единому мнению по поводу его принадлежности. Автор уже в нескольких статьях говорит о Трояне «Слова» как о славянском божестве, сродственном Триглаву поморян из «Жизнеописаний Оттона Бамбергского». Основной этих публикаций стала информация, собранная в разные годы среди русинов и малороссов Молдавии, особенно в текстах их средневековых предков – толковинов (см.: Иванов Ю. Этническое самосознание русинов Севера Молдавии// Международный исторический журнал «Русин». – Кишинев, 2008. №4(10). С. 80-96.; Иванов Ю. Загадочные «Стрикусы» «Слова о полку Игореве» и мифология русинов Молдавии// Славянские чтения: Материалы научно-теорет. конф. – Вып. – Кишинев, 2009. С. 70-73; Иванов Ю.В. Загадочные «Стрикусы» «Слова о полку Игореве» и предания русинов Молдавии// Путивльский краеведческий сборник. – Вып. 5. – Суми: Університетська книга, 2009. С. 240-248; Иванов Ю.В. Древнерусский бог Троян и его чудесная история в толковинских текстах русинов Молдавии// Путивльский краеведческий сборник. – Вып. 6. – Суми: Університетська книга, 2010. С. 74-106). В древних текстах Троян изображался в виде трехликого царственного старца, воина или юноши, сидящего на чудесном трехглавом скакуне, умеющим за один прыжок преодолевать огромные расстояния. Троян почитался как владыка трех миров: небесного, земного и подземного, а также человеческих судеб.

Татьяна ДРАГУЦАН

*Восемнадцать лет. Учащаяся лица имени М. Греку.
Призёр конференции «Способность, труд, талант».
Увлекается журналистикой, фотографией, музыкой.*

Мой пролог

*«Наш путь – это строки и строфы..
Наша жизнь – это краски мира!»*

Снова ему

Слова эпитафий, грустные лица,
Печаль и молчанье смешались.
Слёзы льют с глаз, время проститься –
Тебя с нами нет, мне не показалось.

Застыло в воздухе время,
В голове масса скудельных мыслей,
И дождь размывает тени,
Что тебя рядом нет, мне трудно осмыслить –
Ведь сердца наши были в сплетенье.

Не играя больше сдержанной роли,
Я в отчаянье, разбиты надежды.
И, голос срывая, кричу я до боли,
И слёзы мочат одежду.

И вот он ушёл,
Словом мне жизнь и изменив характер,
Ушёл в мир иной, а не просто вон,
И, перешагнув ступень страха, словно актёр,
Умер, и не будет больше таких, как он!

О чём-то

Секунды, минуты, мгновенья,
Пролетают года, поколенья.
Химерично, обманчиво время,
Но это наш рок, наша ноша и бремя.
«Мы добились своего» –
Мир засыпан пылью,
Лишь страх в душе,
Жизнь осталась былью,
Все мысли в неглиже.

С каждым днём всё тише
Наши голоса.
Я уже не слышу,
Как стонут небеса.

Серые дороги и мокрые крыши,
Былая жизнь – это просто обман,
И люди прячутся, словно серые мыши,
Их рассудок окутал ртутный туман.

Всё, что осталось, – ядовитый дождь
И мокрый мусор на ветру.
По телу бежит холодная дрожь,
Но пройдёт и она, исчезнет к утру.

Мы добились своего –
Мир остался пустой,
Нет кроме нас никого –
Даже боль ушла с хрустальной слезой,
Мгла, пустота, впереди – ничего!

Двери рая

Разобьются слова о мелодии грёз,
Осыплется время осколками слёз,
Прольются крики в длинных реченьях,
Раскрошатся судьбы в несметных мученьях,
Изнеможет душа,
Заглохнет и сердце,
А я войду не дыша
В рая открытую дверцу...

Наше небо

Нет, у нас не беззвёздное небо –
На них просто некому смотреть,
Нет, не беззвёздное небо –
Просто некому восхищённо глядеть
Нет, не без звёзд наше небо –
Просто люди о звёздах забыли,
Не без звёзд наше небо –
Просто людям глаза пеленою закрыли.

У вас дождь, а мне солнечно

Утро. На улице уже двое суток идёт дождь. Кажется, будто небеса плачут холодным, чистым ливнем, омывая земские будни, пропитанные запахами бизнеса нефтяных магнатов.

Перед глазами пустая серая дорога, уходящая в неизвестность городских закоулочек. Мокрый асфальт. Как же невероятно пахнет эта серая, безжизненная гладь! Лёгкие облака вздымающейся пыли. Пустота утреннего города. Затянутое небо и миллионы хрустальных капель дождя – всё это поразительно прекрасно! Вдыхаешь потоки свежести, прохлады, ветер колышет твои волосы, играет лёгким вальсом на коже лица, кружит тебя в своих безумных танцах, беспечный, свободный, лёгкий, тёплый, он дарит тебе частичку себя и мчится дальше... Вдаль...

Стоишь и слушаешь шум дождя. Стук капель по карнизам, по листьям деревьев, хлопья по лужам, шуршание ручейков по асфальту. Всё смешалось в одну бесконечную мелодию лета. Вот и солнце начало проглядывать из-за густых туч, подсвечивать ноты «Дождевой сонаты» своими тёплыми яркими лучами. Каждая капелька теперь мерцает радужным светом. Создаётся впечатление, что небо осыпает на тебя радугой мелкими бриллиантами. Все разные, на друг друга не похожие. Хочется поймать их и спрятать куда-то в укромное место, как клад, до лучших времён, чтобы любоваться ими, когда грустно или тревожно.

Душевное умиротворение, блаженство, но в то же время сожаление чувствуешь, когда следишь, как эти маленькие, нежные капельки разбиваются о землю... но и не все долевают, некоторые, встретив на своём пути окна домов, ударяются о стекло и продолжают своё путешествие с небес, катаясь по зеркальной глади. Вид картины вокруг завораживает своей красотой и насыщенностью жизнью. Стоишь под этим бесконечным потоком и понимаешь, что жизнь прекрасна, что это игра, которая всё же стоит свеч! Стоишь, радуешься, внимаешь вкус жизни, озираешься вокруг и видишь бесконечно прекрасную планету Земля.

Зима

Затаив дыхание, я смотрю в окно, ведь за ним расстилается бесконечно прекрасный зимний пейзаж.

Создаётся ощущение, что ты стоишь там, где торжествует, над небом смеясь, белоснежная буря, застелившая своей шалью всё в округ, от земли до крыш домов.

Там, где красота летящих с неба снежинок затмевает даже блеск драгоценных камней.

Хочется поймать одну, и не за что, не дать ей растаять.

Смотришь на эту прекрасную звёздочку, упавшую с неба прямо к тебе в руки, и не веришь, что это творение природы, восхищаешься ею, неловко пытаешься коснуться этого хрупкого чуда...

А вокруг всё освещено светом заката. Солнце, погружаясь в волны неба, становится алым, как лепестки роз. Красные лучи сделали розовым упавший снег, чтобы успеть до прихода рассвета обогреть его прощальным светом. Затем замечаешь, как снег впитал в себя уже весь огонь угасающего солнца и как наливается ярким багрянцем пушистое одеяло зимы.

Солнце зашло, но свет не угас, ему на замену пришла серебристая луна. Под холодным лунным светом всё летят с небес миллионы голубых алмазов. Они падают и стелятся в прекрасный блестящий ковёр. Дорога уже вся ими усыпана, но её гладь нарушили несколько резвых снегурочек, что бегают в поисках еды. Их маленькие следы остаются ровными тропинками. Но через несколько минут их уже не видно, будто и не бывало тут никого.

Тихо вокруг. Дует густым потоком снежинок ветер, и хочется подставить лицо ему на пути, чтобы мелкие кристаллики оставались на ресницах, коже и волосах, чтобы медленно таяли от тёплого дыхания и оставались прохладными каплями... И кажется, что от этого не будет холодно.

Вот на землю спускается ночной серый туман, он поглощает весь блеск и красоту зимнего пейзажа... застилает улицу, как шторы театра сцену, будто говоря, что природа уходит в антракт.

Евгений НОВИЧИХИН

Поэт, прозаик, публицист, переводчик, кинодраматург. Родился в 1939 году в Воронежской области. Член Союза писателей России, член Союза кинематографистов России. Автор более сорока книг и трех киносценариев, по которым сняты художественные фильмы. Заслуженный работник культуры России. Лауреат конкурса «Золотые вилы» журнала «Крокодил», Всесоюзного конкурса переводчиков, литературных премий им. М.А.Булгакова, им. Платонова и др. Автор переводов на русский язык стихов для детей молдавских поэтов П.Керарэ, А.Чокану, В.Руснака, М.Чиботару, В.Кодицэ и др. В 2005 и 2006 годах в Кишиневе вышли в свет поэтические сборники П.Завитсаноса, переведенные Евгением Новичихиным. Участник международной конференции «Эпоха эллинизма: современность и актуальность», проведенной Академией наук Республики Молдова в 2005 году.

Осьминог

Ну и много,
 Ну и много –
 Восемь ног
 У осьминога!
 А на эти
 Восемь ног
 Нужно столько же
 Сапог.
 Без подсказки,
 Без подмоги
 Обуваться
 Мудрено:
 Перепутать
 Можно ноги
 С сапогами
 Заодно.
 Осьминог,
 Осьминог,
 Ты не путай
 Восемь ног!

Крокодила звали Нил

Для любого
 Крокодила
 Нет реки
 Милее Нила.
 Жил да был
 Крокодил.
 Крокодила
 Звали Нил.
 И другие
 Крокодилы
 В Ниле тоже
 Были Нилы.
 Нил сказал
 Однажды Нилу –

Не реке,
 А крокодилу:
 – Ну-ка, Нил,
 К соседям Нилам
 Ты плыви
 Скорей за мылом!
 Нил по-нильи
 В Ниле плыл,
 Нил по-нильи
 Был уныл.
 Нил по-нильи
 Долго ныл:
 – В нашем Ниле
 Каждый – Нил.
 Как найти
 Соседа Нила?
 ...Нил домой
 Приплыл без мыла.
 А без мыла
 С Нила Нил
 В Ниле ила
 Не отмыл!

Концерт

Целый день
 На ветках ели
 Две вороны
 Песни пели.
 «Кар-р» да «кар-р»,
 «Кар-р» да «кар-р»! –
 Вот и весь
 Репертуар!

Считалка

Две недели
 У сосны
 Два жука

Пекли блины.
 Две сороки
 Прилетели –
 Двух жуков
 С блинами
 Съели.

Буквы

Я умею
 Буквы сам
 Различать
 По голосам.
 У – гудит,
 Т – стучит,
 Буква – Ж,
 Как жук
 Жужжит.
 А – весёлая –
 Поёт,
 О – капризная –
 Ревёт.
 Р – рычит,
 М – мычит,
 Только
 Мягкий знак
 Молчит...
 Я умею
 Буквы сам
 Различать
 По голосам!

Перекресток

Муравей
 Тащил травинку –
 Проторил
 Себе тропинку.
 Жук гулял –
 И понемножку
 Протоптал
 Свою дорожку.
 По дорожке,
 По тропинке
 Мчать нельзя
 Во весь опор:
 Вон висит
 На паутинке
 Паучиха-светофор.
 Ты внимательней
 Смотри:
 Красный
 Глаз моргнёт –
 Замри!
 А моргнёт
 Зелёный –
 Снова путь
 Открыт для нас!

Тук-тук-тук!

Это странно.
 Очень странно:
 Ночью –
 Стуки барабана.
 Я, конечно, удивлён,
 Я вопросом занят:
 Будет спать сегодня он –
 Тот, кто барабанит?
 Тук-тук-тук!
 Тук-тук-тук!
 Не уснуть
 Под этот звук!
 Я встаю,
 Во двор иду,
 Навостривши уши.
 Ой! Да это же в саду
 Поспевают груши!
 Тише-громче,
 Громче-тише, –
 Тук-тук-тук! –
 Стучат по крыше...

Ссора

Птичий гомон в мире,
 Солнце и весна.
 А у нас в квартире
 Снова тишина.

Все молчат упрямо
 С самого утра.
 Значит, папа с мамой
 Ссорились вчера.

Даже за окошком
 Стал мрачнее вид.
 Даже наша кошка
 Грустная сидит.

Ни в одной квартире
 Ссоры не нужны.
 Все друг друга в мире
 Понимать должны!

Учись читать

Когда и зачем,
 почему и откуда? –
 На всё ты захочешь
 ответы найти.
 И я твоим верным
 помощником буду,
 Готовым помочь
 всегда и всюду.
 А кто я – по буквам
 заглавным прочти.

Наталья ВЕСЕЛОВА

Сказка для школьников среднего и старшего школьного возраста.

*Родилась в с. Скуппия Фалештского района.
Окончила Кишинёвский строительный техникум и Политехнический институт (1980).
В настоящее время работает архитектором.
Стихи начала писать еще в школьные годы.*

Город подсолнухов

(Отрывок)

*Книга книгой,
Да и своим умом двигай!
Пословица.*

Глава первая

Егор Феропонт, а для приятелей просто Понт, нёсся со скоростью на новеньком красном, недавно украденном скутере. Южный ветер обдувал его лицо первыми апрельскими ароматами. Тяжелое небо предвещало грозу. Тёмные тучи врезались одна в другую, разрастались, изменяясь в формах. Успеть бы до ливня!

Понт торопился на свидание к новой подружке. Ему ещё не приходилось встречаться с такой красавицей. Друзья обзавидовались, увидев ее. Ещё бы. Ровесница, скоро шестнадцать. Фигуристая, ресницы длиннющие. Упакована модно. Он вспомнил ее белое, словно мраморное, лицо. Розовые волосы. Куколка. И имя подходящее: Барби. Скорее бы встретиться.

Ветер поднял пыль и запылил глаза. Парень зажмурился. Не хотел шлем надевать, всего два квартала проехать, а надо было... Вот ещё напасть: наперерез неслась на роликах маленькая девчонка. Рефлексы сработали сами собой: напряжение, поворот вправо, визг шин от торможения, кусты, кувырок вперёд. Ах!

Темнота и шмелиный шум в ушах. Когда он открыл глаза, вокруг стояла тишина. Над ним колыхались ветки с молодыми почками. Понт перевел взгляд и увидел рядом стоящий розовый рюкзачок с нарисованной куклой и надписью «Барби».

– Барби! – тихо прошептал он. – Барби!

Ветви раздвинулись, и над ним повисло испуганное детское личико:

– Я не Барби, я – Колибри, – тёмная девичья коса упала парню на грудь, нежная детская рука медленно провела по его щеке. Понт почувствовал её маленькие пальцы на ссадине.

Глаза близко-близко. Видно каждую ресничку. Детское лицо скривилось от чужой боли, как от своей.

– Тебе больно?

Понт пошевелил руками, ногами и обрадовался: цел.

– Кажется, пронесло...

– Встать можешь? Давай помогу.

Девчонка засуетилась, обхватила шею, с силой тянула вверх, пытаясь поднять.

– Подожди, отдышись.

Она стояла на коленях, хотя ей было неудобно из-за жестких, больших ботинок с роликами.

– Терпи, я сейчас, я быстро... Станет легче, – тонкие девчачьи руки открыли рюкзак, достали бутылочку и стали поливать лицо Понта соком. Понт отвёл руку.

– Воды нет, – извиняющимся голосом щебетала девочка. – Как? Легче?

Из-за неё всё, из-за этой мелкой пташки. Как её? Колибри? А может, принял слишком много пива?

Понт поднимался медленно, отряхнулся. Кричать на неё передумал. Теперь уж что?!

– Ты – герой! Настоящий герой! Это ж ты из-за меня пострадал! – девочка смотрела не мигая.

– Носятся тут всякие... Мелочь безголовая. Не смотрят! – выговаривал он тихим басом.

– Домой торопилась. Грозы боюсь, – призналась Колибри. – Можешь идти? Как вообще?

– Нормально. Могло быть хуже. Доеду, – Понт посмотрел в наивные глаза, злости не было, а было неловко. Не привык к такому вниманию.

– Беги домой, пичужка, видишь, первые капли!

– А как ты один? – она салфеткой пыталась смахнуть песок с его кровящей стесанной щеки.

– Руки целы, ноги тоже, – он потоптался для виду. – Нормально. Поеду домой, твой сок смывать. Куда в таком виде? А тебе, верно, ещё задачки решать? Мелочь, ты в каком классе?

– Третий заканчиваю, – застенчиво и в то же время слегка кокетливо улыбнулась, закинула за узенькую спинку розовый рюкзачок и поехала дальше, часто оборачиваясь. Парень закатал изодранные рукава, осмотрел мопед – вроде бы в порядке. Медленно поплёлся назад к дому, катя своего железного коня рядом. Шел и оглядывался. Чем же тронула его эта девчонка? От ребёнка он никак не ожидал такого участия. Распевал протяжно: «у-час-тие». А корень слова какой? – Удивлялся сам себе. С чего это потянуло на грамматику? Часть? Часть чего? Видимо, есть люди, живущие в целостном, искреннем мире. А он не верил. Участия он не ожидал ни от кого. Совсем ни от кого. «Лет через десять отыщу. Другую, такую сочувствующую, верную найти не легко! – Понт мысленно разговаривал сам с собой. – А как же Барби? Барби хорошая, но не искренняя».

Оглянулся ещё раз, но улица была пуста. И крикнул в грозное небо: «Расти, Колибри! Превращайся в Голубку!»

Девочка сначала ехала медленно, но гром поторопил её. Картины аварии всё ещё крутились в возбуждённой маленькой головке. Добралась. Дома – никого. Забралась на диван.

За окном ссорились две пухлые фиолетовые тучи и швыряли друг в друга гарпуны на сверкающих лесках. Молнии. А вдруг они плохо прицелятся и попадут в крышу нашего дома? Говорят, металл притягивает молнии! Ох уж эта гроза в конце апреля!

Лена уткнулась лицом в цветастые подушки и натянула на голову шерстяной плед. От гнева природы плед не спасёт, но всё же хоть какая-то защита. Интересно, как тот парень? Видно, хороший. Живут же на белом свете такие героические люди! Вдруг по нему хлещут небесные струи? Ах, скоро ли бабушка придёт со смены? В эти минуты Лена представляла бабушку самым сильным на планете человеком, который сможет легко смотать все молнии в клубок и утихомирить гром. Наконец у крыльца послышались знакомые шаги и долгожданный скрип двери.

– Вот я и дома! Кругом лужи, а я сегодня как назло на каблуках! Представила, что ты от страха в подушки зарылась, и передумала идти в парикмахерскую. Ах, Лена-Ленуца, что, опять испугалась?

Из-под пледа выглядывало испуганное девичье личико, с ещё не высохшими слезами на щеках. Опухшие от рёва губы произнесли:

– Было боязно. А с тобой совсем не страшно! Бабушка, может, ты спокойствие с собой носишь?

– Не с собой, а в себе. Чего бояться, внученька? Свою тысячу гроз уже видела! Скоро полтинник. Гораздо страшнее обычных гроз людской гнев. Бывает, люди сами с собой совладать не могут. Только знай: любые грозы обязательно заканчиваются! Вот и сейчас, посмотри в окно – всполохов уже нет и небо посветлело.

– Бабуля, может, ты позже делами займёшься? Посиди со мной! Давай Библию прочитаем, как в прошлый раз.

Лена взяла эту загадочную книгу и, притулившись к мягкому боку бабушки, рассматривала картинки.

– Ленуца, не помнишь, на чём мы остановились?

– Помню. Сначала Бог сотворил небо и землю. Потом свет. И назвал свет днём, а тьму ночью. Всё это было в первый день. Во второй день Он создал небо. В третий – сушу. Суша родила траву и деревья. На четвёртый день сотворил светила небесные.

– А про пятый что написано?

– Сотворил Бог рыб морских, животных и птиц. Благословил их и сказал: плодитесь и размножайтесь. И увидел Бог, что это хорошо.

– Да, вижу, внучка, главное ты запомнила. Сейчас почитаем о сотворении человека. Это было на шестой день.

Устроившись поудобнее, девочка начала медленно читать: «И сказал Бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию нашему, и да владычествуют люди над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землёю... – чувствуя важность текста, Ленуца отчётливо произносила каждое слово: – И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Потом вдруг замолчала и задумалась.

– Как это – «и вдунул»? В животных и птиц не вдунул, а только в человека?

– Да, только в человека.

– А что? Что вдунул?

– Бог вдохнул в человека частицу Себя.

– И во мне есть эта частица? И в тебе?

– Да. В каждом человеке есть это Божья частица, называется Душа. Но не все её чувствуют. Мы пока не можем оценить Божий подарок. Это не просто подарок. Бог подарил человеку Себя. А себя дарят только любимым!

– А почему же говорят, что человек произошёл от обезьяны? И даже похож немного...

– Представь две картинки – человека и обезьяну, – в глазах бабушки засверкала картинка.

– Найди десять отличий! Первое, что бросается в глаза – хвоста-то нет! И тело не волосатое! Почему же не бросается в глаза явное различие в сознании? Люди уверены: мы не животные! Мы умны, у нас есть воля заставить себя трудиться, даже когда еды в избытке. А сколько воображения и творчества! Возможность обдумывать будущее! Только в мелочах люди похожи на обезьян: форма сосуда такая же! Да вот содержимое разное!

– Содержимое? Надо же! Душа?! А люди чувствуют, чего хочет Душа?

– Да, чувствуют. Совесть подсказывает!

– Совесть? Что это?

– Это внутреннее знание, как надо поступать. Например: мама просила тебя почистить картошку к моему приходу, а ты спряталась под плед от страха и ничего не сделала! Трусливый мой зайчонок. Скажи, было ведь чувство, как правильно поступить? Это и была подсказка совести.

– А может, у детей и нет её, совести?

– Есть. В детстве её легче услышать, почувствовать! А сейчас идём на кухню. Библию нельзя читать второпях. Её надо читать вдумчиво. На сегодня двух страниц вполне достаточно.

Лёжа в постели, Лена думала о совести: «Где была моя совесть (наверное, спала), когда я стала причиной хоть маленькой, но аварии? Даже имя своего героя не спросила. Где он сейчас? Как его ссадины и ушибы? И есть ли совесть у Серёжки, соседа по парте? Списал у меня контрольную и тоже получил девятку, да только незаслуженную. И называет меня, как в раннем детстве, Колибри, а ведь в этом году я вытянулась и повыше его буду!»

Засыпая, Лена слышала, как вернулись родители. Мама подоткнула одеяло и коснулась волос. «Спи с Богом», – услышала она уже сквозь сон.

После гулкой весенней грозы город уснул, смыв с себя многодневную пыль. А как замечательно спится после дождя!

* * *

Этой ночью не спал в городе только один человек. Звали его Семён Семёнович Загре-

байло. Это был представительный мужчина с заметным животиком и пышной каштановой шевелюрой. Окно кабинета было открыто, и свежий запах цветов наполнил его. На стенах висели картины известных художников. На письменном столе красного дерева стояла фарфоровая статуэтка обнаженной нимфы, которую он машинально поглаживал пухлой рукой. Он был доволен собой, ведь только благодаря его уму и энергии эти любимые предметы так гармонично вписались в интерьер. Радовали его и дорогие импортные обои, и дубовый паркет. Внутри кабинета всё было под стать его богатому дому, расположенному на престижной улице. Все предметы на столе приятно радовали глаз: и ручка с позолотой, и кожаный тиснённый блокнот, и последней модели ноутбук. В книжных шкафах французского гарнитура аккуратно стояли толстые тома всевозможных законов. Ведь Семен Семенович был юристом.

Что-что, а уж законы он знал очень хорошо. Поэтому к нему часто обращались за помощью. «Вот простак! – думал Загребайло. – Сами ничего не могут! Законов не знают! Бумаги оформить не в состоянии!»

Его почти круглосуточная работа заключалась в выискивании недосказанностей и лазеек в законах, которые можно было использовать в собственных интересах. Кропотливо выискивая оправдания урезанных зарплат, Семен Семенович засиживался до поздней ночи. Что касается налогов... Интересно, можно ли их уменьшать? Наверное, можно, только заранее нужно отыскать оправдание, сославшись на какой-нибудь редко применяемый пункт (а их так много!) Он читал сотни законов, сопоставлял, сравнивал, искал прорехи в них и с гордостью называл свой труд бизнесом.

Для чего же так много работал господин Загребайло? Он собирал редкие коллекции. Очередная его мечта – коллекция персидских ковров восемнадцатого века со знаменитым восточным орнаментом. В этих коврах шелковые нити переплетались с золотыми, а основой была шерсть, правда, немного подпорченная молью, но искусно заштопанная. Он уже воображал эти ковры на стенах своего жилища, мысленно ощупывал их и грезил, как покажет коллекцию важным гостям, небрежно махнув в сторону новой диковины: «Восточная Персия. Начало восемнадцатого века. Ручная работа, знаете ли».

* * *

В субботу бабушка и Лена пропалывали огород. Овощи росли быстро, удивляя привычным чудом: из маленького семечка вырастает большой куст с сотнями цветков, а потом, и плодами. Откуда они знают, как расти? Кто их научил?

– Бабушка, почему никто не видел Бога?

– Так уж и никто? Если подумать, внучка, то можно увидеть. Может ли одна клетка, ну, допустим, твоего сердца, видеть тебя? Нет, не может. Крот – слепой, он вовсе не видит свет. Это не значит, что света нет, просто у крота не развито зрение. Редкий человек видит божественное сознание. Не развил в себе что-то, чем можно почувствовать. А если подумать, откуда берётся сознание, то ясно, что где-то должен быть его источник. Этот неиссякаемый источник подпитывает всё живое, даже вот этот помидорный кустик. В нём своё крохотное сознание, которое постоянно меняет его, вот он и растёт.

– Ой! Смотри, как вырос! Ему подпорка нужна. Вот этот большой куст обвился вокруг малюсенького. Закрыл от него весь свет. А в нём-то совесть есть?

– Нет. Она только в людях.

– Она всё время в нас? – Лена внимательно посмотрела на бабушку.

– Да. Душа постоянно всё осознаёт и всё запоминает, только мы её не ощущаем. А совесть способны чувствовать, если только не будем отмахиваться от неё, как от чего-то лишнего. Корень слова «совесть» – весть. Со-весть: совместная весть, единая для всех. Совесть и подсказывает желания Души.

– Душа запоминает всё?

– Да! Сохраняет даже то, что мы сами помнить не хотим! Компьютер создан людьми, а какую память имеет?! Но это ничто по сравнению с божественной памятью. Нет такого, чтобы не отражалось в ней.

– И вчерашний день тоже? И неделю назад? – Лена выпрямилась.

– Конечно. И даже любая тысячная секунды. К жизни надо относиться ответственно. Господь дал нам свою частичку, Душу, чтобы знали, в каком направлении двигаться. Мы, люди, должны её в себе приумножить.

– Но как это может быть? Миллиарды людей. Миллиарды и миллиарды частичек? И всё дал один Бог?

– Намного больше. Несчетное множество. В духовном мире множество не подчиняется правилам сложения. Множество может быть единым! Божественная энергия разумна и управляема, она может разъединяться на множество, существовать по отдельности и потом опять соединиться в одно. Она и во множестве Одна-единая.

– И что же будет с моей душой?

– То же, что и со всеми частями Божественного сознания. В конце концов она соединится с Богом. Когда человек умирает, этот божественный дар возвращается тому, кто в нас его вдохнул, и тогда становится ясно, приумножил за свою жизнь человек самое ценное – Душу, или нет. Помнишь, мы читали в Библии: «Со временем приходит Господин рабов и требует у них отчёта. И тот, кому он дал пять талантов, принёс и другие пять талантов... Хорошо. Получивший два таланта и приумноживший их до четырёх, тоже был похвален. А вот тому, кто свой талант не приумножил, было сказано: негодного раба выбросьте вон!»

– Выходит, талант – это и не деньги вовсе?

– Конечно, не деньги. Любовью душа приумножается! А с большой Душой и после жизни легко соединиться с Единым.

– Это потому люди в церкви в воскресенье пели: «Кончину христианскую, непостыдную дай нам» Это о соединении?

– Да...

Лена задумалась и долго молчала. День был солнечный. Облака неслись, меняя свою форму. Весь мир казался разумным и устроенным самым лучшим образом. Вечером после ужина, когда они мыли посуду, бабушка рассказывала:

– Леночка, мы на фабрике осваиваем новую модель игрушки. Дракончиков. Забавные такие. Приходи – увидишь.

Бабушка Ира работала на местной фабрике игрушек, которая находилась на соседней улице. В двух цехах шили из меха и цветного плюша зверей, больших и маленьких. Все городские малыши обязательно хоть раз в жизни были здесь на экскурсии и хотели бы попасть сюда ещё, желательно без взрослых. Вот уж вволю можно было наиграться! «Надо обязательно пойти посмотреть!» – решила Лена.

* * *

На следующий день после уроков Ленуца вприпрыжку бежала на фабрику. Солнце то весело подмигивало ей из луж, то при ветре от ряби морщило лоб.

– Что-то хочешь сказать? – она нагнулась к луже и увидела только себя.

Перед входом раскинулись ещё не расцветшие каштаны. Вошла в цех, остановилась. Ни души. Обеденный перерыв. В центре большой стол. Плотной, высокой стопкой лежали вырезанные по лекалам детали. Взяла ткань, повертела в руках. Этот лоскут для чего? Может, это будущая лапка лисы, а может, шея жирафа? Воображение рисовало разных животных. Вдоль глухой стены стояли стеллажи с готовыми игрушками. Рядами сидели на полках розовые зайцы, рыжие белки, слоны и олени. Глаза разбегаются!

– Здравствуйте! Здравствуйте, друзья! – Лена нежно гладила плюш, прикладывала мягкие морды к своим щекам, заглядывала в нарисованные зрачки:

– Давно вас не видела. Скучали без меня? – спросила девочка и перебежала в другой конец цеха. Вдоль стены с окнами стояли в ряд швейные машины. Возле каждой машины с одной стороны находилась коробка с множеством раскроенных лоскутков для будущих игрушек, а с другой – лежали сшитые детали.

Лена подошла к швейной машинке своей бабушки:

– Ах, какие заготовки! – как давно она мечтала сшить хотя бы одну игрушку, но не было удачного момента, а тут – цех пустой: садись и шей! – Наконец-то и я сошью что-нибудь! Однако внутренний голос подсказывал: «Не умеешь – не берись, можешь испо-

ртить». Но желание было гораздо сильнее. Усевшись на бабушкино место, пристроив на нос бабушкины очки, Лена почувствовала прилив уверенности и стала быстро строчить, смотря поверх очков. Потом схватила вторую заготовку, наверное, голову, и стала пришивать лежащие рядом уши. Без разбору юная мастерица хватала новые и новые детали и соединяла между собой. Лапки... Может, это клюв?! Хобот? А уши чьи? Хвост белки? Лисы? Торопясь, она быстро строчила. Получились три странные заготовки. Только не понятно, кого не понятно кого.

Первая заготовка получилась с головою слона, туловищем пчелы и лапками то ли гуся, то ли утки.

– Милые мои! Какие вы забавные вышли! Слонёнок! Ты будешь летающий слонёнок! Слонопчёлка! Нет! Назову тебя Слонолёт!

У второго зверя морда белого зайца красовалась на колючем тёмно-синем туловище ежа. «Странно, – подумала Лена, – отчего у него такие разные уши: одно – действительно заячье, а другое – как у тех рыжих пуделей на стеллаже? И хвост, кажется, не от него: пушистый, беличий!

– Ах ты, разноухий, не удался! Беденький! Колюченький! Как назвать тебя? Может, Колючка? Некрасиво. Ушастик? Тоже нет. Потом придумаю.

В третьей заготовке к туловищу кенгуру была пришита голова серого кота и полосатый хвост.

– И тебе, кенгурёнок, не повезло! Прости меня! Не хотела испортить. Котофей Кенгурович!

Вскоре послышался смех. Шаги. Лена бросила заготовки в коробку и юркнула под стол.

– Подождите, милые, – шептала она, – я вас обязательно набью ватой. Будете похожи на настоящих зверей!

Швеи возвращались после обеденного перерыва. Вернулась и бабушка Ира. Ничего странного не заметив, она принялась тут же за работу. Сидя под столом, Лена наблюдала, как из-под бабушкиных рук, словно по волшебству, появляются красивые заготовки.

В конце смены все швеи сдавали свою продукцию на контроль. Усатый контролёр с ужасом вытаскивал сшитые Леной заготовки и причитал:

– Что с тобой, Дмитриевна?! Ты здорова? У тебя сегодня полно брака! Столько деталей испортить! Это ты мне решила насолить?! Это что, шутки такие? Придется объяснительную начальству писать, пусть разбираются!

Лена все это время сидела под столом и всё слышала. От ужаса закусила губу, щеки пылали, пальцы сжались в кулаки. Хотела выскочить и признаться во всём, но страх крепко приковал её к перекладине, соединяющей ножки стола. Внутренний голос твердил: «Спаси бабушку!» И тут она поняла: это совесть. Она-то у неё, оказывается, есть! Но страх перебивал: «Это ничего не изменит! Заготовки уже испорчены, исправить нельзя! Ну не убьют же бабушку! Кроме того, бабушка видела и не такие людские грозы! Выдержит!» Однако совесть настаивала: «Лена, не трусь!» Страх же, извиваясь, шептал: «Завтра признаюсь, а сейчас уж лучше помолчать».

– Вот их место! – крикнул контролёр и выкинул испорченные заготовки в урну. – С тебя же, Дмитриевна, премию снимем!

* * *

Провернув удачно дельце и заработав приличную сумму, Семён Семёнович Загребайло приобрёл долгожданные персидские ковры. Он тотчас же обратился к дизайнерам, которые полностью изменили интерьер помещения. Внимание гостей было направлено исключительно на коллекцию. В доме появилась Восточная комната, стены которой выложили мозаикой из цветных зеркальных шестиугольников, похожих на соты. Количество больших и маленьких подушек на диванах увеличилось. На серебряных крючках висели четыре восточных халата, и четыре чалмы красовались на полке над ними. Из-за границы по каталогу было доставлено самое современное средство против моли. Ведь ковры должны сохраняться десятилетиями. Требовалась декоративная подсветка, и вскоре она тоже появилась.

Следующим необходимым приобретением должен стать сервиз на двадцать персон короля Людовика XVIII. Буклет с этим сервизом бросился Семен Семёновичу в глаза на выставке старинного фарфора. Фарфор – это очень ценно, а лет через двадцать? Внуки это оценят! А для кого же жить, если не для них?!

– Сеня! Ты этого достоин! – сказал сам себе истинный ценитель раритета. – Ну кто, если не ты? В нашем клубе бизнесменов нет второго такого человека! Нас учили, что деньги – эквивалент труда. Нет! Гораздо чаще деньги – эквивалент изворотливости. И тут мне, Сене, нет равных!

Опять он сидел ночами, обдумывая новое дело, но очень был доволен собой и своим домом. Иногда ему казалось, что его недолюбливают, но он не обращал на это никакого внимания. «Я всего добился сам, – рассуждал про себя Семен Семенович. – Отчего меня должно волновать чужое мнение? Люди завистливы, злы. Если им тоже хочется осетрины под соусом, пожалуйста, пусть добиваются сами! Не умеют заработать – тогда пусть едят мамалыгу! Вот и садовник косо сегодня зыркнул. Уволю!»

Садовника между тем мало волновали думы хозяина. Подрезая колючие розы, он думал о своём. Вчера на вокзале, когда он провожал двоих своих сыновей на заработки, слышал обрывки фраз: «Мы создали свою бригаду... сняли квартиру на пятерых... Я и трое друзей... Едем всей семьёй. Мы их научили ставить опалубку...» И во всех разговорах звучало: мы или я вместе с... «Простые люди потому и просты, что чувствуют себя только частью чего-то огромного, – философствовал садовник, когда-то окончивший университет, но так и не нашедший работу по специальности. Взглянул на Семёна Семёновича, стоявшего с рабочими поодаль, и подумал: – Хозяин, даже когда с людьми стоит, все равно один. Творческий, умный. А к люду нет любви! И меры у него две: побольше – для себя, поменьше – другим. Для себя – половник, для других и чайной ложки жалко! Как же после такой жизни можно объединиться с Единым Богом?! Бедный, бедный Семёныч!»

Так думал садовник, надавливая ногой на лопату и переворачивая комья черной дышащей земли, земли благодатной и плодородной. И привычный сырой запах успокоил его. Потом, стоя, облокотившись о лопату, он представлял цветущую клумбу и продумывал до мелочей образ вверенного ему сада.

– Я посажу в центре клумбы подсолнухи! Их желтые лепестки будут подходить по цвету к кустарнику с фиолетовыми листьями. Хозяин, возможно, будет недоволен, но эта клумба далеко от дома и не бросается в глаза. А как же замечательно, когда они поворачиваются к солнцу!

Садовник и сам засмотрелся на солнце, приставив ладонь ко лбу. И, забыв все заботы, прошептал:

– Как чудесен мир! И сегодняшний день тоже прекрасен!

Продолжение следует.

Екатерина КОЖУХАРЬ

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Благословенная Оптиная, или О духовном сердце России

«Если сходятся слова и жизнь, они становятся памятниками всей философии».

Преподобный Исидор Пелусиот

в моменты душевной смуты, тесноты, отчаяния – жизненные ситуации либо душевные тупики, чаще всего человек отправляется искать утешения и ответов в монастыри.

Столь долгим вступлением я веду читателя к Оптиной пустыни – благодатнейшему месту России, известному во всем мире мужскому Введенскому ставропигиальному монастырю. Нашим же читателям Оптиная, может быть, знакома благодаря своей роли в жизни русских писателей, особенно в творчестве Ф.М. Достоевского и Н.В. Гоголя. Выразителен фрагмент из письма Николая Гоголя Оптинским монахам: «Путь мой труден, дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией мое

Сегодня о церкви сложилось твердое скептическое мнение, как о торговой лавке, где можно купить индульгенцию на отпущение грехов. Не моя роль – защищать или уличать церковь и монастыри. Но, насколько я понимаю, человек, алчущий духовной свободы, не станет искать компроматов на священнослужителей, а устремит взор вовнутрь, к своей душе. «Кому

Казанский храм и колокольня

какое дело, кто поэт, а кто – неизвестно кто?», – слова песни Пети Мамонова, известного рок-н-рольщика, ныне глубоко православного, при этом авангардного исполнителя. Монастыри создают идеальные условия, в которых ничто не мешает внутреннему созерцанию. Молитва и послушание – это то, что очищает человеческое сердце и позволяет ему видеть яснее, целостнее то, что происходит с ним вокруг.

В монастырь уходят от большой духовной жажды для достижения высшего совершенства. Монахи говорят, что и в миру можно спастись, но искушения здесь иного рода и благодати меньше. Иная точка зрения, паломничество в миру – духовный подвиг куда труднее. Но вопрос в другом:

перо и силы мои не только ничтожны, но их нет без осозанья свыше. Говорю вам об этом не ложно. Ради Христа обо мне молитесь... Он силен, Милосердый, сделать все и меня черного как уголь убелить и возвести до такой чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради самого Христа молитесь. Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейских дрызг и на всяком месте странствия быть в Оптиной пустыни...» Впоследствии Н.В. Гоголь хотел принять постриг и стать монахом Оптиной пустыни, но ему отказали, указав на литературное поприще.

Ф.М. Достоевский посетил Оптину, будучи разбитым смертью от падучей своего трехлет-

него сына Алеши. Еще до посетившей его беды писатель неоднократно задумывался над тем, чтобы отправиться в Оптину пустынь. Пробыл он там три дня – с 25 по 27 июня 1878 года, и вернулся оттуда, по свидетельству жены его Анны Григорьевны, «как бы умиротворенный и значительно успокоившийся». Со старцем Амвросием Достоевский «виделся три раза: раз в толпе при народе и два раза наедине – и вынес из его бесед глубокое впечатление... Из рассказов Федора Михайловича видно было, каким глубоким сердцеводом и провидцем был этот всеми уважаемый старец», ставший прототипом старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы».

«Итак, что же такое старец?», – пишет он в романе. «Старец – это берущий вашу душу, вашу

туда перенесено в Россию. В силу разных исторических обстоятельств – татарщины, смут, а также вследствие упадка веры и подвижничества, оно понемногу стало приходить в забвение, так что многие даже начали отвергать его. Восстановителем старчества в России считается великий подвижник Паисий Величковский, старец и архимандрит молдавских монастырей. С великим трудом собрал он на Афоне и перевел с греческого на русский язык творения аскетических писателей, в которых содержится учение о монашеском житии и о духовном отношении к старцам. Вместе с тем в подчиненных ему монастырях он показал и применение этого учения к делу. Одним из учеников старца-архимандрита Паисия Величковского, схимонахом Феодором,

Современная Оптиная пустынь

волю в свою душу и свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли».

Да, именно возродившееся на Руси старчество, обретшее в Оптиной пустыни свое сердце, манило людей. Начало старчества восходит к временам глубокой христианской древности, процветало в древних египетских и палестинских киновиях (совместная жизнь, общежитие), впоследствии насаждено было на Афоне, а от-

жившим в Молдавии около двадцати лет, этот порядок иноческой жизни передан был иеросхимонаху Леониду (в схиме Льву), а им насажден в Оптиной пустыни в течение двенадцатилетнего (1829-1841 гг.) пребывания в ней. Старцу Леониду преемствовал его ближайший ученик, друг и соратник иеросхимонах Макарий (1841-1860 гг.), которому Оптиная пустынь обязана укреплением и особенным процветанием в ней старческого подвига. Достойным продолжателем старца Макария был иеромонах Амвросий (1860-1891 гг.). Этот период по уровню духовной жизни считается золотым временем Оптиной, воплощением идеального христианского общежития, рая на Земле. За историю монастыря в Оптиной пустыни дара старчества удостоились 14 монахов: Лев, Макарий, Моисей, Антоний, Иларион, Амвросий, Исаакий I, Анатолий I, Ио-

сиф, Варсонофий, Анатолий II, Нектарий, Никон, Исаакий II. Во время их жизни в Оптиной пустыни происходили чудеса исцеления, духовного откровения. Не меньше их и сегодня – 16 ноября 1988 года мироточила икона Казанской Божией Матери и преподобного Амвросия. Приложиться к мощам и получить покровительство старцев в Оптину ездят тысячи паломников не только со всей России, но и со всего мира.

В период расцвета Оптиной пустыни здесь началась широкая книгопечатная деятельность, основной базой которой стали также труды великого молдавского старца Паисия Величковского. Архимандрит Никодим так охарактеризовал литературно-издательскую деятельность, раз-

Храм Христа Спасителя, где хранится камень с горы Фавор

вернувшуюся в Оптину под руководством старца иеросхимонаха Макария, спустя 50 лет после смерти старца Паисия Величковского: «И если по всей справедливости старцу Паисию принадлежит честь обновления русской иноческой жизни и первого русского инока-наставника и руководителя в аскетическом чтении, то и Оптиной Пустыни следует приписать ту великую заслугу, что она явилась лучшей и единственной в России продолжательницей дела Паисиева. И ее литературно-издательская деятельность – прямое продолжение переводческих трудов старца

Паисия. ...Эта деятельность настолько содержательна, научно интересна и практически жизненнополезна, что на довольно-таки тусклом фоне монастырского просвещения XIX века является светлым и отрадным исключением».

В моем сознании Оптина вспыхнула внезапно, причем так ослепила, что на следующее же утро я собрала рюкзак и отправилась туда. К слову, до этого меня интересовали и я жила многими восточными духовными практиками. Такой внутренний толчок, побуждающий к несомненному действию, вдохновил меня. Оказалось, монастырь находится приблизительно в 1200 км от Кишинева, в Калужской области, близ города Козельска. Добраться туда можно поездом или автобусом до Калуги, затем автобусом до Козельска. От Козельска до Оптиной пустыни около двух километров. Дорога пересекает реку Жиздру и идет вдоль монастырской рощи. В 1832-1839 годах вокруг монастыря была построена невысокая ограда и четыре наугольные башни. Когдаходишь в ворота монастыря, перед тобой предстает сразу несколько соборов. Расположены они крестообразно: в центре находится главный храм монастыря – Введенский собор (ныне на реставрации), на севере – церковь Марии Египетской, переделанная в 1858 году из старой трапезной, на юге – Казанская церковь, построенная в 1811 году, на востоке – Владимирская, восстановленная только в 1998 году, на западе – новый храм в честь Преображения Господня, освященный в 2007 году. В настоящее время утренние и вечерние Богослужения проходят в Казанском и Владимирском храмах. За монастырской рощей расположен скит, в котором проводятся круглосуточные богослужения. Там в основном живут схимники, раньше жили старцы. Но старчество еще не возродилось после большевистских разбоев. В скиту сохранились домики, где останавливались Н.Гоголь и Ф.Достоевский, однако мирянам туда вход запрещен.

Историческая справка: Монастырь возник в конце XIV века раскаявшимся разбойником по имени Опта (Оптия), в иночестве – Макарий. Тяжело и бедственно развивался. Лишь в конце XVIII века был устроен скит и со всех сторон к монастырю потянулись страждущие. Оптина стала одним из духовных центров России. 23 января 1918 года декретом СНК Оптина пустынь была закрыта, и организована «сельскохозяйственная артель». Весной 1923 года обитель перешла в ведение Главнауки и была названа «Музей Оптиной пустынь». В 1939-1940 годах в Оптиной пустыни

содержались польские военнопленные, многие из которых позже были расстреляны. В 1987 году монастырь был возвращён Русской православной церкви.

Добравшись до Оптиной пустыни, я попросилась на послушание – обязанность, которая возлагается на каждого монаха или послушника, выполняемая в искупление греха. При этом можно оставаться и жить в монастыре, сколько необходимо, кров и еда предоставляются. Конечно же, все очень аскетично, что вполне естественно! Паломники, приезжающие на день-два, могут остановиться в монастырской гостинице за определенную плату.

Семь дней в Оптиной пустыни стали для меня очень большим отрезком времени, за который многое пересмотрелось и переиначилось внутри меня. Говорить о собственной душе, миропонимании – слишком интимно! Однако, по-моему, нельзя даже близко ставить вровень красоту эмоций, переживаемых в жизни, с глубиной духовной благодати, умиротворения, любви чистой и бескорыстной. Невозможно передать теплоту, сердечность и кротость людей, там живущих, супротив городского чванства и гордыни. Поэтому человеку, стремящемуся к совершенству, путь Православного христианина, на мой взгляд, может оказаться особенно

Вид Оптиной пустыни со стороны Скита

Моим послушанием была уборка в Казанском храме. Признаюсь, в миру для меня не было ничего скучнее уборки. Что ж, я смиренно принялась за работу, которая в общей сложности отнимала у меня около 4-5 часов в день, переменяя мое отношение к рутинной работе. Остальное время – утреннее и вечернее Богослужение, трапеза и ознакомление с жизнью монастыря.

близким. А Оптина может привлечь своим гармоничным единством слова Божия и исполнение его делом. Что подтверждает Ф.М.Достоевский строками из письма Н.А. Любимову, после посещения Оптиной пустыни: «Если удастся, то сделаю дело хорошее: заставлю сознаться, что чистый, идеальный христианин – дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее...».

Com.

Tiraj 1000 (3500) ex.

Î.S. Firma editorial-poligrafică «Tipografia Centrală»

MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1

Tel. 43-03-60, 49-31-46